

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

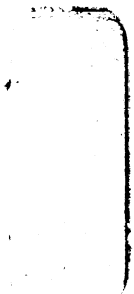
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

изд
дан

Свобода

и

Культура

[Svoboda i kultura]

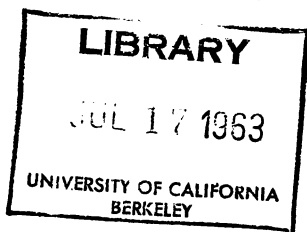
no. 2

1/46d

2-3

1906

(DK
1
575)

№ 2

10 АПРѢЛЯ 1906 г.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ журналѣ

СВОБОДА и КУЛЬТУРА:

Позади текста цѣлая страница 30 руб., полъ-страницы 20 руб. На обѣихъ внутреннихъ и на задней сторонахъ обложки страницы 75 руб., полъ-страницы 40 руб. За строчку петита каждого столбца на обложкѣ 60 коп.

Содержаніе:

С. Франкъ. Молодая демократія.

А. Изгоевъ. Двѣ стороны аграрнаго вопроса.

Б. Кистяковский. Кабинетъ министровъ.

Н. Бердяевъ. О путяхъ политики.

Замѣтки. *Д. Мережковский.* О благородствѣ пролетаріата.

Д-ръ И. Хмѣлевскій. Революціонный неврозъ.

СВОБОДА И КУЛЬТУРА

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

подъ редакціей С. Л. ФРАНКА

при ближайшемъ участіи

Петра Струве

10 АПРѢЛЯ 1906 Г.

№ 2

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Молодая демократія.

Исходъ выборовъ начинается превосходить самая пылкія надежды друзей народной свободы, самая мрачныя опасенія ея враговъ. Кажется, еще ни одна страна не знала такой всеокрушающей побѣды одной партіи на парламентскихъ выборахъ,—и притомъ партіи, которой приходилось бороться не только со своими противниками, но и съ совершенно беззащитнымъ, превосходившимъ всякую мѣру приличія давленіемъ администраціи. Когда реставрація во Франціи обрѣла свою „chambre introuvable“, составленную сплошь изъ однихъ реакціонеровъ, она добилась этого благодаря утомленію народа революціонной бурей, благодаря репрессіямъ и бѣлому террору, нагнавшему страхъ и отчаяніе; мы пережили тоже репрессіи и бѣлый терроръ почище французскихъ, и нельзя также отрицать, чтобы народъ не былъ утомленъ испытаніями послѣднихъ лѣтъ. И тѣмъ не менѣе—не правительство, а народъ, не реакціонное, а освободительное движеніе, повидимому, получаетъ свою „chambre introuvable“, *свою* палату, которая можетъ служить ему безподобнымъ и несравненнымъ орудіемъ политической борьбы.

Какъ это случилось? Ни энергіей агитаціонной и организаціонной работы друзей народной свободы, ни политическими ошибками ея противниковъ, ни даже преступленіями правительства нельзя объяснить этого поразительнаго, безпримѣрнаго успѣха оппозиціи. Его причины лежатъ гораздо глубже, и его вѣроятныя послѣдствія гораздо грандіознѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Намъ дано быть свидѣтелями великаго культурнаго переворота, который самъ есть только начало новой культурно-исторической эпохи—эпохи *торжества и расцвѣта демократіи въ Россіи.*

Въ печати было уже указано ¹⁾ основное культурно-историческое значеніе побѣды партіи народной свободы на выборахъ: побѣда эта была обезпечена голосами, поданными **подлиннымъ „простымъ“ народомъ**, и сотни тысячъ избирательныхъ записокъ, собранныя партіей народной свободы, знаменуютъ великое событіе духовнаго сліянія интеллигенціи съ народомъ. Впервые въ новой русской исторіи весь народъ дѣйствительно уразумѣлъ идеалы интеллигенціи, цѣль и смыслъ освободительнаго движенія. Трагическая отчужденность двухъ Россій, Россіи интеллигентской и Россіи народной, отчужденность, искусственнымъ укрѣпленіемъ которой держался старый порядокъ, смѣнилась сознательной солидарностью. Тотъ „чернорабочій“, который, въ извѣстномъ стихотвореніи въ прозѣ Тургенева, съ недоумѣніемъ обонялъ запахъ желѣза отъ оковъ на рукахъ „бѣлоручки“ и, ничего не понимая, шелъ раздобывать себѣ „на счастье“ веревку, на которой умеръ этотъ „бѣлоручка“—умеръ за него, за его права и счастье—этотъ самый „чернорабочій“ понялъ, наконецъ, какая глубокая духовная и практическая связь соединяетъ его съ чужимъ ему по платью, манерамъ и образованію „бѣлоручкой“. Въ самую критическую минуту, въ дни всенароднаго поединка между свободой и насиліемъ, между правомъ и произволомъ, онъ уже не остался, какъ прежде, равнодушнымъ зрителемъ борьбы, не сидѣлъ дома, озабоченный лишь кускомъ хлѣба на завтрашній день, равно презирая всѣхъ „бѣлоручекъ“ безъ различія, только за то, что они—„господа“, а не мужики. Нѣтъ, своимъ могучимъ многотысячнымъ хоромъ голосовъ онъ поддержалъ того изъ „бѣлоручекъ“, на знамени котораго написаны права и интересы народа. Разумъ страны слился съ ея волей, интеллигенція спаялась съ народомъ. Въ эти великіе дни родилась на Руси *демократія*. Ибо демократія есть не господство черной толпы, а господство *народа*; она предполагаетъ неразрывную связь между духовной жизнью страны и народными интересами, между интеллектуальной культурой и біеніемъ народнаго сердца.

Завѣтная цѣль, о которой въ теченіе десятковъ лѣтъ такъ страстно мечтала, къ которой такъ упорно и самоотверженно стремилась русская интеллигенція—внушить на-

¹⁾ Въ статьѣ П. Струве „Великое“, въ № 33 „Рѣчи“.

роду свои идеалы, слиться съ нимъ въ одно могучее побѣдоносное движеніе—эта цѣль, по крайней мѣрѣ, въ основѣ своей, уже осуществилась на нашихъ глазахъ. „Нынѣ отпускаеши!“ съ полнымъ правомъ могутъ воскликнуть ветераны освободительнаго движенія, увидѣвъ всю народную Россію, вставшую, какъ одинъ человѣкъ, на защиту свободы и демократіи. Какія бы испытанія еще ни предстояли впереди, и какъ бы мало еще ни была обезпечена демократія въ учрежденіяхъ и законѣ, главное уже осуществлено: демократія утверждена *въ общественномъ мнѣніи* — болѣе того: *въ народномъ сознаніи*.

Я знаю, конечно, что не мало найдется сектантовъ-фанатиковъ, которые не поймутъ величія совершившагося, а съ презрѣніемъ отвергнутъ его,—не обрадуются побѣдѣ демократіи, а проклянутъ ее за то, что она произошла не во имя символа *ихъ* вѣры: съ негодованіемъ или суровой враждебностью отвернутся они отъ зрѣлища народа, который передъ храмомъ свободы перекрестился тремя пальцами, а не двумя: какъ того требуютъ *ихъ* священныя книги. Такое крестное знаменіе, хотя бы оно было совершено съ глубочайшимъ благочестіемъ и чистѣйшей вѣрой, ведетъ, по *ихъ* мнѣнію, не къ спасенію, а къ вѣчной гибели, и тѣ, кто увлекъ народъ къ храму свободы, богохульственно презрѣвъ всякія различія вѣроисповѣдныхъ обрядовъ, суть въ *ихъ* глазахъ не друзья народа, а его злѣйшіе враги и соблазнитель.

Было бы бесполезно опровергать подобныя воззрѣнія. Догматическую вѣру вообще нельзя „опровергнуть“ — она лежитъ внѣ сферы дѣйствія аргументовъ и соображеній, въ области чувства и настроенія; можно только надѣяться, что впечатлѣнія жизни и суровые толчки дѣйствительности пробудятъ этихъ вѣрующихъ отъ *ихъ* „догматическаго сна“. Не для опроверженія, а скорѣе лишь для иллюстраціи узости этого сектанства мы хотимъ здѣсь подчеркнуть, что побѣда партіи народной свободы есть во всѣхъ отношеніяхъ торжество не *партіи* или не только партіи, а всего освободительнаго и демократическаго движенія. Таковымъ оно является въ сознаніи людей, голосовавшихъ за партію, — а вѣдь реальное существо всякаго политическаго явленія опредѣляется именно психологіей участниковъ политической жизни. Эти люди своими голосами поддерживали не „кон-

ституціонно-демократическую партію“, какъ таковую, а движеніе, поставившее на своемъ знамени „народную свободу“ и сумѣвшее освѣтить это знамя такъ, что оно стало виднымъ и яснымъ для всего народа; и народъ голосовалъ именно за „народную свободу“, въ подлинномъ значеніи этого лозунга, онъ выбиралъ людей, которые завѣдомо для него борются *за народъ и противъ правительства*. Вопреки убѣжденію, что народу нужна не „практическая партія“, а религиозно-политическое *вѣроученіе* съ твердо установленными догматами, — убѣжденію, въ которомъ сходятся и ищутъ оправданія для своего собственнаго догматизма, съ одной стороны, революціонеры, съ другой—нѣкоторые „мистики“ (гг. Бердяевъ, Булгаковъ и др.),—выборы показали, что политическая религія русскаго народа свободна отъ всякихъ узкихъ догматовъ и прямолинейныхъ доктринъ. Народъ не задумывался надъ различіемъ фракцій и ученій въ предѣлахъ освободительнаго движенія, какъ и не размышлялъ, нужно ли голосовать за православнаго или за еврея, за атеиста или за вѣрующаго. Онъ подавалъ голосъ за торжество добра и справедливости надъ зломъ и насиліемъ, онъ защищалъ единую, всѣмъ понятную и для всѣхъ одинаковую „правду Божию“ отъ поборниковъ духа злобы и неправды. Заслуга конституціонно-демократической партіи, благодаря которой она приобрѣла сейчасъ гегемонію надъ демократической оппозиціей, состоитъ только въ томъ — и это, конечно, заслуга немалая—что партія и своей программой, и своей тактикой сумѣла внушить народу и утвердить въ немъ сознаніе правды и законности освободительнаго движенія, что она подобрала секретный ключъ къ народному сердцу. Да и секретъ этотъ сводился весь къ тому, чтобы поставить дѣло какъ можно болѣе широко, какъ можно менѣе догматично — чтобы не навязывать народу никакихъ готовыхъ догматовъ и отвлеченныхъ формулъ, не насиловать его совѣсти, а подслушать его насущныя жизненныя нужды, удовлетворить горячей нравственной потребности всего общества въ политическомъ и социальномъ обновленіи, не дробя и не раскалывая движенія изъ - за мелочей. Конституціонно - демократическая партія побѣдила, не какъ специфическая, отличная и обособленная отъ другихъ *фракція* демократическаго движенія, а какъ союзъ людей, сумѣвшихъ въ своей постановкѣ

движенія *освободиться отъ всякаго фракціоннаго духа*, поставившихъ общее дѣло демократіи выше фракціонныхъ пристрастій и односторонностей. И именно потому торжество этой партіи есть *торжество самой демократіи*.

Вглядываясь въ это историческое явленіе рожденія русской демократіи, мы не можемъ не изумиться той легкости и почти математической ясности, съ которой оно развивалось. Правда, при этомъ былъ пролитъ цѣлый океанъ народной крови, но онъ ушелъ на преодоленіе чисто механическихъ препятствій, стоявшихъ на пути демократическаго движенія: могущественныхъ внутреннихъ, идейныхъ преградъ это движеніе почти не знало.

Начало русской революціи, какъ широкаго, всенароднаго движенія, датируется отъ 15 іюля 1904 года, со дня смерти Плеве. Когда механическій гнетъ полицейской бюрократіи героическими усиліями сравнительно немногочисленной группы интеллигенціи былъ преодоленъ, и испугавшееся правительство на нѣсколько мѣсяцевъ ослабило стальную узду реакціи, броженіе съ изумительной скоростью овладѣло, въ теченіе полугода, всѣмъ обществомъ. Мы пережили въ ту—нынѣ столь уже далекую — знаменательную эпоху что-то вродѣ историческаго чуда внезапнаго преображенія страны— не всей, еще страны, но ея культурныхъ слоевъ. Сколько недоувѣрія было у насъ всѣхъ къ мощи демократическаго движенія, и какъ неожиданны были для насъ его почти чудесныя побѣды: исходъ земскаго сѣзда 6-го ноября, резолюціи земствъ и городовъ, небывалый успѣхъ агитаціи на банкетахъ и въ печати—все это превосходило самыя смѣлыя ожиданія. Побѣдоносно охвативъ все общество, движеніе перенеслось въ народъ 9-го января; ибо исторически безспорно, выше всякихъ сомнѣній, что событіе 9-го января вытекло непосредственно изъ общественнаго движенія интеллигентныхъ классовъ и было его отголоскомъ и расширеніемъ.

Съ 9-го января рожденіе русской демократіи вступаетъ въ новый фазисъ, который завершается октябрскими днями. Несмотря на вновь усилившуюся реакцію, движеніе въ народѣ растетъ и крѣпнеть, и пускаютъ невидимые ростки заложенныя 9-го января сѣмена солидарности народнаго чувства съ демократическими упованіями интеллигенціи. Эти ростки бурно пробиваются изъ подъ земли въ истори-

ческіе октябрскіе дни и въ манифестъ 17-го октября завоевываютъ себѣ, наконецъ, право на вольное и открытое существованіе. И здѣсь опять таки стоитъ внѣ спора взаимодѣйствіе между интеллигенціей и народомъ, общенациональный, внѣклассовый, истинно-демократическій характеръ великой октябрьской революціи. Понадобилось всего девять мѣсяцевъ, чтобы освободительное сознаніе народа, въ наивной, чуждой интеллигентской душѣ формѣ впервые сказавшееся 9-го января, въ октябрскіе дни слилось съ настроеніемъ интеллигенціи и въ бурномъ натискѣ сломало твердыню стараго порядка.

Съ 17-го октября начинается третій и пока послѣдній фазисъ русской революціи, который еще короче предыдущихъ: онъ заканчивается сейчасъ, въ настоящее время, въ великіе мартовскіе дни всенароднаго торжества русской демократіи. За этотъ періодъ революціонныя *дѣйствія* часто были ошибочны и бесплодны, часто походили на смутныя и опасныя судороги, въ которыхъ искалѣченная, залитая кровью и задыхающаяся отъ негодованія и ярости страна, казалось, могла погибнуть. Но революціонное *сознаніе* не замирало и не умерло, и, крещенная огнемъ и кровью, непобѣдимая и болѣе побѣдоносная, чѣмъ когда либо, русская демократія становится на нашихъ глазахъ хозяиномъ политической жизни. Въ прежнее время ее звали тысячеголовой гидрой, у которой взамѣнъ одной отрубленной головы тотчасъ же вырастаютъ двѣ новыя. Въ этомъ ужасномъ году ей уже не рубили голову—ее цѣликомъ сжигали и разстрѣливали, и уже не съ гидрой, а съ свѣтлымъ фениксомъ, возстающимъ изъ пепла, она можетъ быть сравнена теперь.

Понадобились только три волны, одна шире и сильнѣе другой, чтобы, въ теченіе полутора лѣтъ, смыть, снести всѣ преграды, стоявшія на пути демократіи, и залить народное сознаніе демократической идеей. Освободительному потоку предстоитъ впереди еще новая работа — демократизація учреждений и быта. Но кто знаетъ, что носителемъ и творцомъ учреждений и быта является общественное мнѣніе, того уже не можетъ страшить будущее.

Такимъ образомъ, изумительно побѣдоносный для демократіи исходъ выборовъ есть лишь эпизодъ въ общемъ процессѣ торжества демократіи, лишь звено въ цѣпи непре-

рывныхъ ея побѣдъ. Насъ поразило извѣстіе, что Петербургъ, Москва и многіе другіе города дали свои полномочія исключительно представителямъ демократическаго направленія. Но развѣ не такъ же поражало насъ въ свое время, что большинство земцевъ неожиданно оказалось конституціоналистами, что московская дума объявила себя за конституцію, что 9-го января мечта о свободѣ разомъ двинула на улицы полтора ста тысячъ рабочихъ? Одна побѣда смѣняетъ другую, и всѣ онѣ неожиданны, непредвидѣнны, превосходятъ всѣ расчеты и соображенія и своей грандіозностью смущаютъ даже самихъ побѣдителей. Кто вдумается въ эту связь явленій, кто великіе мартовскіе дни будетъ разсматривать не изолированно, а въ общемъ контекстѣ событій послѣднихъ лѣтъ, для того станетъ ясно, что исходъ выборовъ—не случайность, а историческая необходимость, что *историческій рокъ предопредѣляетъ торжество демократіи въ Россіи.*

Откуда это предопредѣленіе? Какія историческія причины необходимо склоняютъ въ Россіи чашу вѣсовъ на сторону демократіи и обезпечиваютъ ея торжество? Мнѣ кажется, что главная, рѣшающая причина лежитъ въ характерномъ для Россіи отсутствіи стойкаго и прочнаго консервативнаго и, въ частности, буржуазнаго общественнаго мнѣнія. Мысль эта уже высказывалась на страницахъ „Полярной Звѣзды“ и была еще на-дняхъ вновь подчеркнута г. Кизеветтеромъ въ статьѣ „Консерватизмъ и наши „правыя“ партіи“¹⁾. Въ нашемъ прежнемъ бытѣ нѣтъ ничего, что имѣло бы *моральное* оправданіе, что опиралось бы не на силу кулака и штыка, а на силу идей. Старый порядокъ не имѣлъ никакихъ *культурныхъ заслугъ*, и потому не могъ претендовать на какое либо внутреннее идейное уваженіе къ себѣ.

Яснѣ всего это обнаруживается въ политическомъ устройствѣ. Строй, который издавна основывался на подавленіи всякой свободной, искренней мысли и вѣры, не могъ привлечь къ себѣ мысль и вѣру; правительство, которое явно и очевидно существовало не для народа, а заставляло его служить своему произволу и эгоизму, не могло имѣть на своей сторонѣ народнаго сочувствія. Всѣ свободныя идеи, всѣ искреннія моральныя чувства, всѣ глубокіе помыслы и упованія рождались въ сторонѣ отъ существующаго, вопреки

¹⁾ *Свобода и Культура*, № 1.

ему, и становились въ антагонизмъ къ нему. Немудрено, что порядокъ, опиравшійся только на штыки, оказался столь слабымъ, немудрено, что какъ только народная мысль шевельнулась и осознала оппозиціонную идею, она отдалась ей безъ колебаній и сомнѣній, и это пробужденіе повлекло за собой внезапное, стремительное паденіе вѣкового „колосса на глиняныхъ ногахъ“. *Еще разъ воочию подтвердилось историческое безплодіе насилія и историческое всемогущество идей.*

Строго говоря, и старый порядокъ держался такъ долго только потому, что, несмотря на всѣ свою безыдейность, онъ все же имѣлъ за себя извѣстную идею, или, вѣрнѣе, одно идейное заблужденіе: это—связь съ національнымъ чувствомъ народа. Историческая ассоціація идей, память о національномъ значеніи самодержавія въ отдаленномъ прошломъ спаяло въ народномъ сознаніи національное чувство съ уваженіемъ къ господствующей власти; убѣжденіе въ внѣшнемъ могуществѣ Россіи, въ ея национальной сплоченности и крѣпости давало въ глазахъ народа единственное и сильнѣйшее оправданіе старому политическому порядку. Это не сознавалось ясно, а лишь смутно чувствовалось; это было идейнымъ недоразумѣніемъ, ложъ котораго разоблачалась, какъ только оно формулировалось ясно и отчетливо, какъ только изъ него дѣлались необходимые политическіе выводы: судьба славянофильства показала, что подлинному, реальному самодержавію такъ же мало дѣла до народности, какъ и до культуры и свободы. Но народъ смутно продолжалъ вѣрить въ эту связь, и собственно лишь эта вѣра — а не штыки, и даже не невѣжество народа — поддерживали старый порядокъ. Исходъ войны раскрылъ глаза народу: послѣдняя и единственная идейная опора самодержавія пала, и съ той минуты судьба его была рѣшена. Искусственная, внутренне-несостоятельная связь политическаго деспотизма съ національнымъ чувствомъ разорвалась, и режимъ политическаго рабства предсталъ передъ народомъ во всей наготѣ своего безобразія и разложенія. Въ этомъ—национально-историческое значеніе несчастной русско-японской войны. Оппозиція стала непобѣдимой, ибо *иныхъ* идейныхъ преградъ она никогда не имѣла; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ все мыслящее и нравственно-правдивое всегда было на ея сторонѣ.

Но не только политическій бытъ прошлаго лишенъ твердыхъ устоевъ въ нравственномъ сознаніи народа: столь же беспочвеннымъ и бесплоднымъ въ культурно-философскомъ отношеніи является у насъ буржуазно-капиталистическая организація хозяйства. Классовыя привилегіи буржуазіи лишены у насъ какого либо общегосударственного и культурнаго значенія. Есть что-то глубоко и жизненно-правдивое въ славянофильско-народническомъ утвержденіи объ отсутствіи въ Россіи „буржуазіи“ въ западно-европейскомъ смыслѣ слова. Утвержденіе это ошибочно, когда берется въ *экономическомъ* смыслѣ: теперь уже никто не отрицаетъ, что въ Россіи не только будетъ, но и есть капиталистическое хозяйство. Но понятіе „буржуазіи“ имѣетъ не чисто экономическое, а гораздо болѣе широкое культурное значеніе. Подъ „буржуазнымъ обществомъ“ разумѣется анти-демократическій, собственническій и классовый укладъ соціальной жизни и культурно-политическаго міросозерцанія. И въ этомъ именно отношеніи Россія чрезвычайно рѣзко отличается отъ западной Европы. *У насъ нѣтъ буржуазной культуры*, хотя и есть капиталистическое хозяйство. На нравственномъ міровоззрѣніи народа, на литературѣ, на идеяхъ и привычкахъ общества буржуазія въ Россіи не оставила—можетъ быть, только не успѣла оставить—сколько нибудь виднаго и широкаго отпечатка. Подобно самодержавному правительству, русская буржуазія опирается на голый *фактъ* господства, а не на *идею*; подобно правительству, народъ служить ей только изъ нужды, лишь за страхъ, а не за совѣсть. Западно-европейская буржуазія, обогативъ культуру, именно благодаря этой своей заслугѣ внесла отраву въ общественное сознаніе, перестроила его на свой ладъ, приспособила мораль и разумъ народа къ своимъ собственническимъ вождельніямъ, и демократія имѣетъ понынѣ въ буржуазіи могущественнаго, во многихъ отношеніяхъ еще стойкаго и жизнеспособнаго врага. Русская буржуазія въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ Деруновыхъ и Колупаевыхъ, эксплуатирующихъ народъ при пособничествѣ правительства, и во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакихъ культурныхъ и государственныхъ заслугъ. Россія и понынѣ существуетъ „мужикомъ“; строй ея жизни демократиченъ уже въ силу преобладающаго значенія крестьянскаго хозяйства; а „идеологія“ русскаго общества и на-

рода буржуазнымъ и классовымъ духомъ уже почти совсѣмъ не затронута. Вотъ почему буржуазный и вообще недемократическій и антидемократическій либерализмъ никогда не имѣлъ и не имѣеть никакого успѣха въ Россіи. Вотъ почему идея всеобщаго избирательнаго права такъ быстро и прочно укрѣпилась въ русскомъ общественномъ мнѣніи. Тогда какъ большинство европейскихъ странъ должны были вести, а отчасти еще ведутъ, тяжелую и упорную борьбу за это справедливое и нормальное представительство народа, а Германія получила его только благодаря счастливой для нѣмецкаго народа ошибкѣ въ расчетахъ Бисмарка,— у насъ признаніе всеобщаго избирательнаго права есть, безспорно, дѣло завтрашняго дня, и, въ сущности, въ принципѣ не можетъ быть отвергнуто, потому что въ уродливой и только своимъ уродствомъ несправедливой формѣ оно уже лежитъ въ основѣ существующей избирательной системы. Точно также крушеніе на выборахъ союза 17-го октября и торгово-промышленной партіи есть не только результатъ ихъ политическихъ ошибокъ: оно стоитъ въ связи съ непопулярностью въ Россіи всякаго недемократическаго либерализма. На Западѣ буржуазный либерализмъ имѣеть въ своемъ распоряженіи голоса интеллигенціи, чиновниковъ, прикащиковъ, прислуги, привилегированныхъ рабочихъ, потому что буржуазныя идеи проникли въ сознаніе широкихъ слоевъ населенія, *экономически* принадлежащихъ къ демократіи. У насъ собственники могутъ опираться только на самихъ себя, и потому, при сколько нибудь демократической постановкѣ избирательнаго права, осуждены на политическое крушеніе.

Повторяемъ, освободительное движеніе, и именно въ своей демократической формѣ, побѣдоносно потому, что въ общественномъ сознаніи оно не встрѣчаетъ никакихъ моральныхъ и культурныхъ задерживающихъ мотивовъ, — другими словами, потому, что въ Россіи ни у бюрократіи, ни у буржуазіи нѣтъ тѣхъ культурныхъ заслугъ, а, слѣдовательно, и того культурнаго вліянія, которыми онѣ обладали и еще обладаютъ на Западѣ. У насъ еще нѣтъ сложившейся политической и соціальной культуры, и поэтому созиданіе политическаго и соціальнаго устройства на демократическихъ началахъ встрѣчается только съ механиче-

скими препятствіями въ лицѣ эгоистическихъ интересовъ, но не съ внутреннимъ противодѣйствіемъ идѣй.

* * *

Успѣхи демократическаго движенія въ ближайшемъ прошломъ и настоящемъ сулятъ надежды на его дальнѣйшія успѣхи въ будущемъ. Исторической прогнозъ, говоря вообще,— есть дѣло въ высшей степени трудное и щекотливое. Обиліе и разнообразіе факторовъ, сложеніемъ которыхъ опредѣляется историческое развитіе, несомнѣнный элементъ случайности и непредвидимости, присущій нѣкоторымъ изъ этихъ факторовъ, дѣлаютъ всякія предсказанія въ области исторіи болѣе или менѣе проблематичными. Достаточно здѣсь указать на самый близкій и живой для насъ примѣръ: русско-японская война была безспорно исторической *случайностью*, такъ какъ не вытекала изъ историческихъ нуждъ русской государственной жизни, а была обусловлена прихотью, эгоизмомъ и безразсудствомъ кучки временщиковъ. А между тѣмъ, изъ никѣмъ не предусмотрѣнныхъ лѣсныхъ концессій на Ялу вытекло грандіозное историческое событіе, которое уже наложило неизгладимый отпечатокъ не только на дальнѣйшую русскую исторію, но и на исторію міровую.

Есть, однако, нѣкоторыя широкія историческія тенденціи, о которыхъ можно утверждать, что онѣ въ основѣ своей независимы отъ вліянія случайныхъ, побочныхъ причинъ, и на осуществленіе которыхъ въ будущемъ можно рассчитывать съ значительной долей вѣроятія, приближающейся къ полной достовѣрности. Вопросъ о грядущихъ судьбахъ демократіи въ Россіи принадлежитъ именно къ этимъ случаямъ возможности приблизительнаго историческаго предвидѣнія.

Мыслящаго наблюдателя, мнѣ кажется, событія послѣднихъ лѣтъ должны неизбежно приводить къ убѣжденію, что въ Россіи не только обезпечено конечное торжество демократіи, но что нашей странѣ, быть можетъ, уже въ недалекомъ будущемъ, суждено стать *передовой страной демократіи*. Этотъ прогнозъ, на мой взглядъ, съ неопровержимой ясностью вытекаетъ изъ отмѣченныхъ выше особенностей русской политической культуры, именно изъ отсутствія въ Россіи культурно-вліятельной и плодотворной бюрократіи и буржуазіи. Первое отрицательное данное—некультурность и несостоятельность бюрократіи—дѣлаетъ въ Россіи невозможнымъ

пруско-германское политическое устройство, при котором демократическое движение сдерживается авторитетом влиятельного, работоспособного и популярного в обществе чиновничества. Торжество чистого парламентаризма в России есть не идеальная политическая мечта, а реальная, можно сказать техническая политическая необходимость, ибо без него, при негодности нашей бюрократии, немыслимо организовать сколько нибудь удовлетворительно функционирующий механизм управления. Всякое правительство—независимо от иных, более принципиальных требований, к нему предъявляемых—должно быть в состоянии правильно осуществлять возложенную на него *техническую* задачу управления; и пока оно эту задачу выполняет, исход борьбы с ним будет неопределенным. Но система, технически несостоятельная, может существовать только в силу случайных условий, мешающих свергнуть ее; и в таком именно положении находится бюрократия в России. Поэтому, в отличие от таких стран, как Германия и Австрия, парламентарное управление в России должно установиться с исключительной легкостью, и будущность его обеспечена его необходимостью для осуществления технически-нормального управления. Таково условие, гарантирующее быстрое и прочное торжество народовласти в России в политической сфере.

Еще гораздо важнее условия, обеспечивающие торжество демократии в области социальной и бытовой. Основное из этих условий отмечено выше: у нас нет сильных и прочных консервативных традиций, которые сдерживали бы влияние демократических идей на быт и социальные отношения. Какую бы область народной жизни мы ни взяли — всюду мы найдем ту же шаткость и идейную беспочвенность исторического уклада, а, следовательно, и ту же победоносность демократического движения. Ни сословные различия, ни порабощение женщины, ни господство буржуазии, ни политическая власть церкви не имеют у нас никаких идейных корней, не опираются ни на какие культурные начала и учреждения. Поэтому у нас немыслимы ни влияние родовой феодальной знати, как в Англии, ни клерикализм, ни исторически укрепившееся в большинстве европейских стран низведение женщины на роль служанки, ни процветание культуры собственников, столь сильно тормозящее

соціальное развитіе Франціи. Только мало вдумчивый наблюдатель усмотритъ парадоксъ въ утвержденіи, что въ Россіи есть всѣ данныя для культурнаго развитія по образцу австралійскихъ колоній. Намъ приходится также строить культуру на дѣвственной, нетронутой почвѣ, и въ этомъ наше великое преимущество. Какъ только съ Россіи будетъ окончательно снято иго народнаго невѣжества и политическаго индифферентизма, и какъ только съ ея пути будутъ устранены механическія препятствія въ лицѣ отжившей бюрократіи — а мы уже сейчасъ близки къ тому и другому — ея культурный прогрессъ—экономическій, соціальный, политическій и духовный—двинется семимильными шагами. Лучшимъ залогомъ того служить одинъ культурный фактъ, значеніе котораго врядъ ли можетъ быть преувеличено: изъ всѣхъ европейскихъ странъ Россія одна имѣетъ *прогрессивно-настроенное крестьянство*—крестьянство, которое будетъ служить и уже служить сильнѣйшей опорой демократіи и которое нельзя употреблять, какъ орудіе реакціи. Наше крестьянство—въ силу цѣлаго ряда историческихъ причинъ—не будетъ поддерживать ни власти дворянства, ни клерикализма, ни чиновничества; отнынѣ оно, при сколько нибудь разумной тактикѣ демократическихъ партій, будетъ всегда на сторонѣ послѣднихъ.

Передъ нашимъ умственнымъ взоромъ открываются грандіозныя историческія перспективы. Долгій застой русской политической и культурной жизни подъ гнетомъ самодержавія и бюрократизма не долженъ смущать нашихъ надеждъ. Разъ гнетъ свергнуть напоромъ великой революціи— а вѣдь нельзя сомнѣваться, что мы переживаемъ дѣйствительно великую революцію, пока еще далеко не закончившуюся—русскій народъ обрѣтаетъ въ себѣ ту великую внутреннюю свободу и молодую силу, которой нѣтъ у другихъ, культурно болѣе старыхъ народовъ. Не славянофильскія симпатіи и не національное пристрастіе, а спокойное наблюденіе реальныхъ фактовъ и разборъ реальныхъ возможностей заставляютъ питать надежду, что Россіи суждено не только догнать, но и опередить въ развитіи демократіи другія культурныя страны. Недалеко уже, думается намъ, время, когда Россія отъ позорной роли оплота европейской реакціи перейдетъ къ славному назначенію быть оплотомъ

и авангардомъ европейской демократіи. Она имѣетъ всѣ данныя для этого.

* *
*

Намъ могутъ указать, что наши предположенія построены на мысли, что культурная отсталость и бѣдность есть лучшее условіе быстрого и могущественнаго культурнаго прогресса. Можно ли—спросятъ насъ—считать отсутствіе накопленнаго культурнаго капитала залогомъ грядущаго богатства, можно ли на недостаткѣ культурныхъ традицій, на первобытной дикости строить надежды на побѣду передовой демократіи, и не значить ли это повторять старое, уже опровергнутое исторіей народническое заблужденіе?

Мы твердо убѣждены, что въ старой народнической идеѣ о молодости и культурной нетронутости Россіи, какъ условіи, обеспечивающемъ ей быстроту и мощь культурнаго развитія, содержится, не смотря на всѣ историческія неточности и преувеличенія, здоровое зерно, которое лишь въ наши дни начинаетъ давать ростки, и это зерно мы старались выше обнаружить не романтическими, а часто реалистическими соображеніями. Но мы цѣнимъ также тотъ западническій скептицизмъ, который не вѣритъ въ творческую силу некультурности, понимаемъ и принимаемъ его сомнѣнія. Этотъ скептицизмъ наводитъ на одну въ высшей степени серьезную проблему.

Отсутствіе прочныхъ консервативныхъ традицій, основанное на бѣдности и шаткости нашей культуры, есть — какъ мы старались показать — благоприятный моментъ для развитія демократіи. Но то же отсутствіе сложившихся культурныхъ традицій психологически неизбѣжно связано съ отсутствіемъ любви и уваженія къ культурѣ, съ нѣкоторой уже положительной культурной дикостью, которая сама есть серьезное препятствіе для всякаго прогресса. Нельзя отрицать, что характерный демократическій укладъ русской жизни имѣетъ свою обратную сторону въ непопулярности и шаткости у насъ чисто-культурныхъ идеаловъ, въ недостаточной преданности и уваженіи къ культурнымъ цѣнностямъ, въ нѣсколько пренебрежительномъ или равнодушномъ отношеніи къ наукѣ, искусству, философіи, праву. Что дастъ намъ въ этомъ отношеніи будущее? Въ какой связи находится вообще демократія съ культурой? Нуж-

дается ли она въ ней и потому поддерживаетъ ее, или находится въ антагонизмъ къ ней?

Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было здѣсь исчерпать; достаточно будетъ намѣтить его общія очертанія. Исторически безспорно, что демократія часто стояла во враждебномъ отношеніи къ культурѣ, и что послѣдней неоднократно болѣе благопріятствовало аристократическое устройство жизни. У насъ въ Россіи демократическая идея часто сталкивалась съ идеей культуры и возставала противъ нея: во имя народнаго блага апостолы демократіи не разъ отвергали политическую свободу, науку, искусство, цивилизацію. Опасность подобнаго отношенія въ будущемъ не можетъ быть отрицаема. И все же эти историческіе факты не имѣютъ рѣшающаго и принципиальнаго значенія.

Современная демократія есть прежде всего сама продуктъ культуры; механизмъ ея предполагаетъ цѣлый запасъ интеллектуальныхъ и моральныхъ цѣнностей, безъ котораго онъ не можетъ быть сколько-нибудь прочнымъ. Въ этомъ отношеніи опасенія и сомнѣнія „западниковъ“ долны серьезнаго значенія. Но именно чисто техническая необходимость культуры для демократіи—необходимость просвѣщенія и цивилизаціи какъ для политическаго, такъ и для соціально-бытового упроченія демократіи—внушаютъ увѣренность въ связъ между торжествомъ демократіи и расцвѣтомъ культуры. Ближайшая эпоха, послѣ установленія нормальнаго демократическаго режима, должна быть и необходимо будетъ посвящена лихорадочно страстной работѣ по культурному возрожденію нашей родины. Симптомы этого уже сейчасъ налицо. Нигдѣ, быть можетъ, нѣтъ такой безумной жажды просвѣщенія, какъ у русскаго народа въ наши дни. Въ отличіе отъ интеллигенціи, которая сейчасъ болѣе, чѣмъ когда-либо, забросила всѣ культурные интересы ради политическихъ задачъ, народъ охваченъ стремленіемъ къ знанію и просвѣщенію не только ради утилитарныхъ цѣлей минуты, но въ силу глубокаго инстинкта, подсказывающаго ему внутреннюю связъ между культурнымъ совершенствованіемъ и соціально-политическимъ обновленіемъ жизни. Есть основанія думать, что именно молодость и культурная наивность нашего народа не только ускоритъ его политическое развитіе, но и привѣтъ грядущей русской демократіи великую страсть къ

еще неизвѣданнымъ культурнымъ цѣнностямъ,—страсть, которая замѣнитъ ей господствующее на Западѣ вѣковое уваженіе къ культурѣ. Способствовать укрѣпленію этой плодотворной и насущно-необходимой любви къ культурѣ есть задача русской интеллигенціи, и само торжество демократіи въ извѣстной мѣрѣ зависитъ отъ того, насколько интеллигенція сама проникнется убѣжденіемъ въ необходимости работы для чисто-культурнаго преобразованія и перевоспитанія жизни. За это дѣло необходимо усердно взяться не только впослѣдствіи, когда политическая жизнь будетъ уже устроена и не будетъ отнимать всѣхъ помысловъ общества—о немъ надо хотя бы серьезно задуматься уже сейчасъ.

Современное человѣчество не можетъ себя представлять культуры иначе, какъ на почвѣ справедливаго демократическаго устройства; всѣ антидемократическія тенденціи въ соціально-политической сферѣ въ настоящее время также и антикультурны. Но и наоборотъ: современная демократія немыслима внѣ культуры, она опирается на просвѣщеніе и воспитаніе и крѣпка только въ тѣснѣйшемъ единеніи съ работой мысли и духа. Грядущая русская демократія должна открыть путь и для грядущей русской культуры.

Если это будетъ, то неисчислимыя жертвы, павшія на алтарѣ русской демократіи—жертвы, скорбная память о которыхъ омрачаетъ грустью самыя восторженные надежды—были все же принесены не даромъ—поскольку можно вообще исчислять итоги тамъ, гдѣ пассивъ есть человѣческая кровь и слезы.

С. Франкъ.

Дѣѣ сторожы аграрнаго вопроса.

(Къ философіи аграрной программы к. д. партіи).

Слышится голосъ крестьянъ. И съ каждымъ днемъ онъ звучитъ громче и могущественнѣе. Къ нему прислушиваются, съ нимъ хотя бы считаются, съ нимъ вынуждены будутъ считаться, потому что отъ крестьянъ зависитъ вся судьба Россіи. Крестьяне—фундаментъ Россіи. Фундаментъ этотъ пришелъ теперь въ движеніе, и его перестройка опредѣлитъ стиль и характеръ всѣхъ нашихъ политико - социальныхъ учреждений.

„Аграрный вопросъ“, „нелѣпое иностранное слово“, какъ сердито говорилъ Л. Н. Толстой, давно уже пересталъ быть „интеллигентнымъ измышленіемъ“, точнѣе говоря, заботой филантропически настроенной интеллигенціи. Столь губительная для развитія Россіи, мертвящая всякую интеллигентную мысль и интеллигентное дѣло, рознь между „интересами“ и „мнѣніями народа“ совершенно отсутствуетъ въ земельномъ вопросѣ. Тутъ „мнѣніе“ крестьянъ, по признанію почти всѣхъ интеллигентовъ, совпадаетъ съ „интересами“ крестьянъ. Это мнѣніе гласитъ: земля должна перейти въ руки тѣхъ, кто ее обрабатываетъ.

Таково краткое, но глубокое и вполне вѣрное опредѣленіе сущности крестьянскаго, аграрнаго вопроса. Такъ его понимаетъ и программа конституціонно - демократической партіи. Если наблюдаются между отдѣльными членами разногласія, то они сводятся къ тому, какимъ темпомъ идти къ намѣченной цѣли. Одни рекомендуютъ нѣкоторую постепенность, другіе настаиваютъ на коренномъ и быстромъ рѣшеніи вопроса. Но движущая цѣль у тѣхъ и у другихъ одна и таже: земля должна принадлежать тому, кто ее об-

работываетъ. Тоже самое говоритъ и народъ. Партія уловила голосъ народа и потому она имѣетъ полное право на названіе народной, съ законной гордостью можетъ называться партіей народной свободы. Только земля дастъ народу свободу.

Вдумайтесь глубже въ этотъ лозунгъ, въ которомъ воплощается теперь весь „аграрный вопросъ“. Разложите на составныя части эти слова: земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ. Вы увидите, что въ условіяхъ современной русской жизни этотъ, казалось бы, единый аграрный вопросъ распадается на два. Одинъ изъ нихъ—соціально-политическій, другой—соціально-экономическій.

Первый сводится къ полному уничтоженію помѣстнаго землевладѣнія въ русской сельской жизни. Онъ имѣетъ ярко выраженный политическій характеръ. Онъ служитъ признакомъ желанія крестьянъ рѣшительно покончить со старымъ помѣстно-приказнымъ строемъ, тождественнымъ у насъ западному феодальному, добиться дѣйствительной, настоящей свободы.

Помѣстное землевладѣніе, которое теперь перемѣшалось и отождествилось вообще съ крупнымъ землевладѣніемъ, является у насъ не только „экономической“ категоріей, но еще въ большей степени орудіемъ политическаго господства. Главная роль крупнаго землевладѣнія—держать въ кабалѣ крестьянское населеніе. Соотвѣтственно этой роли направлялась и наша внутренняя политика. Ея главная цѣль сводилась къ тому, чтобы не дать возможность закабаленному выйти изъ кабалы. При „освобожденіи“ крестьянамъ даны были недостаточные надѣлы, у нихъ были отрѣзаны наиболѣе необходимые участки, на землю были наложены непосильные платежи. Для чего все это дѣлалось? Цѣли не скрывали. Всѣ усилія направлены были на то, чтобы не лишить помѣщиковъ рабочихъ рукъ.

Крѣпостное право въ 1861 году не было окончательно отмѣнено. Отъ этой змѣи было оторвано нѣсколько членовъ, но голова съ жаломъ осталась. И это жало сорокъ пять лѣтъ жалитъ крестьянъ.

Вѣками слагалось на Руси помѣстное право и параллельно съ нимъ шло закрѣпощеніе крестьянъ. Съ того момента, какъ прекратилась для дворянъ обязательная госу-

дарственная служба, крестьянинъ особенно настойчиво началъ домогаться воли. Но отмѣненная закономъ обязательная государственная военная и гражданская служба долго еще существовала по обычаю и на практикѣ. Даже при Николаѣ I неслужащій дворянинъ былъ существомъ подозрительнымъ. Государственную службу дворянъ оплачивали своимъ потомъ и кровью крестьяне.

Съ дворянами на поприщѣ государственной службы съ Петра Великаго начали конкурировать разночинцы. Государству нужны были знанія. Такъ родилась бюрократія, ряды которой на три четверти пополнялись изъ дворянъ, на четверть—изъ разночинцевъ. Государственное жалованье, крѣпостное право, казнокрадство и взяточничество—вотъ матеріальныя условія развитія и роста нашей бюрократіи.

Значительная часть дворянства все же осталась внѣ бюрократической огады. Эта часть питалась исключительно крѣпостнымъ правомъ. Дѣйствительное радикальное освобожденіе крестьянъ съ предоставленіемъ имъ земли означало бы уничтоженіе цѣлаго класса, „ста тысячи даровыхъ полиціймейстеровъ“. Можно было бы конечно думать, что помѣстный классъ, получивъ выкупные милліоны, обратитъ ихъ въ промышленность—и расцвѣтетъ русская экономическая жизнь по западно-европейскому образцу. Объ этомъ и мечтали нѣкоторые просвѣщенные буржуа. Но вліятельные дворяне и старые приказные смотрѣли на дѣло трезвѣе. Они считали необходимымъ сохраненіе даровыхъ полиціймейстеровъ и избрали для этого болѣе практическіе пути.

Была поставлена задача: освободить крестьянъ такъ, чтобы не исчезла обязанность крестьянина работать на барина. Задача была рѣшена блестяще. Малоземелье и отрѣзки закабалили цѣлыя селенія отдѣльнымъ землевладѣльцамъ. Аренда изъ свободнаго договорнаго соглашенія на дѣлѣ обратилась въ принудительную съ монопольными цѣнами. Цѣны диктовалъ помѣщикъ и увеличивалъ ихъ по мѣрѣ роста крестьянскаго малоземелья. Переселенія были затруднены, чтобы не сбѣжалъ у пана рабочий. Паспортъ, круговая порука, искусственное держаніе народа въ невѣжествѣ, поддерживаніе варварскихъ формъ землепользованія, распыляющихъ крестьянскую землю,—всѣ эти мѣры созданы были для укрѣпленія помѣстнаго класса, на которомъ держался и весь государственный строй. Крестьяне не могли

имѣть ни настоящаго суда, ни настоящаго самоуправленія потому, что рядомъ съ ними жилъ баринъ. Крестьянамъ нельзя было дать ни политическихъ, ни гражданскихъ правъ потому, что рядомъ съ деревней стояла помѣщичья усадьба...

Но такъ какъ, несмотря на всѣ эти косвенныя мѣры поддержки, несмотря на прямыя милліардныя субсидіи, помѣстный классъ все же неуклонно стремился къ упадку и терялъ свою власть надъ населеніемъ, то во время откровенной реакціи 80-хъ годовъ рѣшено было прямо приступить къ реставраціи снесенныхъ уже въ 1861 году частей крѣпостного права. Такъ родился земскій начальникъ, получившій право хозяйничать не только въ общественной сельской жизни, но и въ частномъ быту каждаго крестьянина. Тогда же возникли и правила о наймѣ на сельскія работы, давшія помѣщику въ руки уголовный законъ для рабочихъ, нарушившихъ гражданскій договоръ найма.

Когда и этихъ мѣръ оказывалось недостаточно, въ деревни приходили войска, жгли крестьянскія хаты, убивали людей, насиловали женщинъ, сѣкли и избивали крестьянъ, открыто глумясь надъ всякими Высочайшими Манифестами объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Для кого и во имя кого все это дѣлалось?

Жизнь все вниманіе крестьянина направляла на одно мѣсто, на помѣщичью усадьбу. Здѣсь сходились нити какъ экономическихъ, такъ и политическихъ его размышленій.

Голодно—потому, что земли мало, земля у помѣщика, за аренду приходится очень дорого платить. Холодно—потому, что лѣса нѣтъ, лѣсъ у казны или у помѣщика. Почему полиціи въ селѣ такъ много? Потому, что крестьянинъ началъ злоумышлять противъ помѣщика и для охраны послѣдняго заведены урядники, исправники, земскіе начальники, станове, пѣшіе и конные стражники, разныя воинскія команды, казаки и черкесы...

Даже по мѣрѣ того, какъ расширялся кругозоръ мыслящаго крестьянина, образъ помѣщичьей усадьбы не уменьшался, а наоборотъ увеличивался, и ея вліяніе на крестьянскую жизнь казалось болѣе сильнымъ и фатальнымъ.

Почему, по мнѣнію правительства, нельзя дать крестьянамъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права? Потому, что тогда они задавятъ дворянъ и отымутъ у частныхъ владѣльцевъ землю... Почему нельзя создать правильнаго

безсословнаго мѣстнаго управленія съ правомъ самообложенія? Потому, что правительство боится, какъ бы крестьяне не обременили непосильными налогами дворянскія земли и не заставили бы дворянъ ликвидировать свое хозяйство. По той же причинѣ нельзя дать крестьянамъ гражданскія и политическія права, дать имъ знанія и свободу. Вездѣ, на всѣхъ дорогахъ передъ крестьяниномъ опускается шлагбаумъ. и на немъ надпись: помѣщичья усадьба. Вѣдь вотъ и теперь, послѣ всѣхъ Минифестовъ о свободахъ, послѣ всѣхъ карательныхъ экспедицій Луженовскихъ и Филоновыхъ, министерство Витте-Дурново изготавило какой-то законъ о стачкахъ въ сельскомъ быту. Очевидно простой отказъ крестьянина работать на землевладѣльца за назначенную послѣднимъ плату будетъ въ ХХ вѣкѣ объявленъ уголовнымъ преступленіемъ.

Поэтому, когда говорятъ, что крѣпостное право не умерло, что оно существуетъ, то на эти слова нельзя смотрѣть какъ на полемическую рѣзкость. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ констатированіе дѣйствительнаго факта. Въ крестьянское тѣло загнанъ клинъ. Онъ причиняетъ раны и боль, поддерживаетъ нагноеніе и кровоточивость. Пока вы не удалите этотъ клинъ, вы не добьетесь ни исцѣленія, ни оздоровленія организма.

Извлечь этотъ клинъ можно только однимъ путемъ: ликвидированіемъ крупнаго землевладѣнія. Этого и требуетъ народъ. Требованіе земельной реформы въ устахъ крестьянъ является прежде всего требованіемъ равенства. Мы не хотимъ и не можемъ предрѣшать теперь вопроса о будущности той или иной формы землевладѣнія на Руси. Мы можемъ съ увѣренностью сказать только одно: порядокъ и спокойствіе въ сельской Россіи не водворятся до тѣхъ поръ, пока всѣ сядище на землѣ не будутъ фактически равноправны. Поэтому-то вполне понятно лихорадочное стремленіе защитниковъ приказно-помѣстнаго строя въ нѣсколько мѣсяцевъ покончить съ общиннымъ землевладѣніемъ, разверстать крестьянскія земли въ собственность отдѣльнымъ лицамъ, усиливши въ то же время дѣятельность Крестьянскаго Банка. Если бы такіе планы были выполнимы, то, пожалуй, дѣйствительно, можно было бы спасти хоть среднее помѣстное землевладѣніе, населивъ деревню мелкими земельными собственниками. Но для осуществленія мечты Витте-Никольскаго о ликвидациі общиннаго землевладѣнія

потребуется десятилѣтія, и за это время революціонная лихорадка изведетъ русскій народъ, подточить его матеріальныя силы. Поэтому-то я считаю глубоко продуманнымъ и разумнымъ то положеніе программы конституціонно-демократической партіи, по которому принудительно отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный фондъ. Образование такого земельного фонда не предрѣшаетъ будущей формы землевладѣнія и землепользованія. Оно открываетъ двери, какъ націонализациі земли, такъ и частной собственности и среднимъ промежуточнымъ формамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно въ корнѣ уничтожаетъ то правовое неравенство, отъ котораго такъ страдаетъ наша деревня. Оно даетъ возможность заложить основы дѣйствительнаго гражданскаго равноправія, безъ осуществленія котораго нечего и думать о серьезномъ прогрессѣ въ жизни русскихъ массъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не посягая на мелкое землевладѣніе, программа партіи даетъ возможность развиться и особымъ сельско-хозяйственнымъ промысламъ высокаго техническаго состава, если для поддержанія ихъ населеніе доставитъ необходимое количество рабочихъ рукъ.

Французская революція въ деревнѣ начиналась тоже требованіемъ равноправности, принимавшимъ экономическія формы. Но французскій крестьянинъ былъ тогда и самъ въ значительной мѣрѣ частнымъ собственникомъ, и потому его требованія выражались въ формѣ протеста не противъ принципа частной собственности, а противъ „привилегій“ и „феодалныхъ“ повинностей. Съ криками „vive le roi!“ онъ жегъ феодальныя замки и истреблялъ феодальныя резстры. И когда крестьянинъ увидѣлъ, что правительство, дворъ, король стали на сторону дворянства, народное движеніе приняло рѣзко выраженный противо-правительственный характеръ, давъ возможность утвердиться республикѣ, довольно скоро замѣненной цезаризмомъ.

Этотъ примѣръ прошлаго должны твердо помнить русскіе политики. Вопросу о землѣ предстоитъ сыграть въ нашей исторіи руководящую роль. Онъ уяснить положеніе и отвѣдетъ каждому факту его надлежащее мѣсто. Союзъ бюрократіи съ крупной земельной собственностью будетъ имѣть фатальное значеніе для хода дѣлъ на нашей родинѣ. Интеллигентная политическая партія, желающая стать народ-

ной, должна выработать практическую и въ то же время смѣлую аграрную программу.

Экономическія изслѣдованія вполне подтверждаютъ, что крупное землевладѣніе въ Россіи, не играя никакой прогрессивной роли въ развитіи производительныхъ силъ, служитъ просто средствомъ эксплуатаціи населенія, конфискаціи части его доходовъ. Болѣе половины частно-владѣльческихъ земель сдаются въ аренду крестьянамъ и являются, слѣдовательно, обыкновенной процентной бумагой, съ которой землевладѣльцы стригутъ купоны, повышая процентъ по своему желанію. Но изъ остальной половины частно-владѣльской земли значительная часть обрабатывается не только руками, но и инвентаремъ крестьянъ. Даже тамъ, гдѣ землевладѣльцы лично ведутъ свое хозяйство, техническій уровень его въ общемъ немногимъ выше, чѣмъ у крестьянъ. На всю Россію приходится около полумилліона десятинъ свекловичныхъ плантацій, и нѣтъ основаній думать, что крестьяне, если къ нимъ перейдетъ и эта земля, уничтожатъ плантаціи и замѣнятъ ихъ зерновымъ хлѣбомъ.

Крестьянинъ — сѣрь, да умъ то у него не чортъ сѣлъ.

Нѣсколько десятковъ образцовыхъ хозяйствъ, разсыпанныхъ по необозримому пространству Россіи, не могутъ измѣнить тотъ выводъ, что крупное землевладѣніе у насъ только средство эксплуатаціи, а не хозяйственного прогресса. Что же касается подгородней огородной культуры, вызванной ростомъ городского населенія, то она и теперь находится, большею частью, въ крестьянскихъ рукахъ, а потому отъ перехода къ крестьянамъ частно-владѣльческихъ земель не пострадаетъ...

Помимо социально-политической стороны, сводящейся къ уничтоженію крупнаго землевладѣнія, какъ орудія феодальнаго гнета и помѣхи гражданскому равноправію, аграрный вопросъ имѣетъ и свою социально-экономическую сторону. Крестьянинъ нищаетъ день ото дня, хозяйство его разоряется, и онъ рассчитываетъ поправить свое экономическое положеніе увеличеніемъ земельного надѣла и требуетъ наръзки.

Тутъ начинаются безконечные споры. Ученые экономисты

доказываютъ, что на всѣхъ земли не хватитъ, что добавочное надѣленіе изъ дѣйствительно имѣющихся земельныхъ запасовъ, разверстанное на все населеніе, выразится въ ничтожномъ клочкѣ земли, не болѣе десятины на душу и т. д. Экономисты обращаютъ вниманіе на то, что одинъ посѣвъ улучшенныхъ сѣмянъ способенъ поднять вдвое нынѣшнюю урожайность крестьянскихъ полей, а слѣдовательно и увеличить вдвое площадь надѣловъ. На это экономистамъ не безъ основанія отвѣчаютъ, что для всякихъ техническихъ улучшеній нужны деньги, и знанія, и время, а крестьянинъ голодаетъ теперь и нуждается въ немедленной помощи, что въ иныхъ мѣстахъ малоземелье дошло до такихъ размѣровъ, когда всякіе разговоры объ улучшеніи техники и поднятій интенсивности отзываются непристойнымъ издѣвательствомъ надъ крестьяниномъ.

Далѣе спорятъ о томъ, какъ надѣлять крестьянъ. Одни стоятъ за передачу земли обществамъ и пусть тѣ распределяютъ ее, какъ хотятъ. Другіе настаиваютъ на передачѣ добавочной земли въ частную собственность за выкупъ. Третьи находятъ эту мѣру вредной и буржуазной и проповѣдуютъ полную націонализацию частно-владѣльческой земли, въ смущеніи останавливаясь передъ землей, приобрѣтенной уже теперь въ личную собственность мелкими крестьянскими владѣльцами. Обращеніе этой земли въ государственную собственность, изыятіе ея изъ рукъ нынѣшнихъ владѣльцевъ можетъ повести къ кровопролитію и мятежу, а потому—надо погодить. Четвертые возстаютъ противъ націонализации, какъ мѣры, способной усилить современное буржуазное государство. Пятые, отвергая націонализацию земли, стоятъ за муниципализацию или социализацию ея, не умѣя точно опредѣлить конкретную разницу между этими реформами и націонализацией, и т. д. и т. д.

§ 37. Программы конституціонно-оемократической партіи гласитъ: „Отчуждаемая земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію, должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи“.

На второмъ сѣздѣ пытались было внести въ этотъ параграфъ нѣкоторыя поправки, бились надъ обсужденіемъ

его почти двое сутокъ и въ заключеніе оставили все по прежнему, избравъ только комиссію для изученія вопроса на мѣстахъ. Образованіе такой комиссіи дѣло очень полезное, но едва ли добытыя комиссіей данныя позволятъ внести какія-либо поправки въ *принципіальныя основы* программы. Если вдуматься въ § 37, то легко прійти къ заключенію, что никакихъ поправокъ въ него вносить не надо, что онъ составленъ прекрасно, давая широкій просторъ народному творчеству. Необходимы мѣстныя изслѣдованія земельного вопроса, необходимы частные законы для распредѣленія земли въ томъ или другомъ районѣ, для опредѣленія формъ землепользованія въ данномъ мѣстѣ, но нѣтъ никакой необходимости пересматривать принципіальныя основы программы. Будетъ очень жаль, если III съѣздъ снова потратитъ много времени на принципіальные споры объ аграрной программѣ. Мы снова узнаемъ, что въ нашихъ рядахъ есть сторонники общины и сторонники частной собственности, приверженцы націонализаціи и противники этой мѣры. Уясненіе такого рода истинъ не принесетъ намъ однако никакой пользы. Если бы партія „народной свободы“ была якобинской партіей, стремящейся проводить сверху насильственно свои взгляды въ жизнь, то совмѣстное существованіе въ ея рядахъ сторонниковъ частной собственности и націонализаціи было бы недопустимо. Но какъ истинно-демократическая партія, она не стремится навязать народу свою волю, она выставляетъ принципы, предоставляя въ осуществленіи ихъ руководящую роль голосу и желанію самого населенія.

Принципы, положенные въ основу аграрной программы к.-д. партіи, ясны и обязательны для всѣхъ. Онѣ гласятъ: земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ. Такова цѣль, къ которой надо стремиться. Средство: переходъ въ государственный земельный фондъ тѣхъ земель, которыя служатъ орудіемъ эксплуатаціи трудящихся и передача этихъ земель трудящимся на началахъ, соответствующихъ мѣстнымъ условіямъ.

Изъ этого ясно, что ни одинъ членъ партіи „народной свободы“ не можетъ ни отстаивать латифундій, ни способствовать проведенію мѣръ, изъемлющихъ землю изъ рукъ обрабатывающихъ ее крестьянъ. Но при помощи какихъ мѣръ будетъ совершаться операція передачи земли тому,

кто ее обрабатываетъ, это зависитъ всецѣло отъ мѣстныхъ условій. Будетъ ли это въ одной мѣстности осуществляться путемъ общиннаго владѣнія съ трехъ-годовичными или двѣнадцатилѣтними передѣлами, а въ другой при помощи института частной собственности съ установленіемъ минимума и максимума отдѣльныхъ владѣній? Создастся ли право личнаго пользованія, или полной частной собственности, или наслѣдственнаго аренднаго владѣнія? Кто осмѣлится своей самодержавной волей разрѣшить эти вопросы и насильственно преградить дорогу народному потоку? Во всякомъ случаѣ не конституціонно-демократическая партія, не партія народной свободы... Да и въ чемъ, напримѣръ, конкретная разница между частной *земельной* собственностью и государственной наслѣдственной арендой на 99 лѣтъ? Земля въ отличіе отъ всѣхъ другихъ благъ не уничтожаема, а за 99 лѣтъ въ наше время сколько можетъ разыгаться социальныхъ революцій? Экспропріація для общественныхъ потребностей дѣйствуетъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ изъ частной собственности вообще сдѣлали Бога. Что же касается арендной платы, то измѣненіе ея всегда можетъ быть достигнуто мудрымъ регулированіемъ налогового пресса...

Аграрная программа конституціонно-демократической партіи покоится на прочномъ, научномъ основаніи. Экономическая наука не опредѣлила еще точно пути, по которому идетъ селско-хозяйственная эволюція, но она опредѣленно указала путь, по которому эта эволюція не идетъ. Наука рѣшительно отвергла аналогію между развитіемъ индустріи и селскаго хозяйства. Объ это научное открытіе споткнулась и больно ушиблась какъ западно-европейская, такъ и русская социаль-демократія. Оно заставило нашихъ социалистовъ-революціонеровъ броситься въ погоню за утопіями. Но это же научное открытіе вполне удачно воспринято конституціонно-демократической программой, уберегшейся въ то же время отъ утопизма.

Идеальное рѣшеніе *одного* аграрнаго вопроса невозможно. Коренное его рѣшеніе возможно только при рѣшеніи всего социального вопроса, т. е. при общемъ переустройствѣ жизни на новыхъ социалистическихъ основаніяхъ. Эта задача въ настоящее время лежитъ внѣ предѣловъ реальной политики.

Поэтому каждый сохраняет за собой право исповѣдованія и проповѣди своего идеала, а въ практической жизни объединяется съ другими на почвѣ достижимаго реального блага. Наука прочно установила, что крупное землевладѣніе не является ни синонимомъ крупнаго земледѣльческаго производства, ни прогрессивнымъ шагомъ въ ходѣ развитія производительныхъ силъ общества. Слѣдовательно, сохраненіе и передача земли тому, кто ее обрабатываетъ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть мѣрой вредной, составлять препятствіе къ достиженію идеальной цѣли.

Земля, находящаяся и нынѣ въ рукахъ трудящихся крестьянъ, остается неприкосновенной. Практически это приводитъ къ необходимости установленія максимума владѣнія, колеблющагося въ разныхъ предѣлахъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Конечно, и эта земля не освобождается отъ вмѣшательства государства. Но оно дѣйствуетъ тутъ не прямо грубыми механическими мѣрами, а косвенно при помощи прогрессивныхъ налоговъ, кредита, меліораций, пошлинъ и т. д. Вся земля, превышающая максимальные размѣры, подлежитъ принудительному отчужденію и составляетъ государственный земельный фондъ. Распоряженіе имъ находится въ рукахъ самого населенія, но подъ верховнымъ контролемъ центральныхъ органовъ свободнаго государства. Какъ нельзя распоряженіе этимъ фондомъ отдать всецѣло въ руки центральнымъ, хотя бы и демократическимъ властямъ, склоннымъ пренебрегать мѣстными особенностями, такъ, съ другой стороны, невозможно предоставить распоряженіе важнѣйшимъ народнымъ богатствомъ исключительно мѣстнымъ органамъ, способнымъ поддаться случайнымъ и скоропреходящимъ мѣстнымъ вѣяніемъ.

Въ такой оболочкѣ земельная реформа получаетъ реальный, осуществимый видъ. Не надо упускать изъ виду, что отнынѣ впредь на долгіе годы борьба за землю, и около нея, изъ-за разныхъ формъ пользованія, составитъ важнѣйшее содержаніе русской исторіи.

Въ то же самое время существованіе земельного государственнаго фонда всегда будетъ служить источникомъ соціальнаго творчества, стимуломъ къ построенію идеальныхъ формъ жизни... если подавляющее большинство народа не сочтетъ нужнымъ отказаться отъ этихъ возможностей, распродавъ, по примѣру французовъ, государствен-

ныя земли. Конституціонно-демократическая партія, надо думать, всегда будетъ бороться съ такимъ теченіемъ...

Современный „аграрный вопросъ“, этотъ грозный крикъ, вырвавшійся изъ груди крестьянина, преслѣдуетъ двѣ цѣли: добиться настоящей гражданской политической равноправности и улучшить матеріальное положеніе крестьянина-земледѣльца. Программа партіи Народной Свободы удовлетворяетъ обѣимъ цѣлямъ. Она обеспечиваетъ полную возможность конституціонно-демократической партіи стать во истину народной, т.-е. въ Россіи, прежде всего, крестьянской. Надо только пожелать, чтобы партіи и впредь удалось избѣжать, какъ интеллигентскаго отвлеченно-бюрократическаго утопизма, витающаго гдѣ то на небесахъ вдали отъ грѣшной земли, такъ и узкаго практицизма, съ ненавистью относящагося ко всякимъ идеальнымъ цѣлямъ.

А. С. Изгоевъ.

Кабинетъ Министровъ.

(По поводу Высочайшаго повелѣнія «принять мѣры къ объединенію дѣятельности министровъ»).

I.

Что гр. Витте и руководимое имъ правительство не выполнили воли, ясно выраженной въ манифестѣ 17-го октября и въ Высочайшемъ одобреніи всеподданнѣйшаго доклада самаго гр. Витте — объ этомъ теперь никто не спорить, это уже давно стало общимъ мѣстомъ. Учрежденіе государственной думы 20-го февраля только подтвердило самыя худшія и пессимистическія ожиданія въ этомъ направленіи. Но одновременно съ манифестомъ 17-го октября было издано Высочайшее повелѣніе, обращенное къ гр. Витте, и здѣсь мы хотимъ разсмотрѣть, насколько гр. Витте выполнилъ его. Несомнѣнно, отношеніе гр. Витте къ манифесту и докладу съ одной стороны, и къ Высочайшему повелѣнію съ другой—было совершенно различно. Выполненіе воли, выраженной въ манифестѣ, требовало отъ гр. Витте нѣкотораго самоотреченія. Ставъ, благодаря новому назначенію, всеильнымъ главой русской бюрократіи и будучи по всему своему прошлому и прочно сложившимся привычкамъ бюрократомъ, гр. Витте долженъ былъ бы, выполняя манифестъ, отказаться отъ рутинно-бюрократическаго способа управленія страной. Послѣ осуществленія личныхъ и общественныхъ свободъ и предоставленія неприкосновенныхъ правъ и широкой инициативы народу и обществу пришлось бы оставить старыя приемы подавленія народныхъ массъ и независимыхъ общественныхъ силъ и основывать правительственную систему не на полицейскихъ воздѣйствіяхъ, а на удовлетвореніи всѣхъ назрѣвшихъ нуждъ народа. Для осуществленія этого преобразования гр. Витте не доставало прочныхъ убѣжденій, которыя заставляли бы его вѣрить въ спасительность свободы для Россіи, не доставало вѣры въ творческія силы освобождающагося русскаго народа и общества и не хватало готовности поступиться своими

бюрократическими склонностями и привычками. Можно положительно утверждать, что гр. Витте внутренне не желалъ выполнять воли, выраженной въ манифестѣ 17-го октября, какъ бы громко онъ ни заявлялъ о своемъ желаніи осуществить эту волю. Его демонстративныя увѣренія въ необходимости конституціонныхъ реформъ и въ томъ числѣ его всеподданнѣйшій докладъ были лишь одною внѣшностью, извѣстной манерой подладиться къ историческому моменту, чтобы этимъ путемъ выдвинуться впередъ.

Но совсѣмъ иного рода было отношеніе гр. Витте къ Высочайшему повелѣнію 17-го октября. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ «Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть предсѣдателью комитета министровъ, статсъ-секретарю графу Витте принять мѣры къ объединенію дѣятельности министровъ, впредь до утвержденія законопроекта о совѣтѣ министровъ». Обвинить гр. Витте въ нежеланіи выполнить это повелѣніе никакъ нельзя. Гр. Витте повиненъ въ чемъ угодно, но только не въ томъ, что онъ не желалъ, чтобы онъ, гр. Витте, былъ первымъ лицомъ въ Имперіи. А между тѣмъ, кто теперь можетъ сомнѣваться, что и это повелѣніе осталось невыполненнымъ гр. Витте? Ни для кого не тайна, что гр. Витте не сдѣлался единственнымъ руководителемъ министерства и не сталъ главой кабинета, хотя это былъ единственный путь къ объединенію дѣятельности министровъ, и хотя этотъ путь вполнѣ соотвѣтствовалъ личному честолюбію гр. Витте. То единое министерство, которое онъ долженъ былъ создать, имѣетъ теперь двѣ главы; оно даже обозначается двумя именами, какъ министерство Витте-Дурново. Въ послѣднее время Дурново стали даже называть вторымъ министромъ-премьеромъ, не замѣчая противорѣчій, заключающагося въ такомъ словосочетаніи. Желалъ ли всего этого Витте? Конечно, нѣтъ. Но если онъ этого не желалъ, а стремился къ обратному, то, слѣдовательно, онъ не сумѣлъ осуществить своего прямого желанія.

Почему однако гр. Витте не сумѣлъ добиться того, къ чему онъ, несомнѣнно, стремился? Это чрезвычайно сложный вопросъ. Когда человѣкъ не достигаетъ вполнѣ ясно и отчетливо намѣченной цѣли, то это обыкновенно значить, что онъ не желалъ или не умѣлъ воспользоваться необходимыми средствами. Но въ чемъ заключались тѣ средства, которыя оказались недоступными гр. Витте? Для рѣшенія этихъ вопросовъ рассмотримъ условія, благодаря которымъ создается единство и солидарность министерствъ въ конституціонныхъ государствахъ. Только опредѣливъ эти условія, мы сможемъ рѣшить, что долженъ былъ сдѣлать гр. Витте для того, чтобы добиться объединенія дѣятельности министровъ. Тогда мы убѣдимся, что передъ гр.

Витте была задача вполне выполнимая даже при современномъ переходномъ политическомъ положеніи Россіи. Но для выполненія этой задачи нужны другіе люди и другія средства.

Было бы большимъ предрасудкомъ думать, что кабинеты министровъ въ конституціонныхъ государствахъ создаются, организуются и функционируютъ на основаніи статей и параграфовъ конституціонныхъ хартій и другихъ основныхъ законовъ. Всякій, кто ближе знакомится съ содержаніемъ конституціонныхъ хартій, долженъ поражаться скудости законодательныхъ опредѣленій, касающихся кабинета министровъ, которые включены въ хартіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ всѣ постановленія, относящіяся къ министрамъ и ихъ совѣту, содержащіяся во французскихъ конституціонныхъ законахъ 1875 года: на основаніи ихъ и до сихъ поръ организованы всѣ государственныя власти третьей французской республики. Постановленія эти въ томъ порядкѣ, какъ они изложены въ различныхъ статьяхъ конституціонныхъ законовъ, дословно гласятъ слѣдующее: «Всякій актъ, исходящій отъ президента республики, долженъ быть скрѣпленъ подписью министра. Министры солидарно ответственны передъ палатами за общую политику правительства и каждый въ отдѣльности за собственныя дѣйствія. Въ промежутокъ времени (когда должность президента окажется вакантною), совѣтъ министровъ облеченъ исполнительною властью. Президентъ республики сообщается съ палатами посредствомъ посланій, которыя министръ прочитываетъ вслухъ съ трибуны. Министры имѣютъ право входа въ обѣ палаты и должны быть выслушаны, если они этого просятъ. Они могутъ быть сопровождаемы комиссарами, назначенными президентомъ республики для участія въ совѣщаніи относительно опредѣленнаго законодательнаго проекта». Если прибавить къ этому еще двѣ статьи, въ которыхъ говорится о министрахъ по поводу участія совѣта министровъ въ назначеніи членовъ государственнаго совѣта и по поводу ответственности министровъ по суду, т. е. о вопросахъ, имѣющихъ второстепенное политическое значеніе, то все содержаніе французскихъ конституціонныхъ законовъ о министрахъ будетъ исчерпано. Краткость и неполнота этихъ законодательныхъ опредѣленій сразу бросается въ глаза. Однако читатель можетъ подумать, что въ этомъ сказывается аномалія французскихъ конституціонныхъ законовъ; при этомъ онъ вспомнить, что третья французская республика даже не имѣетъ цѣльной учредительной хартіи, а только нѣсколько конституціонныхъ законовъ; онъ сопоставить эту краткость съ умолчаніемъ конституціонныхъ законовъ третьей республики о правахъ чловѣка и гражданина. Но то же явленіе мы встрѣчаемъ и въ наиболѣе типичныхъ

конституционных хартияхъ. Такъ, напримѣръ, законодательныя нормы, относящіяся къ министрамъ, въ бельгійской конституціонной хартии сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: «Личность короля неприкосновенна; министры его отвѣтственны. Никакой актъ короля не можетъ имѣть силы, если онъ не подписанъ министромъ, который этимъ самымъ принимаетъ на себя отвѣтственность. Король назначаетъ и увольняетъ министровъ. Министры имѣютъ только совѣщательный голосъ въ той или другой палатѣ, если они не состоятъ членами ихъ. Они имѣютъ право входа въ каждую палату и имъ должно быть, по ихъ требованію, предоставлено слово. Палаты могутъ требовать присутствія министровъ. Ни въ какомъ случаѣ устный или письменный приказъ короля не можетъ освободить министра отъ отвѣтственности». Къ этому надо еще присоединить статьи, воспрещающія назначать министрами иностранцевъ и членовъ королевской фамиліи и опредѣляющія судебную отвѣтственность министровъ, которыхъ мы не приводимъ въ виду того, что онѣ имѣютъ второстепенное политическое значеніе и не стоятъ въ связи съ интересующимъ насъ вопросомъ о солидарности министерства и политической отвѣтственности министровъ. Очевидно, что и бельгійскіе конституціонные законы о министрахъ такъ же кратки, какъ и французскіе. Тѣмъ же свойствомъ отличаются соотвѣтственныя статьи и всѣхъ остальныхъ конституціонныхъ хартій. Такъ, интересующія насъ статьи итальянской конституціонной хартии, которая возникла въ бурный 1848 годъ и привела къ господству парламентарнаго режима, гласятъ слѣдующее: «Король назначаетъ и увольняетъ своихъ министровъ. Министры не пользуются рѣшающимъ голосомъ ни въ той, ни въ другой палатѣ, если не состоятъ ея членами. Но они имѣютъ всегда право входа въ палату, и имъ должно быть предоставлено слово по первому ихъ требованію. Министры отвѣтственны. Законы и правительственные акты не имѣютъ никакой силы, если они не контрасигнованы министромъ».

Мы видимъ, что всѣ эти конституціонные законы неизмѣнно устанавливаютъ очень цѣнный принципъ политической отвѣтственности министровъ, составляющій основу конституціоннаго строя. Однако они чрезвычайно лаконичны въ этомъ случаѣ и опредѣляютъ министерскую отвѣтственность въ самой общей формѣ, часто даже лишь двумя словами—«министры отвѣтственны». Тѣмъ не менѣе и этихъ словъ достаточно для того, чтобы установить обязанность министровъ давать отчетъ обѣимъ палатамъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ актахъ главы государства, екрѣпленныхъ ихъ подписью, и въ общей политикѣ руководимаго ими правительства. Такимъ образомъ, статьи

основныхъ законовъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно того, что палаты являются контролирующими учрежденіями, а дѣйствія министровъ и министерскихъ совѣтовъ подлежатъ ихъ контролю. Но право контроля всегда должно быть дополняемо правомъ извѣстнаго воздѣйствія или репрессіи по отношенію къ контролируемому. Между тѣмъ, ни одна конституція не надѣляетъ палаты полномочіями, которыя позволяли бы имъ привлекать контролируемыхъ ими министровъ къ отвѣтственности аналогичной, напримѣръ, дисциплинарной отвѣтственности нисшихъ чиновниковъ, т. е. существующей на ряду съ судебной отвѣтственностью. Та своеобразная форма репрессіи по отношенію къ министерствамъ, негоднымъ палатамъ, которая связана съ парламентарной системой, развилась и существуетъ не на основаніи законодательныхъ нормъ. Вмѣстѣ съ нею и также путемъ обычнаго, а не кодифицированнаго права выработались и всѣ остальные черты, которыя придаютъ столь своеобразный характеръ кабинету министровъ и выдѣляютъ его среди всѣхъ другихъ органовъ верховнаго государственнаго управленія.

Сравнивая детально французскіе конституціонные законы о министрахъ съ такими же законами бельгійскими и итальянскими, мы должны будемъ признать ихъ гораздо болѣе полными. Правда, во французскихъ конституціонныхъ законахъ даже не упоминается о правѣ президента назначать и увольнять министровъ. Вслѣдствіе этого между французскими государствами ведется споръ о томъ, являются ли министры простыми делегатами президента или же должностными лицами, и передаетъ ли президентъ при назначеніи министровъ нѣкоторыя функціи своей исполнительной власти имъ, какъ своимъ делегатамъ, или же онъ просто назначаетъ ихъ, какъ и другихъ государственныхъ чиновниковъ. Последнее мнѣніе, опирающееся на статью конституціи, по которой «президентъ назначаетъ служащихъ на всѣ гражданскія и военныя должности», имѣетъ за себя болѣе авторитетные голоса. Но это чисто формальный вопросъ, не представляющій большого значенія, такъ какъ никто никогда не подвергалъ сомнѣнію право главы государства и, въ томъ числѣ, право президента французской республики назначать и увольнять министровъ. Французскіе законы о министрахъ гораздо интереснѣе тѣмъ, что въ нихъ прямо говорится о совѣтѣ министровъ и объ ихъ солидарной отвѣтственности. Такимъ образомъ, во французской республикѣ самой конституціей предписывается функціонированіе этихъ двухъ учреждений, составляющихъ часть парламентарной системы. Однако не надо думать, что это упоминаніе въ законахъ совѣта министровъ и ихъ солидарной отвѣтственности само по себѣ создаетъ единство

въ дѣятельности министерства и обезпечивать совѣту министровъ ту цѣльность и послѣдовательность, которыми помогаютъ ему занять руководящее положеніе въ политической жизни страны. Сами по себѣ эти законодательныя опредѣленія чересчуръ кратки для того, чтобы гарантировать парламентарную систему и солидарность министерства. Въ нихъ нѣтъ и намека на тѣ условія, при которыхъ происходитъ смѣна министерствъ, и на ту роль, которую играетъ предсѣдатель совѣта министровъ или министр-премьеръ. Кромѣ того, какъ мы видѣли, въ Бельгіи и Италіи статьи конституціонныхъ хартій, касающіяся министровъ, еще короче и сжатѣе; онѣ совсѣмъ не упоминаютъ о совѣтѣ министровъ и ихъ солидарной отвѣтственности; тѣмъ же менѣе парламентарная система завоевала себѣ полное господство въ обоихъ этихъ государствахъ. Наконецъ, въ классической странѣ господства парламентарной системы и солидарныхъ министерствъ — въ Англіи — кабинетъ министровъ существуетъ не только не на основаніи законовъ, но отчасти даже вопреки нѣкоторымъ законодательнымъ постановленіямъ: кабинетомъ министровъ нарушается старое обязательство англійскаго короля не учреждать при себѣ никакихъ другихъ совѣщательныхъ коллегій, кромѣ сохранившагося еще отъ среднихъ вѣковъ тайнаго совѣта.

Все это показываетъ, что такія явленія государственной жизни, какъ руководящая роль кабинета министровъ, его единство и солидарность, смѣна министерскихъ кабинетовъ и роль главы министерства созданы и регламентированы не нормами конституціонныхъ и другихъ законовъ, а выработались и существуютъ благодаря извѣстнымъ правиламъ политической и государственной жизни, функционирующимъ совершенно независимо отъ статей и параграфовъ конституціонныхъ хартій. Эти правила, дѣйствующія какъ обычное, а не кодифицированное въ хартіяхъ конституціонное право, извѣстны подъ именемъ парламентарной системы. Пока ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ парламентарная система не регламентирована законодательнымъ путемъ. Поэтому въ теоріи государственнаго права вполне установилось мнѣніе, что парламентарная система и не можетъ подлежать нормировкѣ въ писанныхъ законахъ.

Дѣйствительно, если бы пришлось выражать правила, создающія парламентарную систему, въ точныхъ формулахъ законовъ, то встрѣтились бы большія затрудненія. Какъ, напримѣръ, предписать главѣ государства выбирать министровъ среди членовъ парламентскаго большинства? Какъ еще болѣе сузить свободу его дѣйствій, обязывая его поручать составленіе кабинета руководителю большинства? Какой установить критерій для рѣшенія вопроса, кому принадлежитъ большин-

ство въ парламентѣ? Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не возникаетъ никакого сомнѣнія въ томъ, какая изъ парламентскихъ партій располагаетъ большинствомъ, и кто ея вождь, гораздо лучше, если глава государства самостоятельно приходитъ къ заключенію, что ему удобнѣе и легче управлять страной вмѣстѣ съ представителями большинства. А къ этому заключенію онъ необходимо долженъ прійти подъ угрозой постоянныхъ конфликтовъ съ большинствомъ парламента. Но главное неудобство статьи, которая предписывала бы главѣ государства назначать министровъ-премьеромъ руководителя большинства парламента и выбирать остальныхъ министровъ среди членовъ той или другой партіи, возникло бы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ парламентѣ нѣтъ опредѣленнаго большинства и, слѣдовательно, нѣтъ общепризнаннаго вождя его, а вмѣсто того парламентъ разбитъ на массу фракцій, заключающихъ между собой только временные союзы и блоки. Такой составъ парламентовъ представляетъ гораздо болѣе обычное и часто встрѣчающееся явленіе. Между тѣмъ при такомъ составѣ статья, предписывающая назначать главой министерства непременно руководителя большинства, а остальные портфели распределять между другими представителями того же большинства, была бы равносильна предписанію создавать большинство. Глава государства былъ бы принужденъ при такихъ условіяхъ вмѣшиваться въ отношенія парламентскихъ фракцій и въ дѣятельность самого парламента. Онъ былъ бы втянутъ въ массу междупартійныхъ интригъ и вовлеченъ въ борьбу партій. Тѣ или другія дѣйствія его постоянно подвергались бы нападкамъ со стороны недовольныхъ партій, которыя доказывали бы ихъ неконституціонность. Изъ всего этого ни въ коемъ случаѣ не вышло бы парламентарной системы, а вмѣсто нея, вѣроятно, возникали бы непрерывныя столкновенія между главой государства и парламентомъ.

Но парламентарная система выражается не въ одномъ только назначеніи министровъ изъ сторонниковъ большинства парламента. Не меньшее значеніе имѣетъ и сама организація совѣта или кабинета министровъ, которая создаетъ его единство, а также положеніе председателя совѣта министровъ или главы кабинета. Мы видѣли, что хотя конституціонные законы нѣкоторыхъ странъ, какъ, напримѣръ, Франціи, и упоминаютъ о совѣтѣ министровъ и объ ихъ солидарной отвѣтственности, тѣмъ не менѣе они совсѣмъ не касаются организаціи министерскаго совѣта. Конституціонные законы обыкновенно не упоминаютъ о председателѣ совѣта министровъ или о главѣ кабинета. Даже число министровъ и распределеніе между ними функцій опредѣляется не ими, а иногда, какъ, напримѣръ, во Франціи, даже вообще

не законами, а декретами президента республики. Нечего и говорить, конечно, что вся внутренняя организация министерских кабинетовъ и роль, которую играютъ въ нихъ главы кабинета, остаются совершенно внѣ законодательной нормировки. Но дѣло въ томъ, что тѣ черты и свойства, которыя составляютъ особенность кабинета министровъ и отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ коллегіальныхъ учреждений, не могутъ создаваться на основаніи параграфовъ и статей закона или предписаній, изложенныхъ въ декретахъ.

Какъ нормировать, напримѣръ, единство и солидарность, которыми долженъ отличаться всякій кабинетъ министровъ? Тутъ даже такое сравнительно простое правило, какъ то, что кабинетъ министровъ долженъ состоять изъ однородныхъ элементовъ, очень трудно поддается формулировкѣ въ законодательной нормѣ и относительно легко осуществляется въ жизни помимо предписаній законовъ. Но однородность состава даже не безусловно обязательна для министерскаго кабинета, притомъ же и однородность состава еще не гарантируетъ единства, а единство еще не означаетъ единомыслія и не исключаетъ разногласій по отдѣльнымъ вопросамъ. Благодаря тому, что въ кабинетѣ министровъ должны быть примирены единство и солидарность съ существованіемъ разногласій, онъ занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди всѣхъ другихъ коллегіальныхъ учреждений современнаго государственнаго строя. Къ нему совершенно непримѣнимы правила о большинствѣ и меньшинствѣ, на основаніи которыхъ функционируютъ всѣ другія коллегіальныя учреждения и прежде всего собранія народныхъ представителей. Фактически и въ совѣщаніяхъ министерскихъ кабинетовъ по поводу отдѣльныхъ вопросовъ происходятъ голосованія, и въ нихъ эти вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ, такъ какъ другого способа установить мнѣніе многоголоваго собранія нѣтъ. Но рѣшеніе большинства въ кабинетѣ министровъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ рѣшеніе большинства во всѣхъ другихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ и прежде всего въ парламентахъ. Въ послѣднихъ отвѣтственность за всякое рѣшеніе падаетъ только на большинство, меньшинство же остается при особомъ мнѣніи и сохраняетъ свое протестующее положеніе по отношенію къ рѣшенію большинства. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ кабинетѣ министровъ. Отвѣтственность за всякое рѣшеніе кабинета министровъ падаетъ не на одно большинство его, а на все министерство. Меньшинство не только считаетъ рѣшеніе большинства также и своимъ рѣшеніемъ, но въ принципѣ въ министерствѣ не должно даже существовать дѣленія на большинство и меньшинство, а министерскій кабинетъ долженъ выступать, какъ нѣчто единое. Во всякомъ случаѣ фор-

мально никакія особыя мнѣнія въ кабинетѣ министровъ не допустимы, и ни одинъ министръ не можетъ выступить въ палатѣ депутатовъ или хотя бы въ частныхъ бесѣдахъ съ заявленіемъ, что онъ принадлежитъ къ меньшинству и потому неотвѣтственъ за рѣшенія и дѣйствія большинства кабинета министровъ. Генераль Шануанъ, прибѣгнувшій во время Дрейфусовскаго дѣла къ такому приему по отношенію къ министерству Бриссона, членомъ котораго онъ самъ былъ, покрылъ себя позоромъ и былъ заклеименъ именемъ предателя. Конечно, и въ кабинетахъ министровъ иногда возникаютъ непримиримыя противорѣчія между отдѣльными его членами. Но они относятся прежде всего къ внутреннимъ дѣламъ самого кабинета. Обыкновенно они приводятъ къ полному или частичному министерскому кризису, и кабинетъ или прекращаетъ свое существованіе, уходя цѣликомъ въ отставку, или измѣняетъ свой составъ, замѣняя однихъ членовъ другими.

Однако, если существованіе и функціонированіе кабинетскаго правленія не можетъ быть регламентировано параграфами законовъ, если кабинеты министровъ въ конституціонныхъ странахъ съ парламентарнымъ режимомъ съ идеальной правильностью и точностью становятся во главѣ правительства и ко благу страны осуществляютъ свои полномочія, то чѣмъ объясняется правильность, съ которой функціонируетъ парламентарный режимъ? Гдѣ причина сравнительнаго совершенства этого учрежденія среди общаго несовершенства современнаго государственнаго строя даже конституціонныхъ государствъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти только въ томъ обстоятельствѣ, что кабинетъ министровъ всегда является выразителемъ общественнаго мнѣнія страны: за нимъ не только стоитъ всегда общественное мнѣніе, но онъ даетъ и практическое выраженіе этому мнѣнію въ правительственной политикѣ. Я нарочно употребляю выраженіе «общественное мнѣніе», обозначающее понятіе, которое въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ было исключено изъ ряда государственно-правовыхъ понятій. Я настаиваю на значеніи этого понятія для объясненія функціонированія государственныхъ учреждений современныхъ конституціонныхъ государствъ и убѣжденъ, что теоретики государственнаго права въ ближайшемъ будущемъ возвратятся къ нему. Парламентарную систему и кабинетское правленіе часто изображаютъ, какъ систему, при которой безраздѣльно господствуетъ парламентарное большинство, грубо и безцеремонно подавляющее меньшинство съ его стремленіями и интересами. Но это мнѣніе принимаетъ во вниманіе только одну виѣшнюю сторону дѣла и потому даетъ ложную характеристику парламентарной системы. Несомнѣнно, что при парламен-

тарной системѣ находящійся у власти кабинетъ долженъ пользоваться поддержкой парламентскаго большинства, и оно является вѣншиимъ показателемъ всей системы. Но главную пружину и двигательный нервъ парламентарной системы составляетъ не само парламентское большинство, а стоящее за нимъ общественное мнѣніе страны. Общественнымъ мнѣніемъ регулируется какъ само парламентское большинство, такъ и политика кабинета. Только сознаніе, что политика кабинета должна являться выраженіемъ чего-то общаго, назрѣвшаго въ мнѣніи страны и удовлетворяющаго самымъ насущнымъ потребностямъ народа и государства,—того, что составляло когда-то завѣтную мечту немногихъ, а теперь получило общее признаніе — только это сознаніе можетъ давать кабинету министровъ силу управлять страной и создаетъ въ самомъ кабинетѣ сплоченность, солидарность и единство. Чѣмъ болѣе политика того или другого кабинета министровъ является выраженіемъ общественнаго мнѣнія страны, тѣмъ болѣе вѣншией и внутренней силой обладаетъ кабинетъ. На парламентарской системѣ и ея развитіи можно констатировать часто встрѣчающееся явленіе, состоящее въ томъ, что крайнее выраженіе какого-нибудь принципа заключаетъ въ себѣ и отрицаніе его. По общему признанію парламентарная система есть крайнее проявленіе мажоритарнаго принципа; ее вполне отождествляютъ съ господствомъ большинства. А между тѣмъ въ дѣйствительности мажоритарный принципъ въ ней побѣждается и надъ нимъ возвышается другой, болѣе разумный и справедливый. Господство большинства фактически замѣняется господствомъ общаго мнѣнія. Такимъ образомъ въ немъ отчасти осуществляется требованіе Руссо, чтобы законодательство и правительство было выраженіемъ не *volonté des tous*, а *volonté générale*.

Выдвигая значеніе общественнаго мнѣнія, какъ основнаго элемента парламентарной системы, мы опредѣляемъ ее съ политической точки зрѣнія. Когда, напротивъ, имѣютъ въ виду государственно-правовую сторону парламентарной системы, то обыкновенно опредѣляютъ ее, какъ одну изъ формъ народнаго суверенитета или народнаго верховенства. Однако эта форма народнаго суверенитета заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ господствующемъ положеніи общественнаго мнѣнія по отношенію къ нѣкоторымъ руководящимъ органамъ государственной власти и среди нихъ прежде всего по отношенію къ кабинету министровъ. Конечно, въ республикахъ, какъ напримѣръ во Франціи, народный суверенитетъ имѣетъ болѣе широкое значеніе. Тамъ онъ находитъ свое выраженіе въ принципѣ—всякая власть исходитъ отъ народа,—который составляетъ основаніе всего государственнаго строя Франціи. Употъ принципъ провозглашенъ и въ бельгійской

конституціонной хартіи; но въ Бельгій онъ не имѣетъ того же широкаго значенія, такъ какъ фактически онъ не распространяется на власть короля, пока существуетъ наследственная монархія. Напротивъ въ Италіи, въ которой до сихъ поръ дѣйствуетъ октропированная пьемонтская конституціонная хартія, покоящаяся на совѣтъ другихъ принципахъ, парламентарная система является единственной формой, въ которой народный суверенитетъ проявляется, поскольку вообще можно считать Италію государствомъ, организованнымъ на принципѣ народного суверенитета. Такимъ образомъ, господствующее положеніе общественнаго мнѣнія въ политической жизни страны, находящее свое выраженіе въ парламентарной системѣ, есть, съ государственно-правовой точки зрѣнія, наиболѣе общая и распространенная, но, конечно, далеко не наиболѣе полная и законченная форма народного суверенитета.

Въ слѣдующей статьѣ на примѣрахъ парламентарныхъ государствъ мы убѣдимся, что общественное мнѣніе страны составляетъ дѣйствительно двигательный нервъ парламентарной системы. Мы увидимъ тогда, какіе выводы вытекаютъ изъ этого факта для Россіи, какъ въ данный переходный моментъ, когда конституціонный строй ея еще только слагается, такъ и въ будущемъ—при реорганизаціи всего ея государственнаго строя на прочныхъ конституціонныхъ началахъ.

Б. Кистяковскій.

О путяхъ политики ¹⁾.

Свои «Чтенія о Богочеловѣчествѣ» Вл. Соловьевъ началъ словами: «Я буду говорить объ истинахъ положительной религіи—о предметахъ очень далекихъ и чуждыхъ современному сознанию, интересамъ современной цивилизаціи. Интересы современной цивилизаціи это тѣ, которыхъ не было вчера и не будетъ завтра. Позволительно предпочитать то, что одинаково важно во всякое время. Впрочемъ, я не стану полемизировать съ тѣми, кто въ настоящее время отрицательно относится къ религіозному началу, я не стану спорить съ современными противниками религіи,—потому что они правы. Я говорю, что отвергающе религію въ настоящее время правы, потому что современное состояніе самой религіи вызываетъ отрицаніе, потому что религія въ дѣйствительности является не тѣмъ, чѣмъ она должна быть. Религія, говоря вообще и отвлеченно, есть связь челоуѣка и міра съ безусловнымъ началомъ и средоточіемъ всего существующаго. Очевидно, что если признавать дѣйствительность такого безусловнаго начала, то имъ должны опредѣлиться всѣ интересы, все содержаніе челоуѣческой жизни и сознанія, отъ него должно зависить и къ нему относиться все существенное въ томъ, что челоуѣкъ дѣлаетъ, познаетъ и производитъ. Если допускать безусловное средоточіе, то всѣ точки жизненнаго круга должны соединяться съ нимъ равными лучами. Только тогда является единство, цѣльность и согласіе въ жизни и сознаніи челоуѣка, только тогда всѣ его дѣла и страданія въ большой и малой жизни превращаются изъ безцѣльныхъ и бессмысленныхъ *явленій* въ разумныя, внутренне-необходимыя *событія*. Совершенно несомнѣнно, что такое всеобъемлющее, центральное значеніе должно принадлежать

¹⁾ Мы помѣщаемъ статью Н. А. Бердяева, критикующую философско-политическую позицію, которую занимаетъ редація „Полярной Звѣзды“ и „Свободы и Культуры“, въ интересахъ свободнаго всесторонняго выясненія вопроса объ отношеніи между религіей и политикой. Р.

религіозному началу, если вообще признавать его, и столь же несомнѣнно, что въ дѣйствительности для современнаго цивилизованнаго человѣчества, даже для тѣхъ въ средѣ его, кто признаетъ религіозное начало, религія не имѣетъ этого всеобъемлющаго и центрального значенія. Въмѣсто того, чтобы быть всѣмъ во всемъ, она прячется въ очень маленькій и очень далекій уголокъ нашего внутренняго міра, является однимъ изъ множества различныхъ интересовъ, раздѣляющихъ наше вниманіе».

Слова эти очень интересны и важны для насъ, немногихъ, поднимавшихъ вопросъ объ отношеніи между религіей и политикой, вызывавшихъ столько недоумѣній и недоразумѣній своей мечтой о религіозной общественности ¹⁾. Скоро, надѣмся, уже настанутъ времена, когда проблема эта, «очень далекая и чуждая современному сознанію, интересамъ современной цивилизаціи», сдѣлается самой большой и важной. Сознаютъ, наконецъ, что «то, что одинаково важно во всякое время», ближе и роднѣе существу человѣческому, нужнѣе для его спасенія, чѣмъ то, чего «не было вчера и не будетъ завтра». Тогда услышаны будутъ слова, связывающія «политику» и все огромное, что въ Россіи совершается, съ вѣчностью, тогда передъ судомъ ея будутъ устанавливаться цѣнности.

Еще недавно у насъ почти безраздѣльно царили современные «интеллигентные» варвары, «позитивистическіе» дикари, отрицавшіе всякую религію и религіозность, возставшіе противъ религіи съ почти религіознымъ фанатизмомъ. Но вотъ идетъ новая порода людей, болѣе культурныхъ, болѣе утонченныхъ. Это переходное поколѣніе освобождается отъ нигилистическихъ манеръ и допускаетъ религію въ числѣ другихъ переживаній, разрѣшаетъ ее, какъ составную часть культуры. Но религія у нихъ загоняется въ «очень маленькій и очень далекій уголокъ нашего внутренняго міра, является однимъ изъ множества различныхъ интересовъ, раздѣляющихъ наше вниманіе». Запрещаютъ религіознымъ переживаніямъ выходить на свѣтъ Божій, ихъ рекомендуютъ скрывать, таить въ себѣ, ни въ чемъ не

¹⁾ На страницахъ „Полярной Звѣзды“ вопросъ этотъ поднимался Булгаковымъ, Мережковскимъ и мной, а съ иной точки зрѣнія Франкомъ, Струве, Гревсомъ и Галичемъ.

воплощать, избѣгать соборной религіозной чувственности, какъ колдовства и суевѣрія, а міръ и совмѣстную жизнь людей устраивать на иныхъ, не-религіозныхъ, позитивистическихъ началахъ. Боюсь, что такую отвлеченную, безплотную и безкровную, ни для чего не нужную религіозность отстаивала и редакция «Полярной Звѣзды», насколько объ этомъ можно судить по статьямъ П. Б. Струве и С. Л. Франка. Это ужасно—довести свой отвлеченный формализмъ до того предѣла, до котораго довелъ его Струве, когда говорить, что «внутренно терпимо относится даже къ религіозности церковной»¹⁾, хотя въ церковности видить ложь и зло. Не только въ религіозномъ, но и въ культурномъ отношеніи окажется бесплодной и нетворческой та точка зрѣнія, для которой Вольтеръ такъ же хорошъ, какъ католическій храмъ и... всѣ кошки сѣры. Хорошъ Вольтеръ, хорошъ и католическій храмъ, эстетически мы восхищаемся предметами самыми противоположными, но творецъ долженъ быть чѣмъ то, не пустой формой, обладать качественнымъ содержаніемъ. Если бы всѣ думали и чувствовали, какъ Струве и Франкъ, писали бы формальную декларацію правъ, то не было бы ни Вольтера, ни католическаго храма, никакихъ воплощеній и творческихъ продуктовъ, такъ какъ католицизмъ создалъ храмъ, такъ какъ просвѣтителъный рационализмъ создалъ Вольтера. Нужно перейти отъ отвлеченнаго формализма, отъ «идеализма» и «иллюзіонизма» къ реализму въ религіи, къ органической полнотѣ, къ *содержанію* будущей культуры.

Страшно и отвратительно—это раздробленіе и разорванность современной души, эта потеря индивидуальности. Человѣкъ въ полнотѣ своего бытія исчезъ, растаялъ, разложился, только части, куски, оторванные, отвлеченные отъ цѣлостнаго существа живутъ какой то самостоятельной и въ сущности призрачной жизнью. И жажда воссоединенія, возврата къ полному и цѣльному бытію, къ всеединству—религіозна, утоляется она въ живой мистикѣ. Это понималъ Вл. Соловьевъ въ своей глубокой критикѣ «отвлеченныхъ началъ», хотя самъ иногда впадалъ въ утвержденіе «отвлеченныхъ началъ», напр., въ морали и отчасти въ государственности.

¹⁾ „П. З.“ № 13, стр. 130.

То, что мы говоримъ о связи политики съ религіей, о вѣчномъ смыслѣ во временномъ и преходящемъ, потому только кажется оторваннымъ отъ «жизни», что въ самой жизни все разорвано, оторвано одно отъ другого. Кто живетъ «отвлеченной» политической жизнью, считаетъ лишь политику истиннымъ бытіемъ, лишь въ политическомъ пути видитъ спасеніе, тотъ «жизнь» отождествляетъ съ само-довлѣющей политикой, а все остальное, всю безконечную полноту жизни—«жизнью» не признаетъ, называетъ «отвлеченностью», хотя самъ болѣе всѣхъ въ «отвлеченности» повиненъ. Такъ ученый видитъ истинную «жизнь» въ своей наукѣ и часто ее почитаетъ единоспасающей, Донъ-Жуанъ—въ любовныхъ похожденияхъ, художникъ—въ своемъ искусствѣ. Отвлеченная, самодовлѣющая политика такъ же царитъ въ современномъ мірѣ, какъ и отвлеченная, единоспасающая мораль, онѣ поработщаютъ насъ, пользуясь раздробленностью жизни и разорванностью души. И все существо наше возстаетъ противъ вѣры въ эту единоспасающую политику, противъ утвержденія политическихъ страстей и политической воли къ власти, оторванныхъ отъ религіознаго центра жизни, противъ государственнаго устройства земли и благоденствія въ немъ, какъ послѣдняго мѣрила и высшей цѣнности.

Несправедны пути политическія, и невозможно отвлеченной, оторванной отъ *смысла* жизни политикой спасти человечество, очеловѣчить его, убить въ немъ звѣря первобытнаго и звѣря грядущаго. Мы не можемъ и не должны мириться съ оторванностью современной политики отъ конечныхъ идей, отъ религіозныхъ страстей, съ тѣмъ оппортунизмомъ, который хочетъ устроить жизнь независимо отъ смысла ея, сегодняшнее и завтрашнее отвлекаетъ отъ вѣчнаго. Плоды этихъ путей политики, этой безрелигіозности уже извѣстны, индивидуальность человѣческая уже загублена была на этихъ путяхъ, духъ угашенъ и человечество приведено къ безднѣ пустоты.

Вся трудность и отвѣтственность нашего положенія въ оцѣнкѣ русской революціи и всѣхъ новѣйшихъ революцій и вся наша жажда воссоединенія политики съ религіей въ томъ коренится, что мы не можемъ сморгнуть на историческій процессъ, какъ на отмираніе зла и торжество добра, просто какъ на улучшеніе, въ которомъ все, чему мы гово-

римъ «нѣтъ»,—въ прошломъ, чему говоримъ «да»,—въ будущемъ. Для насъ будущее двойственно, въ немъ грядетъ не только небывалое добро, но и небывалое зло, въ немъ должны раздѣлиться для послѣдней битвы противоположныя начала міровой жизни. Есть не только зло первичное, начальное, съ которымъ ведется освободительная война, но и зло послѣднее, конечное, которое не побѣждается, а выявляется прогрессомъ. Въ этомъ трагедія міровой исторіи и невозможность чисто человѣческаго ея разрѣшенія. Этотъ міръ нельзя такъ усовершенствовать и устроить только человѣческими, раціональными путями, чтобы исчезло въ немъ міровое зло (не моральное, а религіозно-метафизическое зло), чтобы онъ укрѣпился на вѣки, реформированный до совершенства.

Въ революціи сходится великая правда, святое освобожденіе человѣчества отъ изначальнаго порабошающаго зла, съ двумя неправдами: неправдой прошлаго, безбожной государственностью, самодержавіемъ, преступно отрицавшимъ безусловное значеніе человѣческаго лица, и неправдой будущаго, религіей земного устроенія человѣчества внѣ Бога и противъ Бога, всеобщимъ обезличеніемъ, новой безбожной государственностью, зарождающейся уже въ позитивной социаль-демократіи. Мистическій смыслъ революціи въ томъ, что два звѣря встрѣтились въ ней лицомъ къ лицу и въ таинственной какой то точкѣ совпали: первобытный звѣрь, отпечатлѣвшій свою безчеловѣчную и безбожную природу на насильственныхъ государствахъ, на чудовищахъ—Левіаѳанахъ, на царяхъ земныхъ, на всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ сильными и властвующими, и конечный звѣрь, зарождающійся въ идеалахъ человѣческаго муравейника, окончательнаго устроенія, принудительнаго счастья, за которое продается вѣчность и свобода, въ религіи небытія, провозглашаемой позитивизмомъ.

Съ двумя образами звѣря должна равно бороться вѣчная правда революціи. Такой правдой является прежде всего провозглашеніе свободъ, возстаніе противъ всякаго превращенія личности въ предметъ, декларация правъ человѣка, которая и исторически имѣетъ религіозное происхожденіе, родилась въ религіозныхъ общинахъ Англіи. Тутъ религіозный корень политики, который есть и у конституціонно-демократической партіи и у другихъ освободительныхъ

партіи, но не религіозная политика еще, не то воссоединеніе въ полнотѣ, о которомъ мы мечтаемъ. Человѣческое лицо имѣетъ абсолютную цѣнность, какъ сосудъ, вмѣщающій божественную безконечность, и не можетъ быть подчинено такимъ фиктивнымъ, не божескимъ и не человѣчнымъ цѣностямъ, какъ государственность, національность, утилитарная общественность, противополagать ему, какъ высшее, можно только Бога и соединеніе въ Богѣ.

Русская государственность, отъ которой мы теперь кровавыми усилями отрываемся, которую должны преодолѣть, чтобы не погибнуть окончательно, была самымъ крайнимъ, самымъ чудовищнымъ, въ исторіи еще невиданнымъ утвержденіемъ «отвлеченнаго» политическаго начала. Самодержавіе соединило себя кощунственно съ православіемъ, получило по видимости религіозную санкцію, и всѣ наши консерваторы, нынѣ откровенные черносотенцы и хулиганы, исповѣдывали свою вѣру въ формулѣ «самодержавіе, православіе и народность», но мы встрѣчаемъ здѣсь самый яркій примѣръ религіознаго обоготворенія государства, признаніе государственности цѣнностью высочайшей. Этотъ абсолютный цезаризмъ не христіанскаго происхожденія, онъ исторически унаслѣдованъ отъ языческаго Рима черезъ Византію, отъ первобытной языческой Руси, и религіозно непримиримъ съ царствомъ Христа. Кесарю поклонились, какъ Богу, государству, какъ церкви, политикѣ, безбожной и безчеловѣчной, поработили человѣка, образъ и подобіе Божіе. Тутъ фикція государственности и связанной съ ней національности, оторванная отъ религіознаго центра бытія, отвлеченная отъ всѣхъ человѣческихъ и божескихъ цѣнностей, ведетъ самостоятельное существованіе Звѣря-Левиаѳана, существованіе призрачное, истинную жизнь умерщвляющее. Только Богъ можетъ быть поставленъ выше человѣка, только божественнымъ цѣностямъ могутъ подчиниться цѣнности человѣческія, а государство, національность, бытовые особенности, старые устои, которымъ поклоняется нашъ консерватизмъ, который онъ возлюбилъ превыше Бога и человѣка, ведутъ къ настоящему культу сатанизма. Черная сотня и черное наше правительство отслужили уже по всей Россіи свою черную мессу.

Русская насильственная государственность есть организованное преступленіе, организованное попираніе Божескихъ

и человѣческихъ законовъ, и страшная звѣриная морда, которую открыла теперешняя реакція, ясно говоритъ, какая религія скрывается подъ самодержавіемъ, вступившимъ въ историческую сдѣлку съ православіемъ. Казалось бы религіозный человѣкъ, возлюбившій Бога и Христа, утвердившій въ центрѣ всего долженъ говорить: да погибнетъ нація, государство, весь устроенный бытъ, всѣ призрачныя цѣнности земныя, если они покупаются цѣною попиранія заповѣдей Божьихъ, если безбожныя преступленія должны во имя ихъ совершаться. Но исповѣдующіе религію отвлеченной государственности болѣе всего полюбили порядокъ на землѣ, устроеніе своего быта. Религія государственности, къ которой сводится русскій консерватизмъ, всегда смотритъ на человѣческое лицо, какъ на средство, какъ на орудіе для «высшихъ» государственныхъ, національных, бытовыхъ и т. п. призрачныхъ цѣнностей. Нѣтъ такихъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, предъ которыми остановилась бы эта религія государства, все дозволено для отвлеченной политики консерватизма, нѣтъ предѣловъ истязаніямъ надъ человѣкомъ совершаемымъ во имя Левіаѳана. Союзъ самодержавія съ православіемъ, государства съ церковью не одухотворилъ и не освятилъ государства, а, наоборотъ, умертвилъ святость церкви, обездушилъ ее. И осталось государство безбожнымъ, безстыднымъ и звѣринымъ, служащимъ не Богу и человѣку, а третьему, источнику зла въ мірѣ.

Поразительно, что то же безбожное и безличное, насильническое государственное начало, та же неправедная, «отвлеченная» политика появляется и на полюсѣ противоположномъ. Неправда революціи — во взглядѣ на всякое данное человѣческое поколѣніе, лишь какъ на средство для поколѣній будущихъ, на человѣческую личность, какъ на средство для блага человѣческаго общества, для новой государственности. И реакція, и революція сначала отрываютъ политику отъ вѣчныхъ цѣнностей, дѣлаютъ ее безбожной, а потомъ всѣ цѣнности подчиняютъ политикѣ, превращаютъ политику въ ложного бога. И проглядываетъ морда все того же звѣря. И реакція, и революція одинаково расцѣпниваетъ все содержаніе жизни по критеріямъ политическимъ, по полезности для цѣлой государственности, старой или новой, и ничего не признаетъ самоцѣннымъ. Непра-

ведно разжигать «отвлеченныя» политическія страсти, черносотенныя или красносотенныя, такъ какъ это путь озвѣрѣнія, а не очеловѣченія. Нѣтъ красоты въ лицахъ, искаженныхъ злобой чисто политической, и красивы лица, горящія негодованіемъ человѣческимъ. Неправедно политику признавать центромъ жизни, ничѣмъ не одухотворяя плоть политическую, ей подчинять все богатство бытія. Неправеденъ путь борьбы политическихъ партій, оторванныхъ отъ центра жизни, отъ смысла ея. Неправедна жажда политической власти и господства, опьяняющая современныя общественныя силы. Довести политику, какъ таковую, до крайняго минимума, до окончанія политики, до растворенія ее въ культуру и религію — вотъ что должно быть нашимъ регулятивомъ, вотъ хотѣнье наше, вотъ истинное освобожденіе. Политическое освобожденіе есть освобожденіе отъ политики. Нельзя убить звѣря политики, зло старой государственности, одной «отвлеченной» политикой, новой государственностью. Нужно государственности, насилію, власти, «отвлеченной» политикѣ противопоставить иное начало внѣгосударственное, иную не насильственную общественность, не новое политическое насиліе, а свободу иныхъ путей. Нужно звѣря не звѣремъ укротить и уничтожить, а высшей мощью, все звѣриное низвергающей и преображающей. Глубокая и вѣчная правда была сказана Л. Толстымъ о государствѣ, о звѣрѣ политики, о безбожій насильничества. Въ этомъ мы должны учиться у Л. Толстого, признать его болѣе христіаниномъ, болѣе себѣ близкимъ, чѣмъ Достоевскаго, Вл. Соловьева и Мережковскаго (который только въ самое послѣднее время сталъ на вѣрный путь). Но намъ чуждъ и далекъ религіозный рационализмъ Л. Толстого и его отношеніе къ культуру. Новой религіозной общественности толстовство не можетъ создать, не можетъ вести къ ней, такъ какъ правда толстовская лишь критическая и творчество религіозной мистики отрицающая. Изъ мыслителей европейскихъ относительная, но недостаточно замѣченная правда есть у Прудона, въ его все же идеалистическомъ анархизмѣ, въ его пути внѣгосударственного общественного созиданія. Не къ «непротивленію злу» мы призываемъ и не борьбу отрицаемъ, а зовемъ къ иному противленію, къ инымъ путямъ борьбы.

Мы допускаемъ существованіе нейтральной человѣческой социальной среды, въ которой происходитъ процессъ очеловѣченія, исхода изъ состоянія природнаго и звѣрскаго, элементарнаго освобожденія отъ первобытнаго зла. Процессъ этотъ можетъ обладать первоначальной святостью и не заключать еще въ себѣ сверхъ-человѣческаго начала въ религиозно-положительную или религиозно-отрицательную сторону. Такъ, на примѣръ, въ либерализмѣ и социализмѣ есть человѣческая праведность, элементарное очеловѣченіе, элементарное освобожденіе отъ звѣрскаго порабощенія. Образъ человѣческій открывается, личность человѣческая поднимается для разрѣшенія смысла исторіи. Но правда либеральная и продолжающая ее социалистическая правда по преимуществу отрицательная и слишкомъ элементарная. Чисто либеральные и чисто социалистическіе общественные пути устраняютъ зло несомнѣнное, зло насилія и эксплуатаціи человѣка, но влекутъ они за собой въ будущее не только добро, но и новое зло. Изъ нейтральной человѣческой среды должны вырасти, должны изъ нея развернуться полярно-противоположныя религиозныя начала, уже сверхъ-человѣческія, изъ которыхъ только одному мы можемъ сказать свое «да». На примѣръ въ позитивной социаль-демократической религіи изъ нейтральной человѣческой среды (праведнаго социализма, не мнящаго себя религіей) рождается сверхъ-человѣческое начало, въ религиозномъ отношеніи намъ враждебное и противное, царство князя міра сего, Великаго Инквизитора, новая безбожная государственность, царство мѣщанства.

Весь производственный, экономическій процессъ чело-вѣчества по преимуществу долженъ быть отнесенъ къ нейтральной человѣческой средѣ, онъ освобождаетъ человѣка отъ первобытной власти природы, организуетъ его питаніе, создаетъ почву, на которой вырастаетъ культура съ самыми противоположными своими результатами. Но эта нейтральная социальная среда легко можетъ сдѣлаться орудіемъ діавола, можетъ превратиться человѣческое добро въ сверхъ-человѣческое зло. Восьми-часовой рабочій день есть несомнѣнное человѣческое добро по сравненіи съ 12-ти часовымъ рабочимъ днемъ и его должно добиваться, но изъ этого человѣческаго блага могутъ вырасти цвѣты и бѣлые и черные. Мы привѣтствуемъ и поддерживаемъ всякое

освободительное движеніе, политическое и экономическое, еще человѣчески - нейтральное, но должны противодѣйствовать его переходу на противоположный намъ сверхъ-человѣчскій путь, а политика «отвлеченная», оторванная отъ религіознаго центра бытія, слишкомъ легко превращается изъ несомнѣннаго человѣческаго блага въ сверхъ-человѣческую ложь. Мы привѣтствуемъ нейтральный, не превратившійся въ религію социализмъ, побѣждающій эксплуатацию и организующій питаніе, но должны воссоединить его съ религіей истинной, чтобы противостоять надвигающейся социалистической лже-религій. Какъ бы мы ни относились къ нейтральной социальной средѣ, какія бы религіозно-нейтральныя, но человѣчески - хорошія дѣйствія ни совершали, мы теперь же должны вступать на новый религіозный, не «отвлеченный» путь. Должны создавать не религіозную политическую «партію», что внутренне противорѣчиво, а религіозное общественное движеніе, религіозную культуру ¹⁾.

Всякая либеральная, демократическая, свободолюбивая политика стремится устранить противоположность между государствомъ и обществомъ, растворить государство въ обществѣ. Правовое государство, говорятъ, есть государство общественное, народное, оно само общество, а не сила, внѣ общества лежащая и его дающая. Мы можемъ и должны привѣтствовать очеловѣчивающій процессъ растворенія, таянія государства въ обществѣ, но безбожную и безчеловѣчную стихію государственности, насилія, власти, стихію безличности, не побѣдить ни правовое государство, ни государство социалистическое, ни даже анархическое государство, никакое безличное начало. Говорю «анархическое государство», потому что анархисты — позитивисты, матеріалисты никогда государства не преодолеваютъ, никогда изъ царства насилія не выйдутъ, никогда свободной общественности не создадутъ, *личности* не поставятъ въ центрѣ. Безбожное насильничество, сатанинское властолюбіе, безличность мы должны провидѣть и въ государствахъ либеральномъ и социалистическомъ, а не только въ самодержавномъ. Если въ

¹⁾ У Мережковского до сихъ поръ отсутствовало понятіе нейтральной, человѣчески праведной социальной среды, и потому онъ слишкомъ рѣзко все дѣлилъ на царство Христа и царство Антихриста.

прошломъ государство и имѣло какую нибудь добрую миссію (что должно быть ограничено), то миссія эта давно прекратилась, государство не служитъ уже культурѣ ни въ какой степени, настали времена, когда не можетъ уже быть великихъ государственныхъ идей, когда внѣгосударственныя, надгосударственныя идеи должны царствовать и вдохновлять. Мы не вѣримъ въ рационалистическую утопію Толстого или анархистовъ-позитивистовъ, не думаемъ, чтобы государственность могла быть теперь уже уничтожена, чтобы насилие и власть могли быть сейчасъ уже изгнаны изъ міра. Звѣриная стихія насилия и власти будетъ жить и является въ новыхъ образахъ. Но долженъ быть избранъ путь, на которомъ парализуется стихія государственности, насилия, звѣрства, безличности, на которомъ образуется иная свѣтлая, свободная сила, должно быть найдено противоядіе противъ соблазновъ государственнаго позитивизма. И принять мы можемъ только «политику» культурно-анархическую въ своей тенденціи, анархическую не въ смыслѣ утвержденія насилия, а въ смыслѣ отверженія всякаго насилия, не анархію хаоса и мірового распада, а анархію свободной гармоніи и божественнаго соединенія. Мы не можемъ участвовать въ осуществленіи власти, потому что никакую власть государственную не признаемъ праведной, потому что не вѣримъ въ то совершенное государственное состояніе, которое силой хотѣлось бы поддерживать и право было бы поддерживать, потому что *личность* не можемъ забыть. Старымъ политическимъ, государственнымъ страстямъ должно противопоставить не новыя политическія же, государственныя страсти, а новыя религіозно-общественныя и религіозно-культурныя идеи. И на этой почвѣ можетъ быть выработана особаго рода тактика, можно представить себѣ рядъ этаповъ, ступеней, по которымъ пойдетъ новая внѣ-государственная общественность, союзъ свободы и любви. Общественность свободная и любовная, не государственная и не насильственная, общественность *личностей*, можетъ быть только религіозно-мыслима и религіозно-созидаема, но въ отрицаніи старыхъ формъ государственнаго гнета и экономической эксплуатаціи мы можемъ соединяться съ либералами и социалистами, можемъ съ ними сотрудничать, становиться на тѣ же ступеньки, никогда не сливаясь ни съ какой «отвлеченной» политикой. Въ «политикѣ» мы должны поддерживать де-

централистическія, федеративныя тенденціи, все, что ослабляетъ силу власти, что превращаетъ государство въ земское хозяйство, въ самоуправляющіяся общины, все, что даетъ перевѣсъ правамъ личности надъ государствомъ, всѣ внѣ-государственныя общественныя образования.

Невѣрно думать, что лишь стремленіе къ власти, къ государственному устройству есть творческая политическая дѣятельность. Нашъ «анархизмъ» не есть дезорганизация и разрушеніе. Эволюціоннымъ и реформаторскимъ путемъ можетъ быть созидана общественность не государственная и личность не насилующая, и можетъ отмирать въ сердцахъ людей любовь къ власти и культъ государства. Самое важное дѣло—умерщвлять государствовлюбіе, властолюбивыя политическія страсти и заражать сердца людей иной любовью. «Отвлеченная» политика никогда не углубится до этихъ корней, всегда останется на поверхности и будетъ создавать призракное государственное бытіе. «Отвлеченная» политика знаменуетъ собой величайшій разрывъ между индивидуальнымъ и универсальнымъ, между интимнымъ и соборнымъ, пытается навѣки укрѣпить эту мучительную противоположность.

Индивидуализмъ говоритъ: индивидуальное есть высшая цѣнность, но оно не должно имѣть никакого отношенія къ міру, къ исторіи, къ общественности; политика, устраивающая вселенную, должна быть отвлечена отъ самаго важнаго и дорогого для каждаго существа. Этотъ индивидуализмъ допускаетъ религію, какъ интимное переживаніе индивидуума, но не позволяетъ перелиться этому интимному переживанію въ универсумъ, воплотиться въ исторію, преобразить общественность. Они думаютъ, что это и есть настоящий индивидуализмъ, а насъ упрекаютъ въ измѣнѣ индивидуализму, въ подчиненіи интимнаго объективности, но тутъ ужасное недоразумѣніе, тутъ злоупотребленіе словами. Мы, именно мы—индивидуалисты, такъ какъ хотимъ, чтобы міромъ правило наше индивидуальное, чтобы міръ перевернули интимнѣйшія наши переживанія, цѣностямъ нашимъ хотимъ покорить всю эту кажущуюся объективность. Напримѣръ, красота есть достояніе интимнаго и индивидуальнаго переживанія, и о ней нужно какъ можно меньше говорить, какъ можно меньше ею заниматься, какъ можно меньше выявлять ее, разсуждаютъ такъ называемые «инди-

видуалисты», некрасивое, внѣ-красивое, «отвлеченная» политика спасетъ міръ, человеческое общество перевернетъ исторію. Красота, интимное и индивидуальное, должна спасти міръ, преобразить общественность, говоримъ мы, по ту сторону красоты нѣтъ и не можетъ быть новой, праведной общественности. Передъ чудомъ красоты смирится мировое зло. Это значить, что мы говоримъ: индивидуализмъ долженъ быть утвержденъ до универсализма, долженъ быть царемъ вселенной, т. е. превратиться въ соборность, воплотиться. И исторія въ этомъ за насъ. Она полна религіозными общественными движеніями, религіозными культурами, индивидуальнымъ, ставшимъ соборнымъ, воплотившимся, а не отвлеченнымъ, она знаетъ великія произведенія искусства, въ которыхъ интимная религіозность переливалась въ міръ и поворачивала ходъ исторіи. Таковы всѣ органическія, истинно-творческія историческія эпохи. Мы жаждемъ небывалой, новой органической эпохи, въ которой то, что нынѣ для лишь немногихъ интимно цѣнно, воплотится въ міръ, станетъ соборнымъ, станетъ плотью, а не отвлеченностью, но примѣры подобнаго рода бывали и въ греческой культурѣ, и въ раннемъ итальянскомъ ренессансѣ, и во всѣхъ періодахъ общей мистической чувственности. Нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ раздробленности новаго времени, въ раціоналистической отвлеченности, въ отсутствіи органической чувственности полного бытія — вѣчную норму жизни. Нужно освободиться отъ гипноза новыхъ временъ, отъ суевѣрій раціонализма. Зарожденіе и обостреніе религіознаго индивидуализма характерно для нашей эпохи, съ нею начинается кризисъ раціонализма и анти-религіознаго позитивизма, протестъ противъ разсудочной, отвлеченной культуры, ужасъ небытія, возстановленіе правъ романтической мечты, но это лишь переходное состояніе. Окончательный переходъ къ органической и творческой эпохѣ, къ соборной религіозности, возможенъ не путемъ реставраціи старой исторической формы религіи, а лишь путемъ раскрытія новаго религіознаго сознанія, вмѣщающаго въ себѣ и всю старую истину и вмѣстѣ съ тѣмъ творчески продолжающаго дѣло вѣчной, безмѣрно полной религіи. Новый универсализмъ, новая религіозная соборность изъ индивидуализма родится, черезъ *личность* и ея свободу пройдетъ.

Мы не новую хотимъ выдумать религію, а единую вѣч-

ную раскрывать въ новомъ религіозномъ творествѣ. Одно христіанство не можетъ насъ уже спасти не потому, что оно ложь, а потому, что неполная истина, не вмѣстившая всей полноты нашего опыта и нашихъ хотѣній, потому что въ немъ открылась, хотя очень важная, центральная, но часть истины. Въ христіанствѣ, взятомъ въ его исторической относительности и ограниченности, нѣтъ еще положительной общественной правды, не вмѣщаетъ оно еще всего дорогого намъ богатства культуры, есть Богочеловѣкъ, но нѣтъ еще Богочеловѣчества. Историческое христіанство, аскетическое, безплотное, — индивидуалистично, лишь о личномъ небесномъ спасеніи говоритъ, и нельзя найти въ немъ правды земной, соборнаго спасенія и преображенія земли, плоти міра. Религія Христа была центральной точкой всемірной исторіи, изъ которой можно понять весь смыслъ исторіи, но христіанство осталось оторваннымъ отъ этого смысла всемірной исторіи, для него какъ бы выпало все, что совершалось великаго въ исторіи, все творчество культуры, всѣ мечты объ общественномъ преображеніи земли. Смыслъ религіознаго кризиса, который обострился въ современномъ человѣчествѣ, хотя не многими еще сознается, въ томъ заключается, что нельзя уже успокоиться ни на старой аскетической, безплотной, не общественной и не культурной религіи, ни на новой, уже состарившейся, земной безрелигіозности. Потому такъ легко соединяли христіанство съ какимъ угодно политическимъ изувѣрствомъ и кощунственно прикрывали имъ людоѣдскіе реакціонные инстинкты, что въ христіанствѣ, только христіанствѣ, не была открыта еще правда о религіозной общественности, о религіозной земной культурѣ. И съ представителями исторической церкви «блудодѣйствовали цари земные». Не сошелъ еще явно на общественное человѣчество Духъ Утѣшитель, обѣщанный Христомъ, тѣло человѣчества не сдѣлалось еще богочеловѣческимъ, святой общественностью и святой культурой, вмѣщающей безконечную полноту бытія. Христіанскіе праведники спасались индивидуальнымъ подвигомъ и молились за грѣхи міра, но праведности общественной, культурной, всемірно-исторической мы только ждемъ. Тогда она побѣдитъ старую безбожную государственность и новую безбожную государственность, тогда она освятитъ великую міровую культуру, освятитъ землю.

Можно даже поставить вопросъ: была ли до сихъ поръ истинная церковь въ историческомъ воплощеніи, не была ли религія индивидуальной въ своей правдѣ, а соборность—не заключенной въ кругъ, свободной мистикой? Преступленія церкви противъ земли, противъ земной правды, противъ культуры и свободы слишкомъ ужасны, слишкомъ невыносимы. Старой церкви нельзя уже привить новыхъ общественныхъ добродѣтелей, нельзя духъ живой вдохнуть въ нее, принудивъ ее признать блага конституціи и 8-ми часового рабочаго дня, это было бы механично, почти позитивистично. Новая таинственная мистика, давно уже просасывающаяся изъ глубины, должна разлиться по землѣ, и новая любовь должна загорѣться въ тѣлѣ человѣчества. Откровенія должны продолжаться, и больное человѣчество жадно ждетъ ихъ.

Не аскетически отворачиваться мы предлагаемъ отъ политическаго освобожденія человѣчества и отъ творчества культуры, нынѣ раздробленнаго, о нѣтъ, все это должно продолжиться и имѣть еще свою миссію. Но наше сознание обязываетъ насъ помнить, что задача наша—ускорить наступленіе органическаго религіознаго періода, который преодолѣетъ рационалистическую отвлеченность, раздробленность, воссоединитъ въ высшей полнотѣ разорванныя части духа человѣческаго. И мы только еще предтечи. Должно привести къ скорѣйшему концу «отвлеченную» политику, должно задачу политики понять, какъ уничтоженіе политики, раствореніе въ высшемъ, посильное сокращеніе ея власти, подчиненіе ея сверхъ-человѣческому благу. Это обязываетъ къ новому пути, на которомъ можно и должно поддерживать и чисто-политическое освобожденіе, поддерживать даже ту или иную партію, но никогда не сливаться ни съ однимъ путемъ политики, не подчиняться ему, а наоборотъ, по мѣрѣ силъ, подчинять его себѣ.

Мы можемъ сказать, что конституціонно-демократическая партія сейчасъ въ Россіи—наименьшее зло въ сферѣ «отвлеченной» политики, что ее должно поддерживать въ цѣломъ рядѣ праведныхъ ея дѣлъ. Особенно это ясно въ данную минуту. Меньше въ этой партіи культа насилія, не превращаетъ она реальной политики въ религію, больше въ ней человѣческой правды, той нейтральной соціальной среды, о которой я говорилъ выше. Но люди, жаждущіе религіоз-

ной общественности, органическаго воссоединенія, преодо-
лѣнія «отвлеченной» политики, какъ и всѣхъ «отвлеченныхъ
началъ», не могутъ соединиться и съ этой партіей. Пусть
политика сама по себѣ будетъ какъ можно менѣе обя-
тельна, но для того только, чтобы вновь стать обаятельной,
какъ часть религіознаго цѣлаго.

Николай Бердяевъ.

З а м ѣ т к и.

О благородствѣ пролетаріата ¹⁾.

(Отвѣтъ г. Минскому).

Г. Минскій, въ своей статьѣ „Исторія моего редакторства“, (газета „Русь“) высказываетъ предположеніе, будто бы я вижу „хама“ въ пролетаріѣ, идущемъ на смѣну современнаго буржуа. Если бы г. Минскій заглянулъ въ мою книгу о „Хамѣ“, то не могъ бы сдѣлать такого предположенія, не искажая мыслей моихъ преднамѣренно.

Самое поверхностное знакомство съ этими мыслями не оставило бы у него ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что для меня классовыя различія, которыми и устанавливаются понятія буржуазіи и пролетаріата, т. е. имущаго и неимущаго класса, не имѣютъ значенія при опредѣленіи нравственныхъ цѣнностей благородства и низости, а слѣдовательно, и той послѣдней, предѣльной низости, которую я называю „хамством“. Буржуазія и пролетаріатъ суть классы, т. е. явленія соціально-экономическаго порядка; „благородство“ и „хамство“ суть явленія порядка, въ началѣ своемъ, этическаго, а въ послѣднихъ выводахъ — метафизическаго и религіознаго. Неужели г. Минскій, который дѣлаетъ мнѣ честь видѣть въ литературной дѣятельности моей сочувст-

¹⁾ Всецѣло раздѣляя основную мысль Д. С. Мережковскаго о независимости этическихъ и религіозныхъ оцѣнокъ отъ соціально-экономическихъ категорій, редакция считаетъ ошибочнымъ мнѣніе Д. С. Мережковскаго, будто политическая позиція г. Минскаго связана съ его религіозной философійю. Искусственность и неправомѣрность этой позиціи состоитъ именно въ томъ, что она свободна отъ всякой идеи, въ томъ числѣ и отъ собственной философій г. Минскаго.

Ред.

віе революціонному движенію, можетъ искренне думать, будто бы я считаю обладаніе капитала—благородствомъ, а бѣдность—„хамствомъ“? Это было бы съ моей стороны даже не пошлость, а такая глупость, которую предполагать въ своемъ противникѣ не слѣдуетъ въ самомъ крайнемъ увлеченіи полемики. Только господствующее у насъ нынѣ смѣшеніе понятій, своего рода умственный хаосъ, въ которомъ все возможно, „все позволено“, вынуждаетъ меня не оставлять безъ отвѣта подобное предположеніе. Разумѣется, нельзя установить прямого отношенія между іерархіей истиннаго благородства съ одной стороны и существующими социальными-экономическими классами—съ другой. Если же вообще возможно установить какое либо отношеніе между этими двумя порядками, то ужъ скорѣе обратное, чѣмъ прямое: слѣдуетъ опрокинуть скрижаль мнимыхъ „благородныхъ цѣнностей“ современной буржуазной этики, для того, чтобы эта скрижаль хоть сколько нибудь совпала со скрижалю подлинныхъ и вѣчныхъ этическихъ цѣнностей. „Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ царствіе Божіе“ — слово это и указываетъ на несоизмѣримость этихъ двухъ скрижалей. Ужъ если придерживаться какого либо внѣшняго, эмпирическаго признака для различенія внутренняго религіознаго благородства и низости, то можно бы сказать, что надъ всякимъ социальнымъ-экономическимъ классомъ, въ каждое данное время наиболѣе торжествующимъ, ставящимъ себя во главу угла, какъ единого представителя окончательной и абсолютной правды общественной, тяготѣетъ и наибольшая угроза „хамства“. Это значитъ, что богатые, знатные, сильные, владѣющіе и царствующие наиболѣе подвергаются опасности сдѣлаться „хамами“, ибо „царство отъ міра сего“ и есть по преимуществу ложное царство, истинное хамство; и „Князь міра сего“, тотъ, который говоритъ о славѣ царствъ земныхъ: „она принадлежитъ мнѣ, и я кому хочу, даю ее“, есть, по преимуществу, ложный Царь, истинный Хамъ. Въ книгѣ моей о Грядущемъ Хамъ я и старался показать что всякое человеческое царство, которое объявляетъ себя „самодержавнымъ“, „неограниченнымъ“, „абсолютнымъ“, и тѣмъ самымъ становится на мѣсто Божье, — ибо ничья власть, кромѣ Божьей, не безгранична, не „самодержавна“ — есть ложное царство, истинное хамство. А бѣдные, бедомные, отверженные, униженные и оскорбленные, ко злодѣямъ причтенные суть, по преимуществу, истинно „благородные“, „сыны царства“, которые „наслѣдуютъ землю“.

Дойти до такого безумія, чтобы считать пролетарія „хамомъ“, я бы не могъ уже потому, что меня удержалъ бы отъ этого страхъ богохульства. „Лисицы имѣютъ норы, и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ преклонить голову“, — не это ли слово открыло впервые передъ міромъ возможность царственнаго благородства въ бѣдности, бездомности, въ вѣчномъ пролетаріатѣ? Недаромъ же Царь царей и Господь господствующихъ, владѣющій небомъ и землею, явился міру въ образѣ Нищаго, Бродяги, Босяка, Пролетарія.

„Чѣмъ богаче, тѣмъ благороднѣе“ — кажется, въ настоящее время никто не приметъ этого положенія за абсолютную истину. Но положеніе обратное: „чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ благороднѣе“ и возведеніе этого эмпирическаго признака въ абсолютную истину становится для многихъ опасною и соблазнительною ложью. Отношеніе абсолютной истины къ социально-экономическимъ различіямъ только отрицательное: истина въ томъ, что бѣдность не лишаетъ, но и не даетъ права на благородство. И бѣднякъ, точно такъ же, какъ богачъ, можетъ быть „хамомъ“. Все это, разумѣется, непростительныя общія мѣста, но не моя вина въ томъ, что мнѣ приходится ихъ высказывать.

Можетъ ли пролетарій быть „хамомъ“? Конечно, можетъ, такъ же, какъ мѣщанинъ и рыцарь, и священникъ, и воинъ, и ученый, и художникъ, — какъ всякій челоѣкъ во всякомъ социально-экономическомъ положеніи. Благородство и низость челоѣческая опредѣляются состояніемъ челоѣка не внѣшнимъ, а внутреннимъ, не принадлежностью къ извѣстному классу, а вѣчными свойствами *личности*, ея отношеніемъ къ Богу — единственному источнику всякаго благородства. Было время, когда представители буржуазіи, великіе мѣщане Реформаціи и Революціи, создавшіе религіозное и политическое освобожденіе Европы, обладали всѣми признаками подлиннаго благородства; то были воистину *цари-мѣщане*; тогда называться мѣщаниномъ было столь же почетно, какъ нѣкогда рыцаремъ, и нынѣ пролетаріемъ. Но когда мѣщанинъ, одержавъ побѣду надъ феодаломъ и почивъ на лаврахъ, пожелать частную, временную, социально-экономическую правду своего мѣщанства возвести въ вѣчную, абсолютную, всечелоѣческую истину — въ религію („позитивизмъ“ и есть „религія мѣщанства“), когда мѣщанинъ, оставаясь только мѣщаниномъ, т. е. представителемъ извѣстнаго класса, извѣстнаго социально-экономическаго положенія, пожелалъ сдѣлать это положеніе изъ части всѣмъ, изъ преходящаго условія вѣч-

нимъ закономъ и предѣломъ человѣческаго развитія, — тогда онъ утратилъ все свое благородство, превратился изъ мѣщанина-царя въ мѣщанина лавочника, изъ великаго революціоннаго буржуа въ маленькаго, реакціоннаго „буржуа“. И мѣщанство сдѣлалось синонимомъ нравственной пошлости, низости, если уже не „грядущаго“, то всего прошедшаго и настоящаго „хамства“.

Нельзя не пожелать, чтобы судьба мѣщанина послужила урокомъ идущему на смѣну ему пролетарію. Дѣйствительное благородство пролетаріата есть благородство всякаго сословія, восходящаго изъ униженія, борющагося за свое человѣческое достоинство и утверждающаго свою великую, несомнѣнную, но все же не вѣчную и не абсолютную, а только временную и относительную социальную-экономическую правду, ибо — какъ ни велика эта правда — она для человѣчества не все, а только часть всего: полнота человѣческой личности несомнѣнима ни съ какимъ социальнымъ-экономическимъ положеніемъ: *человѣкъ — больше всего, что онъ имѣетъ*. Но если, подобно мѣщанину, пролетарій пожелаетъ свою частную, относительную и временную социальную-экономическую правду возвести въ абсолютную и вѣчную, все-человѣческую истину, если то, что должно служить только *средствомъ*, онъ пожелаетъ сдѣлать окончательною цѣлью, вѣнцомъ и предѣломъ человѣческаго развитія, то и онъ, подобно мѣщанину, утратитъ свое благородство и подвергнется опасности „грядущаго хамства“. Не столько у самихъ пролетаріевъ, сколько у тѣхъ буржуа, которые лишь дѣлаютъ видъ, что служатъ пролетаріату, замѣчается уклонъ къ этому хамству. Когда они говорятъ съ унижительнымъ подбострастіемъ о „самодержавномъ пролетаріатѣ“, то этотъ уклонъ обнаруживается иногда съ цинизмомъ поразительнымъ. Тѣмъ, для кого абсолютная свобода есть абсолютная истина — „самодержавный пролетарій“ такъ же ненавистенъ, какъ самодержавный мѣщанинъ-президентъ буржуазной республики, самодержавный воинъ-царь, самодержавный священникъ-папа. „Сыны царства Божьяго“ не примутъ никакого царства человѣческаго, никакого самодержавія, ибо предъ лицомъ единого Самодержца, единого Царя царствующихъ и Господа господствующихъ всякій челоѣкъ — самодержецъ-самозванецъ, воцарившійся рабъ, а воцарившійся рабъ и есть „хамъ“. Пролетарій, такъ же, какъ рыцарь и мѣщанинъ, не спасетъ челоѣчество: челоѣчество спасетъ только Бого-челоѣчество. Но не слѣдуетъ забывать, что ежели пролетарій не будетъ Спасителемъ, то Спаситель, повторяю, былъ „Проле-

таріемъ“, и вопетину это уже достаточное, болѣе нежели, чело-
вѣческое, достоинство всякаго пролетаріата, „а что сверхъ сего,
то отъ лукаваго.“ Истина не въ побѣдѣ какого либо социаль-
но-экономическаго класса надъ всѣми остальными, а въ преодо-
лѣніи и поглощеніи всѣхъ классовыхъ различій тѣмъ, что выше
этихъ различій—абсолютною равноцѣнностью всѣхъ чело-
вѣческихъ личностей, реализуемою только въ порядкѣ религіозномъ:
человѣкъ человѣку равенъ только въ Богѣ.

Г. Минскій, когда, противоположая пролетаріатъ, какъ социаль-
но-экономическій классъ, всѣмъ остальнымъ классамъ, вѣнчаетъ
его на грядущее царство, удаляется отъ этой истины и подвер-
гается опасности, которой ни одно изъ побѣдившихъ сословій
не избѣгло, — опасности превращенія „грядущаго царства“ въ
„грядущее хамство“. И сколько бы г. Минскій не отрещивался
отъ Максима Горькаго, — въ этомъ (а это — главное въ общест-
венной сторонѣ „мистики“ г. Минскаго) они единомышленники.
Мэонизмъ, какъ и всякая религія небытія, (Богъ мэонизма, „Мэ-
онъ“ — Богъ небытія) безоруженъ противъ соблазна социаль-де-
мократіи, какъ *религіи*, пока еще безсознательной у самихъ ея
исповѣдниковъ, но уже несомнѣнно реальной и дѣйствительной.
Во всякомъ случаѣ для г. Минскаго, — если только повѣрить
ему на слово въ его послѣднихъ двухъ фельетонахъ, — точно такъ
же, какъ для Максима Горькаго, социаль-демократія гораздо
больше, чѣмъ научная истина: она для нихъ обоихъ откровеніе
„мистическое“ (г. Минскій любитъ слово „мистика“, а Горькій
не любитъ, но это уже дѣло литературнаго вкуса); для нихъ
обоихъ социаль-демократія — не одинъ изъ путей къ цѣли, а
сама цѣль — окончательное „устройство человечества на землѣ
безъ Бога“ — для Горькаго, а для Минскаго, хотя и съ Богомъ,
но съ такимъ, главное свойство Котораго въ томъ, что Его нѣтъ,
ибо „Мэонъ“ и значить Несущій: безъ Бога или съ Богомъ Не-
существующимъ — это метафизическое различіе почти неуло-
вимое, по крайней мѣрѣ, для меня и подобныхъ мнѣ, призна-
ющихъ за истину христіанство, величайшую *религію бытія* и
Бога — за абсолютно Сущее. Вотъ почему всюду, гдѣ г. Минскій
вмѣстѣ съ Горькимъ говорятъ свое послѣднее *нѣтъ*, мы говоримъ
наше послѣднее *да*, и наоборотъ: вотъ почему г. Минскій окажется
нашимъ врагомъ, если исполнить онъ то, что началъ, довольно,
впрочемъ, неудачно и неуклюже: свое мистическое соединеніе
съ Горькимъ.

Въ этомъ, и только въ этомъ, наше дѣйствительное принци

пiальное расхожденiе съ г. Минскимъ, а вовсе не въ мѣрѣ почтительнаго отношенiя къ пролетарiату и къ социаль-демократiи. Для меня социализмъ — *великая научная истина, а не религiя, путь, а не цѣль*; для меня пролетарiй одинъ изъ благороднѣйшихъ бойцовъ за правду человѣческую; но отнюдь не пророкъ и мессiя правды божественной; и, по-истинѣ, медвѣжью услугу оказываютъ ему тѣ, кто его таковымъ объявляетъ и кто, не успѣвъ низвергнуть самодержавнаго мѣщанства, этого прошедшаго и настоящаго „хамства“, спѣшитъ холопствовать передъ „самодержавнымъ пролетарiатомъ“, этимъ несомнѣнно болѣе страшнымъ и гнуснымъ, чѣмъ настоящее, — „грядущимъ хамствомъ“. Кто не на словахъ, а на дѣлѣ вѣритъ въ нравственное величiе и благородство пролетарiя, тотъ обязанъ предостерегать его отъ этой величайшей изъ всѣхъ грозящихъ ему опасностей.

А считать пролетарiя „хамомъ“ по существу я не могъ бы уже и потому, что себя самого, такъ же, какъ г. Минскаго, считаю, въ значительной мѣрѣ, „пролетарiями“ — ибо все наше имѣнiе — нашъ трудъ, и я ни ему, ни себѣ не желаю быть „хамомъ“.

Д. Мережковский.

Революціонный неврозъ ¹⁾.

Подъ такимъ пикантнымъ и заманчивымъ заглавiемъ Кабанесъ и Л. Нассъ выпустили книжку, а русскiй издатель, г-нъ Д. Ф. Коморскiй, поспѣшилъ преподнести ее русской публикѣ. Переводчикъ называетъ эту книжку въ предисловіи „объективнымъ и спокойнымъ социальнo-политическимъ изслѣдованiемъ „революціоннаго невроза“. Книга, появившаяся едва мѣсяцъ тому назадъ во французскомъ оригиналѣ, по мнѣнiю переводчика, „совершенно необходима“ для всего русскаго общества. Не сомнѣваясь, что, въ виду совершенно исключительныхъ событiй, читатели, и не только „интеллигентные“, какъ хочетъ издатель, набросятся на это произведенiе, претендующее дать ключъ къ пониманiю болѣзни общества, обозначенной въ заглавіи, попытаетъ

¹⁾ *Кабанесъ и Л. Нассъ. Революціонный неврозъ. Перев. съ французскаго подъ ред. Д. Ф. Коморскаго. Изд. его же, СПб. 1906 г.*

мся, насколько возможно, разсѣять недоразумѣнія, которыя неминуемо возникнутъ при чтеніи этого „научнаго“ изслѣдованія, Д-ръ Кабанесъ — авторъ нѣсколькихъ французскихъ книжекъ въ которыхъ собраны были кое-какіе документы и сообщенія историческаго и анекдотскаго характера, касающіеся интимной, особенно медицинской стороны жизни нѣкоторыхъ крупныхъ историческихъ персонажей. Книги эти читаются легко благодаря доступному характеру изложенія и интересному, подчасъ игри-вому содержанію. Русскаго перевода, кажется, до сихъ поръ онѣ не удостоились. Теперь, отзываясь на запросы времени, Кабанесъ пробуетъ дать намъ отвѣтъ на крайне сложный и трудный вопросъ; изъ историка анекдотиста онъ пытался сдѣлаться социологомъ и психологомъ. Вѣдь только социологъ и психологъ можетъ сколько-нибудь правильно отвѣтить на вопросъ, поставленный въ заглавіи книги.

Прежде всего существуетъ ли революціонный неврозъ? а если да, то въ чемъ онъ состоитъ, каковы его основные признаки, ближайшія и отдаленныя причины, способы борьбы съ нимъ? Вѣдь всякій неврозъ есть болѣзнь, а съ болѣзнью необходимо бороться. Къ сожалѣнію, никакихъ отвѣтовъ на эти вопросы читатель въ книгѣ не найдетъ. Книга эта просто на просто состоитъ изъ набора разсказовъ и анекдотовъ изъ временъ первой французской революціи, подобранныхъ крайне тенденціозно, заимствованныхъ главнымъ образомъ у Тэна, менѣе у Мишле и Гонкуровъ; есть ссылки на Луи-Блана и другихъ авторовъ, но они, повидимому, взяты изъ вторыхъ рукъ. Разсказы и эпизоды кое-гдѣ приправлены выдержками и сентенціями изъ извѣстныхъ сочиненій Лебона, Тарда, Сигеле, но эти психологическія вылазки мало вяжутся съ остальнымъ, фактическимъ содержаніемъ труда. Никакого психологическаго синтеза, никакого общаго взгляда въ книгѣ нѣтъ. Да и развѣ можно выводить психологию революціоннаго настроенія массъ, или, какъ хочетъ авторъ — невроза изъ событій одной великой французской революціи? Какъ будто послѣ 1789 года не было еще 1830, 48, Парижской коммуны, а раньше не было крестьянскихъ войнъ, какъ будто революціи совершались только во Франціи? А вѣдь индивидуальная и коллективная психологія англичанъ, венгерцевъ, французовъ, поляковъ — далеко не одинакова!

Посмотримъ, тѣмъ не менѣе, какимъ образомъ разрѣшаетъ авторъ великую задачу своими упрощенными средствами.

Главными моментами „великаго“ невроза Кабанесъ и Нассъ

считаютъ *заразительность страха* (разборъ — въ первой главѣ) и *садическое безуміе*, т. е. сладострастное ощущеніе при видѣ испытываемыхъ жертвами страданій. (Этому вопросу посвящена вся 2-ая глава). Этими главами, можно сказать, исчерпывается философская часть книги. Опредѣливъ такъ точно и ясно основные элементы революціоннаго невроза, авторъ переходитъ къ иллюстраціи ¹⁾, къ разсказамъ разныхъ страшныхъ эпизодовъ звѣрствъ толпы, страсти ея къ разрушенію, къ перемѣнѣ всего прежняго, освященнаго культурою, привычками и традиціями. Мѣстами самъ авторъ, а чаще его любезный переводчикъ попутно ссылаются на современные событія въ Россіи, эпизоды изъ еврейскихъ погромовъ и т. п., что придаетъ книгѣ самый „современный“ характеръ. Эпизодовъ, фактовъ, анекдотовъ, цѣлыхъ маленькихъ монографій дѣйствительно масса, нѣкоторыя изъ нихъ сами по себѣ дѣйствительно очень любопытны и поучительны, хотя, повторяемъ, взяты изъ вторыхъ рукъ и, поскольку не переписаны цѣликомъ, изложены гораздо менѣе ярко и талантливо, чѣмъ у Тэна, Минье, Мишле и др. Но бѣда въ томъ, что подборъ фактовъ отличается не только случайностью и безсистемностью, но и такой поразительной односторонностью и тенденціозностью, какой мы не встрѣчаемъ даже въ знаменитой исторіи французской революціи Тэна (да проститъ намъ великій французскій историкъ это невольное сравненіе), который, какъ извѣстно, тоже особенной справедливости въ оцѣнкѣ дѣятелей великой эпохи не обнаружилъ. Насколько правдивъ и беспристрастенъ Кабанесъ даже въ описательной сторонѣ вопроса, можно судить хотя бы изъ главы второй объ ораторахъ и журналистахъ революціи, которую мы разберемъ подробнѣе ради примѣра. Въ ней много мѣста авторъ посвящаетъ характеристикѣ Гебера (*Hebert*), автора знаменитаго листка „*Père Duchesne*“, талантливаго, но безчестнаго и продажнаго журналиста, принадлежавшаго къ крайней лѣвой, къ Монтаньярамъ, къ группѣ парижской коммуны (до 9-го термидора). О Геберѣ въ исторической литературѣ нѣтъ двухъ мнѣній, поэтому и характеристика его не трудна; но, какъ нравственная личность, онъ для тогдашней журнальной семьи представляетъ именно не типъ, а исключеніе. Дальше авторъ принимается за Марата, изображаетъ его по шаблоннымъ учебникамъ, какъ психопата-кровопийцу, кровожаднаго труса. Никакой психологической характеристики; не использованы даже факты

1) Отдѣлъ VI. Революціонная литература, гл. I, стр. 265—288.

изъ исторіи Тэна и Мишле; между прочимъ, у Мишле приводятся такіе эпизоды, которые на образъ Марата, искаженный и загрязненный исторической традиціей, проливаютъ нѣсколько иной свѣтъ. Раздѣлавшись съ Маратомъ, французскій авторъ принимается за Робеспьера, опять пережевываетъ старое, отбѣняя исключительно темныя стороны и не объясняя психологическихъ противорѣчій и своеобразности этого интереснаго и дѣйствительно типичнаго для конца 18-го вѣка послѣдователя Жанъ-Жака. Робеспьеръ у Кабанеса выступаетъ уже главнымъ образомъ какъ типъ оратора. Одна страница посвящается и Дантону, но о немъ трудно было наговорить много ужасовъ, и потому Кабанесъ быстро переходитъ къ другу Дантона, къ Камиллу Демулену, который оказывается „умнѣйшимъ человѣкомъ революціи“!

Это открытіе дѣйствительно оригинально и принадлежитъ всецѣло Кабанесу, если мы только не имѣемъ дѣла съ ошибкой переводчика, спутавшаго умнаго съ остроумнымъ (*spirituel*). Демуленъ, конечно, по мнѣнію автора, принесъ неизмѣримый вредъ; ускоривъ гибель короля и жирондистовъ, онъ затѣмъ раскаялся и погибъ.

Обрисовавъ, какъ говоритъ самъ авторъ, четыре опредѣленныхъ типа: Гебера, Марата, Робеспьера и Демулена, онъ хотѣлъ показать на нихъ вліяніе невроза окружающаго общества и послѣдствія этого вліянія для самихъ дѣятелей революціи. Нельзя не признать, что задачу свою авторъ выполнилъ по дѣтски. Геберъ былъ преступный типъ, воръ и шулеръ. Не будь революціи, онъ бы постарался сдѣлать карьеру на другомъ поприщѣ, напр., въ качествѣ продажнаго королевскаго журналиста, шпіона высшаго типа, тайнаго дипломатическаго агента и т. п. Маратъ былъ неуравновѣшенный, вполнѣ ненормальный человѣкъ, и на подобныхъ ему, конечно, всѣ революціи и народныя волненія оказываютъ крайне неблагопріятное вліяніе, выводя ихъ окончательно изъ состоянія равновѣсія и возбуждая дремлющія разрушительныя инстинкты. Робеспьеръ, прямая противоположность Марата по характеру, человѣкъ совершенно уравновѣшенный, въ то же время отличался безукоризненною честностью, громаднѣмъ трудолюбіемъ—о чемъ Кабанесъ почти не говоритъ, и объясненія у него, почему дѣятельность этого уравновѣшеннаго, педантичнаго и добродѣтельнаго (въ смыслѣ Руссо) народнаго трибуна приняла такой разрушительный характеръ, мы нигдѣ не находимъ. А Демуленъ, если подсчитать безпристрастно, принесъ, вѣроятно, гораздо болѣе пользы человѣчеству своей страстной борьбой противъ всякаго деспотизма и произвола, какъ ко-

ролевскаго, такъ и революціоннаго, чѣмъ вреда своими ошибками, въ которыхъ онъ очень скоро раскаивался. Непонятно, почему Кабанесъ выбралъ, какъ типы, именно этихъ лицъ, людей, кромѣ Камилла Демулена, весьма несимпатичныхъ и представлявшихъ собою именно отрицательную сторону революціи. Разъ говорить объ ораторахъ и писателяхъ, отчего не говорить о Мирабо, не упомянуть объ оригинальномъ и глубокомъ мыслителѣ Сійесѣ, который на революцію оказалъ огромное влияние, но котораго сама революція не заставила измѣниться ни на іоту. А вѣдь этотъ типъ стоилъ изученія. Отчего о Дантонѣ, величайшемъ ораторѣ и трибунѣ, которому даже враги не отказываютъ въ государственномъ умѣ, спасшемъ Францію отъ разгрома въ 1792 году, о Дантонѣ, слава котораго, съ изученіемъ документовъ эпохи, становится все болѣе и болѣе неоспоримой, не говорится почти ничего? Отчего въ числѣ ораторовъ не упоминается жирондистъ Верньо, лучшій, если не считать Мирабо и Дантона, ораторъ собранія и одинъ изъ самыхъ изящныхъ умовъ эпохи? Отчего среди жирондистовъ не упоминается писатель Бриссо и философъ Кондорсе, котораго теперь признаютъ однимъ изъ глубочайшихъ мыслителей 18-го вѣка, г-жа Роланъ и вообще вся блестящая плеяда жирондистовъ? Развѣ они тоже не были дѣтьми и въ то же время творцами революціи? Нѣтъ, автору нужно было взять несимпатичныхъ вожakovъ „кровожадныхъ демагоговъ“, присоединить къ нимъ плута и вора Гебера и выставить ихъ какъ типы, порожденные революціей, продукты революціоннаго невроза, въ назиданіе читателей и потомства. Но „типы“ Кабанеса вовсе и не типы (кромѣ Робеспьера); они не характерны для того времени, потому что рядомъ съ ними существовали другіе типы, люди иного закала, люди чистые и честные, глубокаго и оригинальнаго ума, какъ Кондорсе, Сійесъ, Роммъ, Камбонъ, Карно, Кутонъ, большинство жирондистовъ.

Изъ краткаго разбора одной этой главы читатель видитъ, чего стоитъ книжка Кабанеса, какъ психологія революціоннаго невроза. Въ книгѣ тенденціозно собрано все ужасное, всѣ факты насилія, безумія, непослѣдовательности, какъ толпы, такъ и отдѣльных видныхъ дѣятелей 1789 — 96 г. и замалчиваются всѣ положительныя явленія, акты великодушія, самопожертвованія, героизма, разумныя и благотѣльные мѣры и проч. Вѣдь знаменитый кодексъ Наполеона, которымъ до сихъ поръ управляется Франція и который оказалъ такое громадное влияние на законодательство другихъ европейскихъ странъ, составленъ въ

разгаръ революціи особой комиссіей, подъ громъ пушекъ и аккомпанементъ гильотины, а Наполеонъ лишь опубликовалъ его въ послѣдствіи и далъ ему свое имя. И люди могли работать при этихъ условіяхъ, создали великій трудъ „*aere perennius*“ Какую тутъ роль играли „неврозъ“ г-на Кабанеса? А люди, шедшіе въ 1792—93 году умирать за отечество въ качествѣ волонтеровъ на восточную границу, юноши, растрѣливаемые роялистами въ Бретани и Вандеѣ и умиравшіе съ криками: „да здравствуетъ республика!“, „да здравствуетъ нація!“ — или и здѣсь были съ ихъ стороны лишь акты садическаго безумія или заражительнаго страха? Если бы авторы книги не занимались исключительно эпизодами первой французской революціи, а взяли хотя бы исторію итальянскаго *risorgimento*, то въ ней они нашли бы такой богатый источникъ великихъ характеровъ, трогательныхъ, героическихъ, хотя и зараженныхъ специфическимъ „неврозомъ“ личностей (Гарибальди, Мадзини, Манинъ, Чичеро-ваккіо и многіе другіе), что его философія революціи легко могла бы быть вывернута на изнанку.

Для человѣка, знающаго хорошо исторію, владѣющаго извѣстнымъ критическимъ методомъ, эта книга можетъ подчасъ пригодиться: въ ней собрано много матеріала, много однородныхъ фактовъ, а въ толкованіяхъ и выводахъ автора такой читатель не нуждается. Для развлеченія, для чтенія въ вагонѣ, въ ваннѣ, на сонъ грядущій, для тѣхъ, кто не боится страшныхъ сновидѣній, и забываетъ о прочитанномъ сейчасъ же по закрытіи книжки, она также можетъ доставить нѣсколько пріятныхъ часовъ, но для выясненія психологіи революціи, т. е. революціонной толпы и революціонныхъ дѣятелей, она также мало пригодна, какъ египетскій сонникъ для составленія государственнаго бюджета. Благодаря своей удобочитаемости, популярной формѣ и анекдотическому характеру изложенія, обеспечивающему распространеніе ея среди широкихъ массъ публики, произведеніе это должно быть признано именно для этой публики—крайне вреднымъ.

Но хотя Кабанесъ и Нассъ своей „заразительностью страха и садическимъ безуміемъ“ не только не исчерпали, но даже не приблизились къ опредѣленію того, что они называютъ „революционнымъ неврозомъ“, тѣмъ не менѣе, необычное настроеніе общества, подъемъ чувства и повышеніе возбудимости, появляющіеся въ такъ называемыя революціонныя эпохи, представляютъ реальное соціологическое и психологическое явленіе и заслуживаютъ подробнаго анализа. Въ другой статьѣ мы постараемся, хотя бы приблизительно, отвѣтить на намѣченные выше вопросы.

Д-ръ Иванъ Хмѣлевскій.

Редакция обращается къ авторамъ и издателямъ съ просьбой присылать свои книги для отзыва.

Списокъ поступающихъ въ редакцію книгъ печатается въ каждомъ № „Свободы и Культуры“.

Книги, поступившія въ редакцію съ 30 марта по 7 апрѣля:

Алибеговъ, А. Елисаветпольскіе кровавые дни. Тифлисъ, 1906 г. 181 стр. Ц. 30 к.

Беркли, Дж. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. Перев. Е. Дебольской. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905 г. 183 стр. Ц. 40 к.

Брюнелли, Б. Легенды и настроенія. 233 стр. Ц. 1 р.

Вентцель, Н. Освобожденіе ребенка. Изд. библ. „Свободнаго Воспитанія“. Москва, 1906 г. 15 стр. Ц. 10 к.

Винеръ, В. Крестьянскій вопросъ. Изд. „Вѣстника Сельскаго Хозяйства“. Москва 1906 г. 72 стр. Ц. 40 к.

Геффдингъ, Г. Философскія проблемы. Перев. Э. Капелюша. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 124 стр. Ц. 40 к.

Грецъ, Л. Краткій курсъ электричества. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. 265 стр. Ц. 80 к.

Даммеръ, О. Доступные опыты по химіи. Изд. О. Н. Поповой подъ редакц. А. П. Нецаева. Спб. 250 стр. Ц. 1 р.

Ельницкій, А. Г. В. Плехановъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 26 стр. Ц. 7 к.

Зомбартъ, В. Германія. Перев. Э. Капелюша. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 103 стр. Ц. 60 к.

Его же. Проникновеніе промышл. капитализма въ область докапиталистическаго ремесла. Перев. Э. Капелюша. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 319 стр. Ц. 1 р.

Клечковскій, М. Современное воспитаніе и новые пути. Изд. библ. „Новаго Воспитанія“. Москва, 1905 г. 83 стр. Ц. 40 к.

Кросби, Э. Л. Н. Толстой какъ школьный учитель. Изд. библ. „Свободнаго Воспитанія“. Москва, 1906 г. 79 стр. Ц. 40 к.

Кюльпе, О. Введеніе въ философію. Изд. О. Н. Поповой подъ редакц. П. Б. Струве. Спб. 231 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лакомбъ, П. Воспитаніе, основанное на психологіи ребенка. Изд. библ. „Новаго Воспитанія“. Москва, 1905 г. 55 стр. Ц. 30 к.

Лафаргъ, П. Американскіе тресты. Изд. О. Н. Поповой подъ редакц. В. Я. Желѣзнова. Спб. 101 стр. Ц. 40 к.

Липпсъ, Б. Основы психофизики. Перев. Г. Катъяра. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 104 стр. Ц. 40 к.

Липпсъ, Т. Основные вопросы этики. Изд. О. Н. Поповой подъ редакц. П. Струве и Н. Лосскаго. Спб. 392 стр. Ц. 1 р.

Его же. Основы логики. Перев. Н. Лосского. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. 301 стр. Ц. 1 р.

Лихтенберже. Философія Нитцше. Изд. О. Н. Поповой под редакц. М. Невѣдомскаго. Спб. 234 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Лоджъ, О. Электроны. Перев. В. Филиппова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 121 стр. Ц. 40 к.

Лотаръ, Р. Генрихъ Ибсенъ. Перев. О. Волькенштейнъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. 166 стр. Ц. 60 к.

Луначарскій, А. Очеркъ развитія интернаціонала. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 34 стр. Ц. 10 к.

Марисъ, Н. Капиталь. Т. I. Переводъ под редакц. П. Струве. Изд. 2-ое О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. 546 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Менгеръ, А. Право на полный продуктъ труда. Перев. В. Гефдингъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. 145 стр. Ц. 25 к.

Его же. Новое ученіе о нравственности. Перев. Д. Голиса. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. 92 стр. Ц. 20 к.

Его же. Новое ученіе о государствѣ. Перев. под редакц. Л. Жбанкова. Спб. 1905 г. 320 стр. Ц. 1 р.

Погодинъ, А. Религія Зороастра. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. 146 стр. Ц. 60 к.

Поповъ, П. Въ Америкѣ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. 322 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Потресовъ, А. (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. 313 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Рибо, Т. Логика чувствъ. Перев. Л. Семенюта. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 133 стр. Ц. 40 к.

Сергѣевъ-Ценскій, С. Садъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. 74 стр. Ц. 12 к.

Снадовская-Кютри. Радій. Перев. В. Филиппова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 120 стр. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Г. Автобіографія. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 178 стр. Ц. 40 к.

Тотоміанцъ, В. Профессіональные союзы рабочихъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 18 стр. Ц. 5 к.

Фино, Ж. Философія долговѣчности. Перев. О. Литинскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. 164 стр. Ц. 60 к.

Хеттонъ, Ф. Чтенія объ эволюціи. Перев. М. Александровича. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 77 стр. Ц. 40 к.

Яковлевъ, М. Геологическая исторія. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 92 стр. Ц. 40 к.

ЗОЛОТОЕ РУНО

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и КРИТИЧЕСКИЙ.

(1 годъ изданія).

Въ грозное время мы выступаемъ въ путь. Кругомъ кипитъ бѣшеннымъ водоворотомъ обновляющаяся жизнь. Въ грохотъ борьбы, среди неотложныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ днями, и кровавыхъ отвѣтовъ, что даетъ на нихъ наша русская дѣйствительность, для многихъ вѣчно меркнетъ и отходитъ вдалѣ.

Мы сочувствуемъ всѣмъ, кто работаетъ для обновленія жизни, мы не отрицаемъ ни одной изъ задачъ современности, но мы твердо вѣримъ, что жить безъ красоты нельзя, и вмѣстѣ съ свободными учреждениями надо завоевать для нашихъ потомковъ свободное, яркое, озаренное солнцемъ творчество, влекомое неутолимимымъ исканіемъ, и сохранить для нихъ вѣчныя цѣнности, выкованныя рядами поколѣній. И во имя той же грядущей новой жизни, мы, искатели золотого руна, разворачиваемъ наше знамя:

Искусство—вѣчно, ибо основано на непреходящемъ, на томъ, что отрицать нельзя.

Искусство—едино, ибо единый его источникъ—душа.

Искусство—символично, ибо носить въ себѣ символъ,—отраженіе вѣчнаго во временномъ.

Искусство—свободно, ибо создается свободнымъ творческимъ порывомъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ:

Художественный отдѣлъ: А. Н. Бенуа, Л. Бакстъ, М. А. Врубель, С. Виноградовъ, А. Я. Головинъ, Игорь Грабаръ, Модестъ Дурновъ, М. Добужинскій, Павелъ Кузнецовъ, К. Коровинъ, Е. Кругликова, Е. Лансере, Н. Рерихъ, М. Сабашникова, Н. Сапуновъ, В. Сѣровъ, К. Сомовъ, Н. Теофилактъ, Вл. Фишеръ, Ф. А. Малявинъ, М. В. Нестеровъ и др.

Литературный отдѣлъ: Леонидъ Андреевъ, К. Д. Бальмонтъ, Александръ Блокъ, Андрей Бѣлый, А. Бачинскій, Валерій Брюсовъ, Максъ Волошинъ, Л. Вилькина, А. П. Воротниковъ, З. Гиппиусъ, Осипъ Дымовъ, Борисъ Зайцевъ, Вячеславъ Ивановъ, Сергій Кречетовъ, (С. А. Соколовъ), А. Кондратьевъ, А. Курсинскій, Сергій Маковский, Н. Минскій, Д. С. Мережковский, А. Л. Миропольскій, В. Р. Морфиллъ, Нина Петровская, В. Поповъ, С. Рафаловичъ, Алексѣй Ремизовъ, Федоръ Сологубъ, К. Сюннербергъ, Н. Тароватый, В. Ходасевичъ, А. Шервашидзе, Н. Ярковъ, Д. Философовъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, съ января 1906 г. съ беллетристическимъ отдѣломъ, въ одномъ изданіи параллельно на двухъ языкахъ (русскомъ и французскомъ) въ форматѣ большихъ художественныхъ изданій, съ рисунками, иллюстраціями, цвѣтными приложеніями, оригинальными заставками, виньетками и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Для Россіи.

За 1 годъ 15 р. — к.

За 1/2 года 7 " 50 "

Отдѣльные №№—по 1 руб. 70 коп., за границу— 6 руб.

Объявл. за 1 стр.—100 р.; 1/2 стр.—50 р.; 1/4 стр.—25 р.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА:

Въ редакціи журнала—Москва, Новинскій бульваръ, д. Рогожина, 11—4 ч. и въ крупнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ и комиссіонныхъ агентствахъ.

Личныя объясненія по дѣламъ журнала по четвергамъ 2—4 ч.

Редакторъ-Издатель Николай Рябушинскій.

Со 2-го апрѣля въ г. Кіевѣ выходитъ новая большая ежедневн. газета

„НАРОДЪ“.

Газета издается при редакціонномъ участіи и постоянномъ сотрудничествѣ проф. С. Н. Булгакова и А. С. Волжскаго.

„НАРОДЪ“—органъ не только кievскій, мѣстный и областной, но прежде всего всероссійскій. Пора пойти противъ исторически укоренившагося тяготивна общей печати къ столицамъ. **„НАРОДЪ“** ставитъ своей задачей всенародную религіозно-общественную проповѣдь. Исходя изъ идеаловъ вселенскаго христіанства и, вмѣстѣ съ Влад. Соловьевымъ, полагая, что христіанская правда должна проникать не только личную жизнь, но и область общественныхъ отношеній, мы будемъ отстаивать народную свободу, раскрывать неправду капиталистической эксплуатаціи и современныхъ земельныхъ отношеній, а также настоячиво бороться противъ національной вражды. Мы добиваемся преодоленія недолжнаго отдѣленія религіи отъ жизни, унаслѣдованнаго нами изъ предыдущей исторической эпохи, когда сложилась внѣрелигіозная и духовно-мертвая общественность, а ей противопоставилась лжехристіанская проповѣдь чловѣконенавистничества тупой реакціи и насилія. Считаая очередной задачей нашего времени созданіе христіанской общественности, мы стремимся не только къ литературному раскрытію ея идеаловъ, но и къ творческой реализаціи ихъ въ жизни. Поэтому мы открываемъ свой органъ для обсужденія нуждъ начинающагося религіозно-общественнаго движенія. Наканунѣ возстановленія истинной, соборной церковности, **„НАРОДЪ“** будетъ пристально слѣдить за развитіемъ церковно-освободительнаго движенія и, въ частности, удѣлять особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ предстоящимъ церковнымъ соборомъ. Христіанское возрожденіе требуетъ не только внѣшней реформы церкви, но и углубленія и проясненія религіозно-философскаго сознанія, религіознаго освѣщенія запросовъ и нуждъ современной культуры. Въ виду этого, насколько позволятъ рамки ежедневной газеты, мы будемъ отводить мѣсто также и общимъ вопросамъ религіи, философіи, литературы и искусства.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Свящ. К. М. Аггеевъ (С.П.Б.), С. А. Аскольдовъ, проф. Г. Е. Афанасьевъ, свящ. И. В. Артоболевскій (Москва), профессоръ прот. Н. И. Боголюбскій (Москва), свящ. А. И. Бородинъ (Москва), Е. И. Булгакова, Н. А. Бердяевъ, С. М. Брейтбартъ, И. И. Вернеръ, А. Л. Волинскій, проф. М. И. Громогласовъ, М. О. Гершензонъ, проф. С. С. Глаголевъ, Д. Д. Галанинъ, К. Е. Дукштъ, проф. А. П. Дьяконовъ, свящ. И. О. Егоровъ (С.П.Б.), А. В. Ельчаниновъ, В. В. Зеньковский, А. А. Иноземцева, Вяч. И. Ивановъ, Н. Н. Кулженко, проф. А. В. Карташевъ, С. А. Котларевскій, свящ. В. Я. Колачевъ, (С.П.Б.), проф. П. П. Кудрявцевъ, свящ. Е. З. Капрадовъ (Кіевъ), В. Н. Лашинковъ, прот. В. Липковский (Кіевъ), проф. Н. О. Лосскій, З. Львовскій, Н. Н. Львовъ, Д. С. Мережковский, проф. арх. Михайлъ, Мировичъ, М. М. Могилянскій, В. А. Никольскій, А. Ф. Одарченко, А. А. Павловичъ, проф. А. Е. Прісняковъ, свящ. А. М. Пятикрестовскій (Москва), А. С. Пругавинъ, свящ. П. П. Постѣловъ (Москва), свящ. О. И. Постѣловскій (Кіевъ), Г. А. Рачинскій, проф. В. П. Рыбинскій, К. И. Ровинскій, В. П. Свенцицкій, Д. В. Страндентъ, проф. кн. Е. Н. Трубецкой, кн. Г. Н. Трубецкой, проф. П. В. Тихоміровъ, проф. В. В. Успенскій, свящ. И. Н. Успенскій (Москва), Д. В. Философовъ, П. А. Флоренскій, свящ. М. П. Чельцовъ (С.П.Б.), прив.-доц. И. П. Четвериковъ, проф. Г. И. Челпановъ, Г. Г. Шпетъ, В. Ф. Эрзъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, свящ. С. Я. Оекко (С.П.Б.). **Въ беллетристическомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:** М. П. Арцыбашевъ, Allegro (П. С. Соловьева), А. А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Н. Данаровъ, В. К. Зайцевъ, Л. Д. Зиновьева-Анibalъ, Вяч. И. Ивановъ, Е. Г. Лундбергъ, Миря, И. А. Новиковъ, А. М. Ремизовъ, О. Соллогубъ, С. Сергѣевъ-Пенскій, Г. И. Чулковъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 9 м.—6 р. 80 к., 8 м.—6 р. 10 к., 7 м.—5 р. 50 к., 6 м.—4 р. 80 к., 5 м.—4 р. 10 к., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 70 к., 2 м.—1 р. 80 к., 1 м.—1 р.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО № 5 коп.

Редакторъ В. Н. Лашинковъ.

Издатель В. И. Виноуровъ.

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., 2 л., д. 13

(„Литературная Книжная Лавка“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Книги, вышедшія въ 1904-5 гг., указаны —

Собственные изданія

I. Историческій отдѣлъ.

Батюшковъ, Ѳ. Д.

В. Г. Короленко, какъ человекъ и писатель, по его произведеніямъ.

Съ портретами и иллюстраціями (№ 13) [печатается].

Богучарскій, В.

— Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. 2 р. (№ 4).

Бороздинъ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к. (№ 1).

Содержаніе: Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія. — Литературныя и общественныя взгляды Карамзина. — Романтизмъ. — Поэзія В. А. Жуковскаго. — Крыловъ и Грибоѣдовъ. — Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина. — А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. — Поэтъ „гражданской скорби“ двадцатыхъ годовъ. — Критическія обзорія А. А. Бестужева. — Журналистъ двадцатыхъ годовъ. — Поэзія М. Ю. Лермонтова. — Развитие взглядовъ Гоголя на творчество. — Дельвигъ, Языковъ и Варатынскій. — Трудъ В. И. Семевского по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи.

— Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ II. Съ 18 портретами (№ 1).

Вып. I. Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики. — Александръ Ивановичъ Герценъ и крестьянскій вопросъ. — Тимоѣей Николаевичъ Грановскій. — К. Д. Кавелинъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу. — Семья Аксаковыхъ. — И. С. Аксаковъ и петербургскіе студенты восьмидесятыхъ годовъ. — Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. — Взгляды А. С. Хомякова на отношеніе Россіи къ Западу. — Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и освобожденіе крестьянъ. — Славянофилъ особаго типа.

Вып. II. Съ 5 портретами.

Содержаніе: И. С. Тургеневъ. — Д. В. Григоровичъ. — Поэзія Н. А. Некрасова. — Гр. А. К. Толстой. — Ѳ. И. Тютчевъ. —

Я. П. Полонский.—А. Н. Майковъ.—А. А. Фетъ.—И. А. Гончаровъ.—А. Θ. Писемский.—А. Н. Островскій [печатається].
Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ III. Съ 15 портретами (№ 1).

Содержаніе: Θ. М. Достоевскій.—Гр. Л. Н. Толстой и русскій историческій романъ.—Дѣти въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.—Отраженіе общественныхъ настроеній въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.—Н. С. Лѣсковъ.—Отъ шестидесятихъ годовъ къ восьмидесятымъ.—Г. И. Успенскій.—П. Д. Боборыкинъ.—В. И. Немировичъ-Данченко.—В. Е. Короленко.—И. Н. Потапенко.—А. П. Чеховъ.—Максимъ Горькій.—В. Вересаевъ.—Леонидъ Андреевъ.—А. Н. Апухтинъ.—Д. С. Мережковский.—Н. М. Минскій.—П. Я.—Бальмонтъ.—Фофановъ.—Вл. С. Соловьевъ.—Интересъ къ этикѣ въ русскоѣ философіи [печатається].

Брюкнеръ, А.

Исторія польской литературы. Переводъ С. Штернъ (№ 18) [печатається].

Буркгартъ, Яковъ.

Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Перев. съ нѣм. С. *Бриллианта*, съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Въ 2 тт. (№ 7) [печатається].

Вандаль, Альбертъ.

Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III года. Переводъ съ XI-го фр. изд. З. Н. *Журавской*. Спб. 1905 г. 2 р. (№ 16).

Каутскій, Карлъ.

Томасъ Моръ и его утопія. Переводъ съ нѣм. М. А. и А. Г. *Генкель*. Спб. 1905 г. 1 р. 25 к. (№ 14).

Лемке, Мих.

Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портретами и 81 каррикатурою. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 2).

Содержаніе: Эпоха обличительнаго жара.—Эпоха цензурнаго террора.—Русское Bureau de la presse.—Θаддей Булгаринъ.

— Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 5 портретами. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 3).

Милуковъ, П.

— Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 2-е изданіе. Спб. 1905 г. 3 р. 50 к. (№ 5).

Никитенко, А. В.

— Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ“. Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное по рукописи, подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ М. К. Лемке. Въ двухъ томахъ. Спб. 1905 г. II. за оба тома 7 р. (№ 12).

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка.

(№ 11). Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П.

Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и материалы)
Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ;
съ 3 геліогравирами. Спб. 1905 г. 5 р.

Пименова, Э.

Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Съ 10 портретами. Спб. 1904 г. 2 р. (№ 6).

Содержаніе: Биконсфильдъ. — Чамберленъ. — Сесиль Родсъ. — Гладстонъ. — Джонъ Морлей. — Розберри. — Парнелль. — Джонъ Редмондъ. — Лабушеръ. — Джонъ Бёрнсъ.

Рожковъ, Н., приватъ-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель Практической Академіи коммерческихъ наукъ.

Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904 г. 1 р. 10 к. (№ 15).

Тэнъ, И.

Происхожденіе современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Т. II. Новый порядокъ. Перев. съ франц. Э. Пименовой (№ 10) [печатается].

Файфъ, Ч.

Исторія Европы XIX вѣка. Перев. со второго англійскаго изданія М. В. Луцкиной подъ редакціей проф. И. В. Луцкаго. Одобрена для ученическихъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній (1-е дополненіе каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведеній 1897 г., № 496). Съ 2-мя раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 2-ое (Спб. 1904 г. 5 р. 50 к. (№ 8).

Фельдманъ, В.

Современная польская литература. Переводъ С. Штернъ (№ 19) [печатается].

Франке, Куно.

Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портретами. Переводъ съ англ. П. Ватина. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 9).

Эндрузъ, Веньяминъ.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 гг. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго Е. А. Гурвичъ Спб. 1905 г. 2 р. 50 к. (№ 17).

И. Изящная литература, исторія, критика и публицистика.

Бѣлозерскій, Н. (Ив. Порошинъ).

Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905 г. 75 к.

Мельхиоръ-де-Вогюзъ.

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. Б. Ф. Спб. 1902 г. 25 к.

Горинъ, Н.

Основные идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. 30 к.

Гуревичъ, Л.

— „Сѣдонъ“ и другіе разказы. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сѣдокъ. — У руетки. — Порученіе. — Шурочка. — Странная исторія. — Тоска. — Ребенокъ. — Разсѣянность. — Въ свѣтѣ. — Неоконченное письмо.

Захаринъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія“. Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ. — Поѣздка къ Шамилю въ Калугу. — Виновики польскаго возстанія 1863 года. — Эпизоды изъ времени этого возстанія. — Памяти В. В. Чуйко. — У графа Л. Н. Толстого. — Генераль Шамиль и его разказы объ отцѣ. — Русскій театръ—прежде и теперь. — Памятная ночь подъ Рождество. — Сназна о Митяяхъ.

Лемке, Мих.

Думы журналиста. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Мережковскій, Д. С.

— Грядущій Хамъ. Спб. 1906 г. 1 р.

Содержаніе: 1) Грядущій Хамъ.—2) Чеховъ и Горькій.—3) Теперь или никогда. — 4) Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—5) Св. Софія.—6) О новомъ религіозномъ дѣйствіи.

— Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

— Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. 2 р. — Т. II. Спб. 1903 г. 3 р.

— Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Микель-Анжело. — Святой Сатиръ.

— Петръ и Алексѣй. Историческій романъ. Спб. 1905 г. 3 р.

Морсье, де-, А.

— Права женщины. Вопросы социальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. Эльтъ. Спб. 1904 г. 50 к.

Перцовъ, П.

— Венеція. Съ 25 снимками съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Спб. 1905 г. 1 р.

Розановъ, В.

— Около церковныхъ стѣнъ. Въ двухъ томахъ. Томъ первый. Спб. 1906 г. 2 р.

Якимовъ, Василій, авторъ книги „По слѣдамъ голода“.

— Безъ хлѣба насущнаго. Разказы. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Неизбѣжный процентъ. — Въ одинъ сочельникъ. — Безъ хлѣба насущнаго. — Мамку помянулъ. — Въ стогъ. — Долгъ. — „Желѣзная голова“. — Иуда. — Трупъ. — Идолы. — Съ больной совѣстью. — „Артисты“. — „Скуки ради“. — Въ лѣтопись голоднаго года. (На заброшенномъ хуторѣ. — Съгорѣвшимъ хлѣбомъ. — Антихрестова помощь. — Безпокойное сердце. — Двѣ нивы. — Въ дорогѣ).

Изданія, прибрѣтенныя полностью:

Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеждинъ).

Очерки французской общественности. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: I. Журнализмъ и журналисты. — II. Рабочіе союзы. — III. Армія просвѣщенія. — IV. Демократизація науки. — V. Заботы о будущемъ человѣчества.

Литературное дѣло.

Сборникъ. Спб. 1902 г. 2 р. 25 к.

Содержаніе: Евг. Чиринъ. На дворѣ во флигелѣ. *Бытовые картины*, поставленныя на московскихъ и петербургскихъ театрахъ. — Скиталецъ. Пѣсни скитальца. *Стихотворенія*. — Евг. Тарле. Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи. — Танъ. На красномъ камнѣ. *Повѣсть*. — А. М. Вербовъ *Стихотворенія*. — В. Богучарскій. Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ. — В. Вересаевъ. На эстрадѣ. *Эскизъ*. — С. Булгаковъ. Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. *Параллели*. — А. Луцьяновъ. *Стихотворенія*. — В. І. Дмитріева. Волки. *Разсказъ*. — Николай Бердяевъ. Къ философіи трагедіи. *Морисъ Метерлинкъ*. — Вас. Брусянинъ. Пѣвучая гитара. *Разсказъ*. — Галина. *Стихотворенія*. — Скиталецъ. Атаманъ. *Разсказъ*. — З. Н. Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ. — Танъ. *Стихотворенія*. — Иванъ Новиковъ. *Два очерка:* 1) Къ жизни, 2) Ландыши. — Иванъ Странникъ. Изъ настроеній современной французской литературы. — Вл. Муриновъ. *Разсказъ*. — Проф. Евг. Амичковъ. Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ.

Пельтанъ, Камиллъ, депутатъ.

Исторія Франціи отъ 1815 года до нашихъ дней. Иллюстрировано 7 рис. и 78 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Якимовъ, Василій.

По слѣдамъ голода. (Изъ воспоминаній). Спб. 1903 г. 1 р.

Содержаніе: I. Начало конца. — II. „Магазинъ разобрали“. — III. „Свое средство“. — IV. Около дыни. — V. Въ голодающей деревнѣ. — VI. На описи голодающихъ. — VII. Предѣлъ скорби. — VIII. Въ кусочки. — IX. Воръ. — X. Поджогъ. — XI. Маленькіе страдальцы. — XII. „Лѣвтяй мужикъ“. — XIII. „Свиной кормъ“. — XIV. На гужевой перевозкѣ. — XV. На конскомъ участкѣ. — XVI. За казенными лошадьми. — XVII. „Тоже нуждающіеся“. — XVIII. Хорошіе люди. — XIX. Хорошіе люди. — Самоотверженные. — XX. Хорошіе люди. — Первые впечатлѣнія. — XXI. Хорошіе люди. — „Изъ своихъ достатковъ“. — XXII. Хорошіе люди. — „Волонтеры голода“. — XXIII. Хорошіе люди. — О. Фіалковскій. — XXIV. Хорошіе люди. — Въ хлѣбномъ амбарѣ. — XXV. Хорошіе люди. — Когда мѣчъ не было стыдно. — XXVI. Хорошіе люди. — Двое яслей. — XXVII. Хорошіе люди. — Парадоксъ. — XXVIII. Равнодушные. — XXIX. „Акротаты слаботворительности“. — XXX. Безпокойные. — Безпокойный земецъ. — XXXI. Безпокойные. — Докторъ Терапонтовъ. — XXXII. Безпокойные. — „Скоропадець“. — XXXIII. Безпокойные. — „Корреспонденты и туристы“. — XXXIV. Приспособившіеся. — Около гододнаго каравая. — XXXV. Приспособившіеся.

Ревнитель народной нужды. XXXVI. Приспособившіеся. — Паразиты. — XXXVII. Приспособившіеся. — На всѣ руки. — XXXVIII. Заключение.

III. Философія.

Джемсъ, Уилльямъ.

— Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Перев. съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Зависимость вѣры отъ воли. — Стоитъ-ли жить? — Чувство рациональности. — Рефлекторные акты и теизмъ. — Детерминизмъ и связанная съ нимъ дилемма. — Философъ-моралистъ и моральная жизнь. — Великіе люди и среда. — Значеніе индивидуумовъ. — О нѣкоторыхъ гегелизмахъ. — Труды Общества для Психическихъ Изысканій.

Жаковъ, К.

— Теорія перемѣннаго и предѣла въ гносеологін и въ исторіи познания. Спб. 1904 г. 1 р.

Минскій, Н. М.

— Религія будущаго. (Философскіе разговоры). Спб. 1905 г. 2 р.

Юмъ, Давидъ.

Исслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. (An Inquiry concerning human understanding) Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

IV. Математическія науки.

Бертранъ, Жозефъ.

Алгебра, въ переводѣ М. В. Пирожкова.

Часть I. Спб. 1899 г. 3 р.

Часть II. (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. 2 р.

Содержаніе: Глава I. Дополненіе къ элементарной алгебрѣ (ряды, сочетанія и биномъ Ньютона; о логарифмахъ; повѣрка алгебраическихъ формулъ; методъ неопредѣленныхъ коэффициентовъ). — Глава II. Теорія производныхъ (производныя отъ явныхъ функций съ одною перемѣнною; изученіе функций при помощи производныхъ; ряды для вычисленія логарифмовъ и $\log \pi$). — Глава III. Общая теорія уравненій (основные принципы численныхъ уравненій какой угодно степени; теорема Декарта; теорема Ролля; теорія равныхъ корней; соизмѣримые корни; теорема Штурма). — Глава IV. Конечныя разности (обозначенія и основныя формулы; интерполированіе; рѣшеніе численныхъ уравненій; рѣшеніе трансцендентныхъ уравненій). — Приложение (разложеніе рациональныхъ дробей на простѣйшія; мнимыя выраженія. рѣшеніе уравненій 3-ей степени; рѣшеніе системы двухъ уравненій 2-й степени съ двумя неизвѣстными; нѣкоторыя замѣчательныя преобразованія; о рѣшеніи уравненій первой степени; непрерывныя дроби; методъ исключенія Безу и Эйлера).

Одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. и для ученич. библиотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Арифметика, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. 2 р.

Дифференціальное исчисленіе. Съ портретомъ автора. Переводъ М. В. Пирожкова, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій. In 4. Спб. 1905 г. 10 р.

Пирожковъ, М. В.

Арифметика ирраціональныхъ чиселъ. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Дополнительныя статьи по Алгебрѣ. Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій. Пособіе для готовящихся въ высшія технич. учебныя заведенія. Спб. 1900 г. 75 к.

Содержаніе: Теорія соединеній, биномъ Ньютона, непрывныя дроби, неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, несоизмѣримыя (ирраціональныя) числа, задачи.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Сборникъ задачъ для вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Пособіе для гг. экзаменаторовъ. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к.

Серре (J.-A.).

Арифметика, въ перев. М. В. Пирожкова [печатается].

Дополненіе къ теоріи круговыхъ функцій, въ переводѣ М. В. Пирожкова. 50 к. [печатается].

Прямолинейная тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 60 к.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для средн. учебныхъ завед. Министерства.

Сферическая тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 40 к.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

V. Учебники.

Бороздинъ, А. К.

Изъ лекцій по теоріи словесности. Спб. 1906 г. 1 р. 25 к. (печатается).

Weyert, J. (Вейертъ, И.).

Deutsches Lesebuch für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I—VI. Preis des Heftes von 8—10 Druckbogen

35 Кор. 1902—1904 гг.—Итмоцкая книга для чтенія для старших классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I—VI. Спб. Ц. каждой части 35 к. Часть I. Статьи по исторіи.—Часть II. Статьи по естествознанію.—Часть III. Статьи по этнографіи и географіи.—Часть IV. Статьи по біографіи.—Часть V. Статьи смѣшаннаго содержанія.—Часть VI. Разказы.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ учебныя, старшаго возраста, бібліотеки.

Учебнымъ Отдѣломъ Мин. Финансовъ I-я часть одобрена, какъ классное руководство для коммерческихъ учебныхъ заведеній, а II-я часть *рекомендована* для приобрѣтенія въ учебн. бібліотеки и для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшихъ классовъ тѣхъ же учебн. заведеній.

VI. Дѣтскія книги.

Беллежъ, Л.

— № 5. Мѣсть одного изъ де-Готенеровъ. Иллюстраціи де-Монтардъ. Переводъ Е. А. Пелль. Спб. 1905 г. 1 р. 50 к.

Галина, Г.

— № 1. Сахарный принцъ и пряничная принцесса. Сказка для маленькихъ дѣтей. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к. Роскошно-иллюстрированное изданіе.

— № 2. Сказки. Спб. 1904 г. 2 р. 25 к. Роскошно-иллюстрированное изданіе.

Содержаніе: Кто онъ? — Вербный чертикъ. — Красное яичко. — Какъ фея познакомилась съ человѣкомъ. — Розовыя очки. — Упавшая звѣздочка. — Иванушка — золотое сердце. — Какъ лягушеночекъ путешествовать. — Исторія одного блина. — Снѣжный человѣкъ. — Лева и Милка. — Васькина елка. — Три естры. — Злая рѣдка. — Каменная баба. Голубой огонекъ.

М-ме Ле-Руа, Фердинандъ.

— № 4. Сынъ адмирала. Перев. съ французскаго Е. А. Пелль. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Мало, Гекторъ.

— № 3. Приключенія Ромена Кальбри. Перев. съ франц. Е. И. Борхсеніусъ. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

„Исторія Ромена Кальбри хорошо рассказана и хорошо переведена—не только вполне добросовѣстно, но и съ художественнымъ вкусомъ“. („Новое Время“, 5 мая 1904 г.)

Изданія, приобрѣтенныя полностью:

Позняковъ, Н. И.

Разказы (Для школъ и народа).

1) Въсѣль. — Суета. Спб. 1902 г. 5 к.	5) Незнакомецъ. Спб. 1902 г. 5 к.
2) Двѣ милостыни. Спб. 1902 г. 5 к.	6) Первый визитъ. Спб. 1902 г. 5 к.
3) Заломъ. Спб. 1902 г. 5 к.	7) Переполохъ. Спб. 1902 г. 5 к.
4) На бѣдность. Спб. 1902 г. 5 к.	8) Револьверъ. Спб. 1902 г. 5 к.

Допущены Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ бесплатн. народн. читальни и бібліотеки.

1. Изящная литература, исторія, критика и публицистика.

Андреевичъ.

Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ. Спб. 1906 г. 1 р. 50 к.

Андреевскій, С. А.

Литературные очерки (3-е дополненное изданіе „Литературныхъ чтеній“). Спб. 1902 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Повесть Варатынского. — Братья Карамазовы. — Всеволодъ Гаршинъ. — О Некрасовѣ. — Лермонтовъ. — Изъ мыслей о Львѣ Толстомъ. — Тургеневъ. — Городъ Тургенева. — Гюи Де-Мопассанъ. — Книга Башкирцевой. — Къ столѣтію Грибоедова. — Вырожденіе риемы. — Театръ молодого вѣка.

Борхсеніусъ, Е. И.

Представители реального романа во Франціи въ XVII-мъ столѣтіи. Спб. 1889 г. 60 к.

Бѣлозерскій, С. врачъ.

Вересаевъ передъ судомъ московскоѣ науки. Спб. 1904 г. 25 к.

Ватсонъ, М.

Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. 2-ое испр. и доп. изд. Итальянская бібліотекa № 1. Спб. 1903 г. 50 к.

Джозуэ Нардуччи. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Итальянская бібліотекa № 2. Спб. 1899 г. 50 к.

Джузеппе Джустини. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Итальянская бібліотекa № 3. Спб. 1900 г. 50 к.

Александро Манцони. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Итальянская бібліотекa № 4. Спб. 1902 г. 50 к.

Ватсонъ, Э. К.

Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ (съ портретомъ и біографіей автора). Спб. 1892 г. 2 р.

Содержаніе: Памяти Э. К. Ватсона. — Прусское правительство и прусская конституція. — Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи. — Рабочіе классы въ Англіи и манчестерская школа. — Что такое великіе люди въ исторіи? — Авраамъ Линкольнъ. — Стачки рабочихъ во Франціи и въ Англіи. — Огюсть Контъ и позитивная философія. — Жизнь Дж. Стюарта Милля.

Велжскій.

Изъ міра литературныхъ иснаній Сборникъ статей. Спб. 1906 г. 1 р.

Воскресенскій, А. Е.

Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Опытъ разрѣшенія аграрнаго вопроса Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Галина, Г.

Стихотворенія. Спб. 1902 г. 1 р.

Гиппиусъ, З. (Мережковская).

Новые люди. Первая книга рассказовъ. Спб. 1896 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Яблони цвѣтутъ.—Ближе къ природѣ.—Богиня.—Простая жизнь.—Голубое небо.—Смирненіе.—Стихотворенія.—Местъ.—Легенда.—Цыганка.—Время.—Совѣсть.—Одинокой.—Миссъ Май.

Зеркала. Вторая книга рассказовъ. Спб. 1898 г. р. 50 к.

Содержаніе: Зеркала.—Вѣдьма.—Живые и мертвые.—Родина.—Утро дней.—Луна.—Стихотворенія.—Златоцвѣтъ.

Третья книга рассказовъ. Спб. 1902 г. 2 р.

Содержаніе: Сумерки духа.—Кабанъ.—Комета.—Слишкомъ ранніе.—Святая плоть.—Святая кровь.

Гольдштейнъ, І. М., доцентъ Цюрихскаго Университета.

——— Статистика и ея значеніе для современнаго общества. Спб. 1904 г. 25 к.

Государственная Дума.

Узаконенія 3 августа 1905 г.: Высочайшій Манифестъ.—Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.—Учрежденіе Государственной Думы.—Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Изданіе Государственной Типографіи. Спб. 1905 г. 60 к.

Гривскій, И.

——— Записки рабочаго. Спб. 1904 г. 80 к.

Ефименко, Александра, членъ Имп. Русскаго Географическаго Московскаго Психологическаго, Харьковскаго Историко-Филологическаго, Кіевскаго Юридическаго Общества и почетнаго члена Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи.

——— Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изд. Общества имени Т. Г. Шевченка для вспоможенія нуждающимся Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, въ пользу фонда для устройства общаго житія и столовой.

Томъ І. Спб. 1905 г. 2 р.

Содержаніе: Очерки исторіи правобережной Украины.—Малорусское дворянство и его судьба.—Южнорусскія брачества.—Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ.—Народныя суды въ Западной Руси.—Дворянское землевладѣніе въ Южной Руси.—Арханцескія формы землевладѣнія у Германцевъ и Славянъ.—Литовско-русскіе данники и ихъ дани.

Томъ ІІ. Спб. 1905 г. 2 р.

Содержаніе: Вѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII в.—Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками.—Дѣвѣнадцатъ пунктовъ Вельяминова.—Турбаевская катя строфа.—Архіерейскій подарокъ.—Два намѣстника.—Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ.—Малорусскій языкъ въ народной школѣ.—Философъ изъ народа.—Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя.—Национализмъ по В. Соловьеву.—По поводу украинофильства.—Литературныя силы провинціи.—Котляревскій въ исторической обстановкѣ.—Памяти Тараса Григорьевича Шевченка.—Украинскій элементъ въ творчествѣ Гоголя.

— Какъ надѣлать крестьянъ землю?

Аграрная программа партіи „Свободомыслящихъ“ въ связи съ критикой агр. программъ другихъ партій. Спб. 1905 г. 5 к.

Канадѣвъ, И. Н.

Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902 г. 2 р.

Карабчевскій, Н. П.

— Дѣло бывшего студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве, и рѣчь въ защиту Сазонова. Спб. 1906 г. 25 к. При покупкѣ книги „Рѣчи“—бесплатно.

— Дѣло генерала Ковалева и рѣчь въ защиту интересовъ д-ра Забусова. Спб. 1905 г. 25 к. При покупкѣ книги „Рѣчи“ — бесплатно.

Приподнятая завѣса (проза и стихи). Спб. 1905 г. 1 р. 50 к.

— Рѣчи. 1882 — 1902. Изданіе второе, дополненное пятью рѣчами. Спб. 1902 г. 3 р. 50 к.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В., преподаватель исторіи всемирной торговли.

Женское движеніе въ Россіи и заграничѣ. Спб. 1902 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Введеніе.—Древній міръ.—Историческое развитіе женскаго движенія.—Америка.—Женское движеніе въ Англіи.—Скандинавскія женщины.—Германія.—Франція.—Италія.—Бельгія.—Женское движеніе въ Румыніи.—Женское движеніе въ Болгаріи.—Къ характеристикѣ положенія женщины въ Испаніи.—Швейцарія.—Австро-Венгрія.—Новая Зеландія и Южная Австралія.—Женское движеніе на Востоках.—Женское дѣло въ Россіи.

— Кооперативные идеалы. Публичная лекція. Спб. 1905 г. 25 к.

— Къ свободѣ... Этюдъ по женскому вопросу. Спб. 1905 г. 15 коп.

— Мировой рынокъ... Публичная лекція. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 25 коп.

— Политическій строй Англіи, Германіи, Австро-Венгрии, Италіи, Франціи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи, Финляндіи, Нидерландовъ, Бельгіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Сѣв.-Ам. Штатовъ, Японіи. (Приложеніе: взаимоотношеніе палатъ, бюджетное право, личная свобода, политическіе выборы и выборное право). Спб. 1905 г. 30 к.

Потребленіе вина въ монопольныхъ губерніяхъ въ 1902 г. Спб. 1904 г. 1 р.

— Современное значеніе коммерческаго образованія. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ празднованіи 7-й годовщины Частныхъ С.-Петербургскихъ Счетоводныхъ Курсовъ, учрежденныхъ М. В. Побѣдинскимъ. Спб. 1905 г. 15 к.

— Этюды. Спб. 1904 г. 1 р.

Содержаніе: Женское „дѣло“. — „Туманъ“ и женщины. — Общественный недугъ. — Жилища бѣдноты. — Вырожденіе

Франції.—Кооперативное движеніе.—„Бродячая Русь“.—Мелкое землевладѣніе и прогрессъ. — 1902-й годъ въ Россіи. — Общество и его агенты. — Страданіе, какъ двигатель прогресса.—Мировое торжище.

Кочубей, М. Н. 5 театральныхъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ.
1883—1900. Кіевъ, 1904 г. 1 р. 50 к.

Кузнецовъ, Н. И. Секретарь Воронежской Губернской Земской Управы.

Систематическій сводъ указовъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Изданіе неофіціальное.

Томъ I. 1866—1900 г.г. Спб. 1902 г. 4 р.

Томъ II. 1899—1903 г.г. Воронежъ, 1903 г. 2 р. 50 к.

Лемке, Мих.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины (1894 $\frac{7}{VI}$ 1904). Съ 8 иллюстраціями и съ введеніемъ И. И. Попова. Изд. редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе“. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Листъ, Францъ, проф.

Преступленіе, какъ соціально-патологическое явленіе. Спб. 1904 г. 20 к.

Любовичъ, Н. Н., проф. Люблинскіе вольнодумцы XVI в. Антитринитаріи и анабаптисты. Варшава, 1902 г. 35 к.

Статистическій методъ съ приложеніемъ къ исторіи. Варшава, 1901 г. 25 к.

Мережковский, Д. С.

Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1897 г. 2 р.

Содержаніе: Акрополь.—Дафнисъ и Хлоя.—Маркъ Аврелій.—Плиній Младшій.—Кальдеронъ.—Сервантесъ.—Монтань.—Флоберъ.—Ибсенъ.—Достоевскій.—Гончаровъ.—Майковъ.—Пушкинъ.

Метерлинкъ, М.

Жизнь пчелъ. Пер. съ фр. К. М. Зиновьевой и Э. В. Яковлевой. Спб. 1902 г. 80 к.

М. М. Критическіе наброски. Содержаніе: I. „Потонувшій колоколъ“, сказка-драма Г. Гауптмана. — II. Поэзія Ш. Водлера. Спб. 1898 г. 25 к.

Поэзія Надсона. Спб. 1897 г. 15 к.

Реабилитация Пушкина.—II. Нѣсколько словъ о Гауптманѣ. Спб. 1901 г. 25 коп.

Стихотворенія. Спб. 1897 г. 40 к.

Три стихотворенія въ прозѣ. Спб. 1895 г. 15 к.

Могилянскій, Мих.

Миражъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. (Къ представленію дозволено. Спб. 4 мая 1902 г.). Спб. 1902 г. 50 к.

Моръ, Томасъ.

Утопіи. Перевелъ съ латинскаго А. Г. Генкель при участіи

Н. А. Макшеевой. Съ биограф. очеркомъ Т. Мора, состав.
Н. А. Макшеевой. (Съ портретомъ Т. Мора). 2-ое исправл.
и дополн. изд. Спб. 1905 г. 76 к.

Надсонъ, С. Я.

Литературные очерки (1883—1886). Съ портретомъ автора. 2-е изд.
Спб. 1887 г. 1 р.

Ободовскій, К. П.

Три бестды: I) О любви, II) Въ чемъ состоитъ счастье, III) О будущности міра. Спб. 1903 г. 30 к.

Палеологъ, А.

Кнутъ (La gnavache). Переводъ съ французскаго. Тифлисъ,
1893 г. 20 к.

Папприцъ, А.

Общественныя и экономическія причины проституціи. Переводъ
съ нѣм. М. В. Кечеджи-Шаповалова, съ его предисловіемъ и
примѣчаніями. Спб. 1904 г. 25 к.

Перетцъ, В. Н.

Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи
развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902 г. 3 р. Томъ I.
и II распроданы.

Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв. Спб. 1899 г.
1 р. 60 к.

Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника.
Спб. 1899 г. 1 р. 30 к. — Къ исторіи Лунника. Спб. 1901 г.
1 р. 50 к.

Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903 г. 3 р. 50 к.

Перцовъ, П. П.

Первый сборникъ. Спб. 1902 г. 1 р.

Содержаніе: Славянофильство. — Литература и театр. —
Путевые очерки.

Философскія теченія русской поэзіи. Избранныя стихотворенія и критическія статьи С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева. Спб. 1896 г. 2 р.

Содержаніе: А. С. Пушкинъ.—Е. А. Баратынскій.—А. В. Кольцовъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—В. П. Огаревъ.—Ф. И. Тютчевъ.—Гр. А. К. Толстой.—А. А. Фетъ.—Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ.—А. Н. Апухтинъ.—Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Перцовы, П. и В.

Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. 1 р.

Петрункевичъ, А. М.

Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Спб. 1899 г. 1 р. 50 к.

Протопоповъ, С. В., протоіерей и настоятель православныхъ церквей въ Висбаденѣ, Эмсѣ и Дармштадтѣ.

О художественномъ элементѣ въ православномъ церковномъ пѣніи. (Къ свѣдѣнію композиторовъ духовной музыки и въ руководство истиннымъ любителямъ богослужебнаго пѣнія). Мысли, наблюденія и историческія справки. 2-ое дополн. изд. Спб. 1905 г. 80 к.

Ратгенъ, К., проф.

Возрожденіе Японіи. Переводъ съ нѣм. Н. Н. Е. Спб. 1903 г. 20 к.

Розановъ, В. В.

Литературные очерки. Спб. 1899 г. 1 р.

Содержаніе: Старое и новое. — Литературная личность Н. Н. Страхова. — Три момента въ развитіи русской критики. — Позднія фазы славянофильства: 1) Н. Я. Данилевскій и 2) К. Н. Леонтьевъ. — Катковъ, какъ „государственный человекъ“. — Литературно-общественный кризисъ. — „Вѣчно-печальная дуэль“ (М. Ю. Лермонтовъ). — 50 лѣтъ вліянія (юбилей В. Г. Бѣлинскаго). — Съ юга. — Забѣтки о Польшѣ. — О писателяхъ и писательствѣ (забѣтки и наброски). — Памяти усопшихъ: 1) О. И. Каблицы (Юзова), 2) Ю. Н. Говорухи-Отрока, 3) Н. Н. Страхова, 4) Ф. Э. Шперка, 5) Я. П. Полонскаго.

Природа и исторія. Сборникъ статей. Спб. 1900 г. 1 р.

Содержаніе: Вопросъ о происхожденіи организмовъ. — Теорія Чарльза Дарвина, объясняемая изъ личности ея автора. — Красота въ природѣ и ея смыслъ. — Часть и цѣлое. — О чудесномъ въ мірѣ. — Что иногда значитъ „научно объяснить“ явленіе? — Философскія вліянія въ русскомъ обществѣ. — Смѣна міровоззрѣній. — Двѣ философіи (критическая забѣтка). — Забѣтки объ исторіи: 1) о государствѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ, 2) объ эпохахъ русской исторіи. — Книга особенно замѣчательной судьбы.

Религія и культура. Сборникъ статей. Изданіе 2-е. Спб. 1901 г. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Мѣсто христіанства въ исторіи. — Психологія русскаго раскола. — Черта характера древней Руси. — Культурная хроника русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ. — О студенческихъ безпорядкахъ. — Женское образовательное движеніе 60-хъ годовъ. — Франко-русскія впечатлѣнія. — Демократизація живописи. — Гдѣ истинный источникъ „борьбы вѣка“? — О символистахъ и декадентахъ. — Теперь и прежде. — Христіанство пассивно или активно? — Кроткій демонизмъ. — Сѣмя и жизнь. — Смыслъ аскетизма. — Женщина передъ великою задачею. — Нѣчто изъ сѣдой древности. — Эмбрионы. — Библіографія.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія Спб. 1899 г. 1 р.

Содержаніе: Сумерки просвѣщенія. — Три главныхъ принципа образованія. — Афоризмы и наблюденія. — Педагогическія трафаретки о гимназической реформѣ 70-хъ годовъ. — Представленіе о Россіи въ годы учебной реформы. — Городъ и школа. — Семья какъ истинная школа. — Границы закона. — Безпочвенность русской школы. — Два типа образованія. — Библіографія.

Святловскій, В. В., пр.-доц. Спб. Универ.

Задачи городского хозяйства. Городское хозяйство въ Парижѣ. Тоже въ Англіи (по А. Шау) Екатеринбургѣ. 1899 г. 75 к.

Соколовъ, Н. М.

— **Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи.** Спб. 1904 г. 2 р.

Содержаніе: О культурѣ и самобытности.—Похороны славянофильства.—О русской національной традиціи.—О русской церковной традиціи Интеллигенція и сектантство.—Интеллигенція и церковь.—Золотые сны о золотомъ вѣкѣ.

— **Русскіе святые и русская интеллигенція.** Опытъ сравнительной характеристики Спб. 1904 г. 50 к.

Соловьевъ, В. Н.

— **Посмертный сборникъ.** Разказы, стихи, путевые очерки. Съ портретомъ автора и факсимиле. Спб. 1901 г. 1 р.

Сологубъ, Ѳ.

Стихи. Книга первая. Спб. 1896 г. 50 к.

Тѣни. Разказы и стихи. Спб. 1896 г. 1 р.

Содержаніе: Червякъ.—Тѣни.—Къ звѣздамъ.—Стихи (книга вторая).

Сорель, Ж.

Соціальное значеніе искусства. Переводъ съ франц. подъ ред. М. Н. Ефремовой. Спб. 1903 г. 25 к.

Стверовъ, Н.

Разказы, очерки и наброски. Спб. 1892 г. 1 р. 50 к.

— **Типы автономной морали въ ихъ логической связи,**— по произведеніямъ А. М. Ѳедорова, („Земля“), А. Вербицкой („Наши ошибки“, „Злая роса“), Абрама Дермана („Странный вопросъ“), А. Лугового („Николай Петровичъ“), Л. Оболенскаго („На развалинахъ“). Казань, 1904 г. 15 к.

Фаресовъ, А. И.

Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Хрѣновъ, К. А.

Женское горе. Сборникъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Изд. 2-ое, изм. и дополн. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Пресс. въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Москва, 1903 г. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Церетели, Е.

Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Рек. Уч. Ком. Мин. Нар. Пресс. для фундамент. и ученическихъ библ. всѣхъ среднихъ уч. заведеній и одобрена для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Чернышевъ, В.

- _____ Гоненіе на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе рассказы. Вып. I. *Нероново гоненіе*. Спб. 1904 г. 10 к. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.
- _____ Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе рассказы. Спб. 1904 г. 50 к.
- _____ Письма о старой и новой орфографіи. I—IV. Спб. 1904 г. 20 к.
- Шестаковъ, Д. П.**
Стихотворенія. Спб. 1900 г. 1 р.
- _____ „**Томъ Гордѣевъ**“ (въ рассказъ Горькаго), какъ социально-психологическое явленіе. Елабуга, 1904 г. 15 к.

II. Философія.

Бэнъ, А.

Психологія. Переводъ съ англ. и предисловіе пр.-доц. Казанскаго Университета. Томъ II. Москва, 1906 г. 2 р. 50 к.

Введенскій, Александръ.

Философскіе очерки. Выпускъ I. О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Спб. 1901 г. 1 р.

Жаковъ, К.

_____ Понятіе предѣла въ математикѣ (съ точки зрѣнія логики). Спб. 1905 г. 25 к.

Карстанъенъ, Фридрихъ.

Введеніе въ „Критику чистаго опыта“ (Friedrich Carstanjen Einführung in die „Kritik der reinen Erfahrung“). Переводъ В. Лесевича, по неизданной рукописи 2-го, пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ, изданія. Спб. Изд. 2-ое, исправленное. 1899 г. 1 р.

Лесевичъ, В.

Опытъ критическаго изслѣдованія основначаль позитивной философіи Спб. 1877 г. 1 р. 25 к.

Письма о научной философіи. Спб. 1878 г. 75 к.

Что такое научная философія? Этюдъ. Спб. 1891 г. 2 р.

Содержаніе: Введеніе.—Огюсть Контъ и его школа.—Англійскій позитивизмъ (1. Дж. Ст. Милль.—2. Бэнъ, Гёксли и др.).—Нѣмецкая научная философія (1. Опѣнка Контовскаго позитивизма въ Германіи.—2. Карлъ Гёрингъ.—3. Гаральдъ Гёфдингъ.—4. Алоизъ Риль.—5. Эрнстъ Лаассъ.—6. Гансъ Фольцъ.—7. Эрнстъ Махъ.—8. Рихардъ Авенариусъ.—9. Іозефъ Петцольдтъ).—Заключеніе.

Этюды и очерки. Спб. 1886 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Данте какъ мыслитель.—Романъ Кастелъара „Fra Filippo Lippi“. — Лессингъ и его „Натанъ Мудрый“. — Мерсь Гальдосъ. Современный испанскій романистъ.—Новые романы Гальдоса.—Робертъ Гальтъ и его новые романы.—

10 к. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

—— Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общеизвестныя историческія рассказы. Спб. 1904 г. 50 к.

—— Письма о старой и новой ереографіи. I—IV. Спб. 1904 г. 20 к.

Шестаковъ, Д. П.

Стихотворенія. Спб. 1900 г. 1 р.

—— „**Томъ Гордѣевъ**“ (изъ рассказъ Горькаго), какъ социально-психологическое явленіе. Елабуга, 1904 г. 15 к.

II. Философія

Бэнъ, А.

—— Психологія. Переводъ съ англ. и предисловіе пр.-доц. Казанскаго Университета Вл. Н. Ивановскаго. Томъ II. Москва, 1906 г. 2 р. 50 к.

Введенскій, Александръ, проф. Спб. Унив.

Философіе очерки. Выпускъ I. О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Спб. 1901 г. 1 р.

Жанковъ, К.

—— Понятіе предѣла въ математикѣ (съ точки зрѣнія логики). Спб. 1905 г. 25 к.

Карстанъенъ, Фридрихъ.

Введеніе въ „Критику чистаго опыта“ (Friedrich Carstanjen Einführung in die „Kritik der reinen Erfahrung“). Переводъ В. Лесевича, по неизданной рукописи 2-го, пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ, изданія. Спб. Изд. 2-ое, испр. Спб. 1899 г. 1 р.

Лесевичъ, В.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначаль позитивной философіи. Спб. 1877 г. 1 р. 25 к.

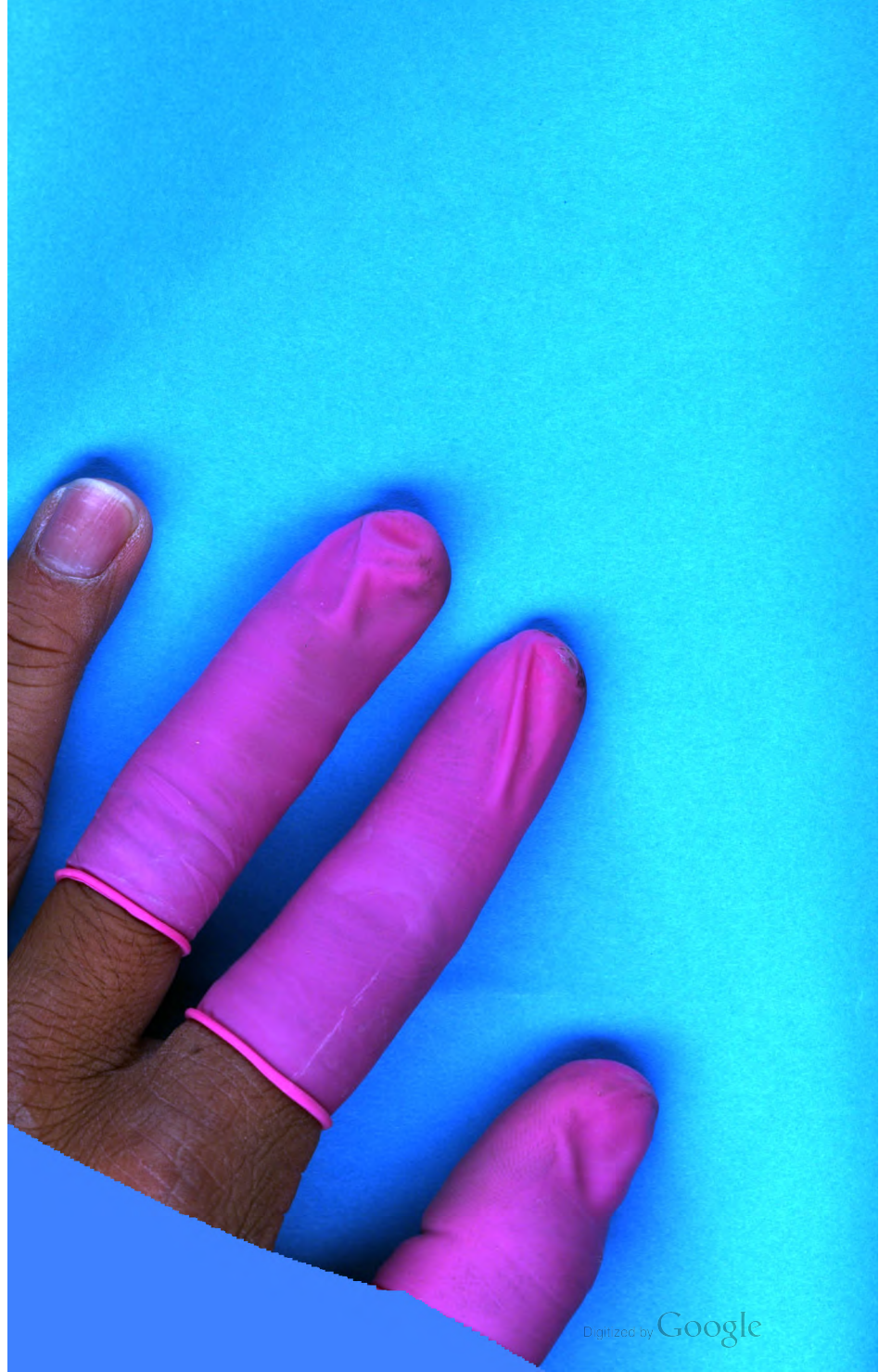
Письма о научной философіи. Спб. 1878 г. 75 к.

Что такое научная философія? Этюдъ. Спб. 1891 г. 2 р.

Содержаніе: Введеніе.—Огюсть Контъ и его школа.—Англійскій позитивизмъ (1. Дж. Ст. Милль.—2. Бэнъ, Гёксли и др.).—Нѣмецкая научная философія (1. Оцѣнка Контовскаго позитивизма въ Германіи.—2. Карлъ Гёрингъ.—3. Гаральдъ Гёфдингъ.—4. Алоизъ Риль.—5. Эрнстъ Лаасъ.—6. Ганс. Фольцъ.—7. Эрнстъ Махъ.—8. Рихардъ Авенариусъ.—9. Іозефъ Петцольдтъ).—Заключеніе.

Этюды и очерки. Спб. 1886 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Данте какъ мыслитель.—Романъ Кастелляра „Fra Filippo Lippi“. — Лессингъ и его „Натанъ Мудрый“. — Пересъ Гальдосъ. Современный испанскій романистъ.—Новые романы Гальдоса.—Робертъ Гальтъ и его новые романы.—

исправлено противъ прежняго академикомъ А. Марковымъ, при чемъ особенно вниманіе было обращено на таблицы.

IV. Естественныя науки, географія и путешествія

Беркосъ, П. А.

——— Медицинская зоологія. Составлена по лекціямъ проф. Н. А. Холодовскаго. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 2 р. 50 к.

Практическая зоотомія: Вып. 1-ый Лигуша. Спб. 1899 г. 50 к.

——— Вып. 2-ой. Рѣчной Ракъ. 2-ое изд. Спб. 1905 г. 30 к.
Вып. 3-ій. Окунь и Щука. Спб. 1899 г. 40 к. Вып. 4-ый. Беззубка. Спб. 1901 г. 30 к.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученич., старшаго возраста, бібліотеки муж. средн. учебн. завед.

Жановъ, К. О.

——— На Сѣверъ, въ поискахъ за Памомъ Буръ-мортомъ. Спб. 1905 г. 1 р.

Ингеницкій, И.

Заграничныя наброски. (По музеямъ и лабораторіямъ Западной Европы). Спб. 1898 г. 50 к.

Лэббокъ, Джонъ.

Шесть главъ популярной естественной исторіи. Съ 90 рис. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Спб. 1902 г. 60 к., въ изящн. пер. 95 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебн. завед. и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Морганъ, Ллойдъ.

Изъ міра животныхъ. Съ 53 рис. художника В. Рау. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к., въ изящн. пер. 1 р. 90 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія бібліотеч. учебн. завед. Министерства, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Мялицынъ, А., препод. Спб. Учительскаго Института.

Краткій учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 180 рис., 2-ое исправ. изд. Спб. 1900 г. 90 к.

Пири, Р. Е., гражданскій инженеръ С.-А. С. Ш.

——— По большому льду къ отъѣру. Разсказъ о жизни и работѣ вдоль береговъ и на внутреннемъ ледяномъ покровѣ сѣверной Гренландіи въ 1887 и 1891—97 г.г. Съ 8 картами и 357 рисунками. Переводъ съ англ. под. ред. П. Беркоса. № 1 изъ серіи: „Библіотена путешествій“. — „Открытіе земель“. Спб. 1906 г. 3 р.

V. Технические книги

Андреевъ, П. И., магистръ ветеринарныхъ наукъ.

Ветеринарный надзоръ за убойнымъ скотомъ и мясными продуктами въ Германіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Москва, 1902 г. 3 р.

——— Страхование убойнаго скота въ Германіи. Москва, 1904 г. 1 р. 25 к.

Кейльгакъ, проф.

——— Артезианская вода. (Съ 19 рис.). Съ нѣм. перевелъ А. Соловьевъ. Спб. 1905 г. 25 к.

Петрушевскій, Ѳ., засл. проф. Спб. ун-въ.

Краски и живопись. 2-ое изд. Спб. 1901 г. 2 р. 20 к.

Прокудинъ-Горскій, С. М.

Изо-хроматическая съёмка моментальными ручными камерами. Съ указаніемъ изготовленія чувствительныхъ къ цвѣтамъ пластинъ (изо-пластинъ). Семь отдѣльныхъ таблицъ-рисунковъ вѣзъ текста. Спб. 1903 г. 80 к.

VI. Учебники

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В., препод. исторіи торговли и коммерческой корреспонденціи.

——— Руководство по коммерческой корреспонденціи, приспособленное для коммерческихъ училищъ, торговыхъ школъ, счетоводныхъ курсовъ и для самообученія. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. (1 Марта, 1905 г., № 1461). Спб. 1904 г. 1 р.
Содержаніе: I. Теорія коммерческаго письма.—II. Практическіе образцы.—III. Коммерческая терминологія.

Крутиковъ, Ѳ. П., засл. препод. математики.

Пособіе для полнаго рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, помѣщенныхъ въ пріемной программѣ Инст. Инж. Путей Сообщ. Спб. 1899 г. 1 р.

Тивастъ, З. (Z. T.).

Tableau général d'orthographe d'usage.—Правила французскаго правописанія. Спб. 1897 г. 30 к.

Одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ сред. учебн. завед., мужскихъ и женскихъ.

Чевакинскій, А. препод. Импер. училища Правовѣдѣнія и Спб. Коммерческаго Училища.

Учебная книга сравнительной всеобщей географіи. Курсъ повторительный для старшаго возраста. Спб. 1901 г. 1 р.

Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго руководства, а также въ учен., средняго возраста, библиотекѣ всѣхъ среднеучебн. завед.

Чернышевъ, В.

——— Сборникъ статей для письменнаго и устнаго изложенія. Пособіе для самостоятельныхъ работъ и книга для чтенія и упраж-

ненія въ разсказѣ. Для низшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ среднихъ. Спб. 1904 г. 75 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Прес. въ качествѣ учебнаго пособія для городскихъ училищъ и для приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ средн. учебн. заведеній.

VII. Дѣтскія книги

Севичъ, В. (изд).

Дѣтскій сборникъ. Очерки и рассказы для дѣтей старшаго возраста. Съ 8 картинками и 3 политипажками. Спб. 1892 г. 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 2 р.

Содержаніе: В. И. Водовозовъ. Никита и его дочери.—А. М. Никольскій, д-ръ зоологии. Морскія и прѣсноводныя животныя.—А. Е. Кутузова. Въ Березкѣ и подъ березкой.—Дѣтство и юность Томаса Скиннера. Изъ автобіографіи.—А. В. Петинина. Дорджи, бурятскій мальчикъ.—А. Н. Вѣтчиковъ. Жертва.—В. К. Агафоновъ. „Падающія звѣзды“ и метеориты.—А. Н. Анненская. Въ деревнѣ на Рождество.—Юлія Безродная. Варбость въ роли героя.—Эрнстъ Генкель. Адамовъ Пикъ.

Изданія Б. Н. Звонарева:

Ичисъ-де, Э.

Экзампъ для воѣхъ. (Годъ въ конкѣ). Перев. Э. Колтоновской. 1 р.
Дреовичъ (Соловьевъ, Евг.).

Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе второе. Спб. 1903 г. XXXIII+566 стр. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Литература крѣпостной Россіи.—Тезисъ русской литературы.—Радищевъ и скептическое движеніе въ Россіи.—Литература первой четверти вѣка.—А. С. Пушкинъ.—Вѣлинскій о Пушкинѣ.—Пушкинъ въ исторіи.—Характеристика Пушкина.—Поэты Пушкинской эпохи.—Рытѣвъ.—Эпоха Николая I-го.—Журналистика эпохи Николая I-го.—Грибоѣдовъ.—Гоголь.—Лермонтовъ.—Славянофилы и западники: П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Вѣлинскій; Мужикъ въ русской литературѣ, Д. В. Григоровичъ, И. С. Тургеневъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ, И. А. Гончаровъ, общія замѣчанія о литературѣ 40-хъ годовъ.—Шестидесятые годы: Общая характеристика.—Литература записокъ и писемъ, какъ предисловіе къ литературѣ 60-хъ годовъ.—Журналистика 60-хъ годовъ: Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ, Д. И. Писаревъ, Н. В. Шелгуновъ, М. Н. Катковъ, Ап. А. Григорьевъ, Н. Н. Страховъ.—Беллетристика 60-хъ годовъ: беллетристика

— **Соціальная мораль.** Статті професорів Свободної школи соціальних наук в Парижі. Спб. 1902 г. 80 к., съ пер.сылкой 1 р.

Содержаніе: Д-ръ Э. Дельбэ. Позитивная нравственность. А. Дарлю. Общественныя и нравственныя идеи. — Пастор Вагнеръ. Въ чемъ искать разрѣшенія нравственнаго кризиса? — В. Момю. Справедливость и право. — Ж. Вело. Состановленіе и естественный подборъ. — Шарль Жидъ. Справедливость и милосердіе. — Л. Бруншвигъ. Радости жизни какъ основа морали. — Е. де-Роберти. — Нравственность и политика.

Тотоміанцъ, В. О.

Потребительныя общества на Западѣ. 1 р. 75 к.

Фагэ, Э.

Иллюстрированная французская литература XIX вѣка. (33 портрета 3 факсимиле). Переводъ А. Колтоновскаго. 2 р. 50 к.

Циглеръ, Теобальдъ.

Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. Съ портретами общественныхъ дѣятелей Германіи. Переводъ и примѣчанія Генкеля. Спб. 1901 г. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Три міросозерцанія. — Натурфилософія Шеллинга и феноменологія Гегеля. — Паденіе и возстановленіе Пруссіи. — Послѣ войны за освобожденіе. — Торжество Гегелевской философіи права. — Молодая Германія. — Религіозное движеніе до Штраусса и Фейербаха. — Фридрихъ-Вильгельмъ и сороковыя года. — Революція 1848 и 1849 годовъ. — Реакція пятидесятихъ годовъ. — Бисмаркъ и основаніе Германской имперіи. — Культуркамперь. — Соціализмъ и социаль-демократія. — „Fin de siècle“. — Очерки изъ исторіи и теоріи социализма Эдуарда Бернштейна.

Складъ высылаетъ всякаго рода книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и принимаетъ подписку на изданія (газеты, журналы и проч.), какъ русскія, такъ и иностранныя.

При выпискѣ книгъ на сумму до 1 р. вкл. на пересылку прилагается 20 к.; на суммы свыше 1 р. Складъ принимаетъ пересылку на себя.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ
ЖУРНАЛЪ

СВОБОДА И КУЛЬТУРА

подъ редакціей **С. Л. Франка** при ближайшемъ участіи
Петра Струве.

Въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ вошли: Н. А. Бердяевъ, О. Е. Бу-
жанскій, С. Н. Булгаковъ, В. И. Вернадскій, В. М. Гессенъ, И. М. Гревсъ,
Э. Д. Гриммъ, В. Э. Денъ, В. Б. Ельашевичъ, Д. Е. Жуковскій, А. С.
Изгоевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, В. А. Кистяковский, Н. А.
Котляревскій, С. А. Котляревскій, Н. О. Лосскій, Д. С. Мережковский,
М. М. Могиланскій, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, П. И. Новгородцевъ,
Д. Н. Овсяннико-Куликовский, М. Я. Острогорскій, И. И. Петрункевичъ,
І. А. Покровскій, А. Е. Прѣсняковъ, О. И. Родичевъ, М. Туганъ Баранов-
скій, Д. В. Философовъ, А. А. Чупровъ, Л. Шестовъ, Г. Н. Штильманъ и др.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 6 р., на 9 мѣсяц.
(до 1 Января 1907 г.)—4 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к., на
3 мѣсяца 2 р. За границу на годъ 8 р., на 9 мѣс. — 6 р., на
полгода 4 р. 50 к., на три мѣс. 3 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по 20 коп.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75.
Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по втор-
никамъ отъ 3 до 5 ч.

Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства **М. В. ПИРОЖ-
НОВА** (Вас. О., Большой пр., д. 6). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, во всѣхъ большихъ книжныхъ
магазинахъ.

По соглашенію между издателями журнала „Сво-
бода и Культура“ и приостановленнаго постановле-
ніемъ Судебной палаты журнала „Полярная Звѣзда“,
подписчики „Полярной Звѣзды“ будутъ получать
журналъ „Свобода и Культура“.

Издательница: *М. Ж. Могиланская.*

„ЛИТЕРАТУРНАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА“
ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
М. В. ПИРОЖКОВА
(Спб., В. О., Большой пр., 6).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„ТРИЛОГИЮ“ Д. С. Мережковского

подъ названіемъ „**ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ**“,
состоящую изъ трехъ частей:

- 1) **Смерть боговъ** (Юліанъ Отступникъ).
- 2) **Воскресшіе боги** (Леонардо да-Винчи).
- 3) **Антихристъ** (Петръ и Алексѣй).

Первая часть выйдетъ въ апрѣлѣ, вторая—въ маѣ и третья—въ іюнѣ, въ двухъ изданіяхъ—простомъ и изящномъ. Цѣна по подпискѣ на всю „Трилогію“ въ простомъ изданіи—**4 р. 50 к.**, въ изящномъ—**7 р. 50 к.**

При подпискѣ вносится **2 р.** (на изящное изд. **3 р.**) и къ 1 апрѣля остальные **2 р. 50 к.** (на изящное изд. **4 р. 50 к.**).

По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Кромѣ того, печатаются еще слѣдующія книги:

- 1) **МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Пророкъ русской революціи** (къ юбилею Достоевскаго).
- 2) **Вѣчные спутники.** 3-е изданіе.
Это сочиненіе будетъ выходить отдѣльными, вплоть законченными, выпусками. Первый выпускъ будетъ посвященъ ПУШКИНУ.
- 3) **ГИППІУСЪ (Мережковская). Алый мечъ.** Четвертая книга разсказовъ.
- 4) **Новые люди.** Первая книга разсказовъ. 2-ое изданіе.
- 5) **МЕТЕРЛИНКЪ. Полное собраніе сочиненій,** въ трехъ томахъ. Съ портретомъ, исполненнымъ гелиографіею. Все изданіе иллюстрировано художникомъ *К. Рерихомъ*.
- 6) **ШАПОВЪ. Собраніе сочиненій,** въ трехъ томахъ. Съ портретомъ.
- 7) **ГАЛИНА. Предразсвѣтныя пѣсни.** Собраніе стихотвореній.
- 8) **МОГИЛЯНСКІЙ, МИХ. Усталые,** драма въ 3 д.
- 9) **ПОССЕ. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.** 3-е изданіе.
- 10) **СЕРРЕ. Дополненія къ теоріи круговыхъ функцій** и другія.

Цѣна **20 коп.**

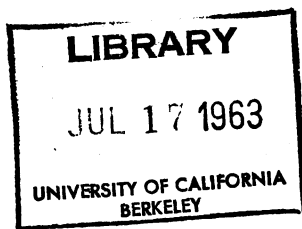
*supl
on*

Свобода

и

Култура

{ Svoboda i kultura }

№ 3

16 АПРѢЛЯ 1906 г.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ журналѣ

СВОБОДА и КУЛЬТУРА:

Позади текста цѣлая страница **30** руб., полъ-страницы **20** руб. На обѣихъ внутреннихъ и на задней сторонахъ обложки страница **75** руб., полъ-страницы **40** руб. За строчку петита каждого столбца на обложкѣ **60** коп.

Содержаніе:

Б. Кистяковскій. Кабинетъ министровъ.

Л. Галичъ. Два пути русскаго социализма.

А. Миклашевскій. Земельная реформа и социаль-утописты.

В. Денъ. Рай капиталистовъ.

В. Шмидтъ. Партія и секта.

Замѣтки. *Л. Картужанскій.* Народъ и власть въ Софокловой „Антигонѣ“.

СВОБОДА И КУЛЬТУРА

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей С. Л. ФРАНКА

при ближайшемъ участіи

Петра Струве

16 АПРѢЛЯ 1906 г.

9 3

Типографія Сиб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Кабинетъ Министровъ.

(По поводу Высочайшаго повелѣнія «принять мѣры къ объединенію дѣятельности министровъ»).

II.

Громадное значеніе общественнаго мнѣнія въ политической жизни страны обыкновенно мало сознается. Въ сферѣ государственно-политическихъ отношеній общественное мнѣніе также заслоняется политическими партіями и ихъ показною ролью, какъ въ сферѣ отношеній соціально-политическихъ нація и общенародные интересы ступеваются въ сознаніи современнаго человѣка передъ классовыми различіями; за дѣленіемъ нація на классы не видятъ самой нація и за партіями не замѣчаютъ общественнаго мнѣнія. Но успѣхи партій и притомъ самыя крупныя часто заключаются не въ увеличеніи числа ихъ дѣйствительныхъ сторонниковъ, а въ сочувствіи къ нимъ и къ ихъ общей позиціи общественнаго мнѣнія. Политическія партіи завоевываютъ въ этихъ случаяхъ вліятельное или господствующее положеніе въ народномъ представительствѣ благодаря тѣмъ элементамъ, для которыхъ въ нѣмецкой политической жизни созданъ особый терминъ—«спутники» (Mitläufer). Русскій народъ уже при первыхъ шагахъ своей политической жизни былъ свидѣтелемъ того же явленія. Успѣхи на выборахъ «партіи народной свободы» объясняются, конечно, не многочисленностью ея сторонниковъ, а тѣмъ, что на ея сторонѣ симпатіи общественнаго мнѣнія страны, и что сама она наиболѣе полно отражаетъ его.

Тамъ, гдѣ давно существуетъ парламентъ и функционируетъ парламентарная система, кажущееся подчиненіе всей политической жизни той или другой господствующей политической партіи не должно вводить въ заблужденіе относительно дѣйствительной роли общественнаго мнѣнія. Что въ частности для правленія министерскаго кабинета общественное мнѣніе страны значитъ гораздо больше, чѣмъ простое парламентское боль-

шинство, доказываютъ факты самаго недавняго времени, относящіеся къ смѣнѣ министерствъ въ классической странѣ примѣненія парламентарной системы—въ Англіи. Обстоятельства, при которыхъ министерство Бальфура уступило мѣсто руководителя политической жизни Англіи министерству Кемпбель-Веннермана, чрезвычайно интересны и важны для опредѣленія современнаго значенія парламентаризма и для прогноза его дальнѣйшаго развитія. Министерство Бальфура подало въ отставку несмотря на то, что большинство парламента было еще на его сторонѣ; оно пало никѣмъ не низвергнутое; его паденіе не только не было вызвано вотумомъ недовѣрія со стороны народныхъ представителей, но и вообще не было связано съ чисто парламентскими отношеніями и дѣлами, такъ какъ въ моментъ его паденія парламентъ даже не засѣдалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кемпбель-Веннерманъ составилъ министерство и сталъ во главѣ правительства Англіи въ то время, когда большинство парламента было на сторонѣ враждебной ему партіи. Всѣ эти факты находятся въ прямомъ противорѣчій съ тѣмъ, какъ обыкновенно характеризуется парламентарная система. Смѣна министерствъ произошла не подъ вліяніемъ измѣнивашагося соотношенія силъ партій въ парламентѣ, какъ полагалось бы на основаніи официальной теоріи парламентаризма, а подъ вліяніемъ измѣнивашагося отношенія самой страны къ правящей и оппозиціонной партіямъ. Министерство Бальфура, располагая еще сплоченнымъ большинствомъ въ парламентѣ, не обладало достаточнымъ единствомъ и необходимой внутренней силой для того, чтобы править страной, такъ какъ общественное мнѣніе страны было противъ него и требовало другой политики. Показателемъ того, что общественное мнѣніе страны измѣнилось не въ пользу министерства Бальфура и проводимой имъ политики, были между прочимъ перебаллотировки въ палату депутатовъ. Послѣдовавшіе затѣмъ распушеніе парламента и общіе выборы его членовъ только блестяще подтвердили необходимость для министерства Бальфура уступить мѣсто Кемпбель-Веннерману.

Отмѣтимъ тутъ, что послѣдняя смѣна министерствъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе въ политической исторіи Англіи, такъ какъ при ней впервые выдвинулось общественное мнѣніе страны, какъ самостоятельный и притомъ опредѣляющій факторъ въ государственномъ строѣ Англіи вообще и въ смѣнѣ правящихъ кабинетовъ въ частности. Теоретикъ парламентарной системы Беджотъ, писавшій въ срединѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, еще не предвидѣлъ этой эволюціи парламентарной системы, а потому выводилъ ее исключительно изъ идеи о «верховенствѣ» и «всемоушествѣ» англійскаго парламента. Тѣмъ не менѣе

эта перемена уже долгое время постепенно и незаметно подготовлялась, о чемъ можно судить хотя бы потому, что въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ изъ шести смѣнъ министерствъ четыре произошли вслѣдствіе общихъ выборовъ въ парламентъ. Во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ извѣстный изслѣдователь англійскаго государственнаго права Дайси уже обращаетъ вниманіе на готовящуюся перемену въ государственномъ строѣ Англіи. «Очень любопытнымъ представляется вопросъ о томъ, пишетъ онъ, не переживаетъ ли въ настоящее время англійскій кабинетъ постепенное, но до сихъ поръ еще едва замѣтное измѣненіе характера, вслѣдствіе котораго онъ можетъ превратиться изъ парламентской въ не-парламентскую исполнительную власть. Все усиливающееся вліяніе избирателей позволяетъ считать такую перемену возможною. Уже въ настоящее время общіе выборы могутъ быть по существу, хотя и не по имени, народнымъ избраніемъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля на должность перваго министра. Во всякомъ случаѣ можно представить себѣ, что придетъ время, когда, несмотря на то, что всѣ формы англійской конституціи останутся неизмѣнными, англійскій первый министръ будетъ такъ же несомнѣнно избираться всенародною подачей голосовъ, какъ и американскій президентъ». Въ приведенныхъ словахъ Дайси для насъ важно указаніе на самый фактъ, и мы можемъ оставить въ сторонѣ даваемое имъ объясненіе. Сопоставленіе косвеннаго избранія англійскаго премьера при общихъ выборахъ членовъ парламента съ избраніемъ путемъ двустепенной подачи голосовъ американскаго президента совершенно искусственно и приводитъ Дайси къ невѣрному мнѣнію, что усиливающееся вліяніе избирателей на смѣну министерствъ влечетъ за собой упраздненіе самой парламентарной системы, а не лишь извѣстной частной формы ея.

Въ виду этой, уже давно готовящейся перемены въ государственномъ строѣ Англіи послѣдняя смѣна министерствъ является прецедентомъ, имѣющимъ совершенно исключительное значеніе какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и по вѣроятнымъ внѣшнимъ послѣдствіямъ. Зная, какую роль играютъ прецеденты въ исторіи развитія англійскаго права вообще и англійской конституціи въ частности, можно съ достовѣрностью предсказать, что и *этотъ* прецедентъ превратится въ дѣйствующее право. Такимъ образомъ, въ системѣ англійскихъ государственныхъ учрежденій видное мѣсто займетъ общественное мнѣніе страны, осуществляемое путемъ своеобразнаго референдума. Апеллированіе къ общественному мнѣнію страны посредствомъ распущенія парламента и назначенія общихъ выборовъ сопоставлялъ съ референдумомъ извѣстный англійскій госу-

дарствовѣдъ и политическій дѣятель Брайсъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Американская республика».

Примѣръ прямо противоположнаго характера еще больше можетъ убѣдить насъ въ томъ, что опредѣляющимъ моментомъ въ функционированіи парламентарной системы является общественное мнѣніе страны. Выяснять условія и причины, приводящія къ господству парламентарной системы, нужно не только на примѣрахъ странъ, въ которыхъ эта система является фактически дѣйствующимъ конституционнымъ правомъ, но и тѣхъ странъ, гдѣ эта система не успѣла еще водвориться. Въ самомъ дѣлѣ, почему парламентарная система не завоевала себѣ господства въ Пруссіи, Германіи и Австріи? Почему въ нихъ даже нѣтъ кабинета министровъ въ точномъ значеніи этого слова? Статьи прусской конституціонной хартіи, относящіяся къ министрамъ, по содержанію совершенно совпадаютъ съ соотвѣтственными статьями бельгійской хартіи, потому что и вся прусская конституція является копіей бельгійской. Тѣмъ не менѣе въ Бельгіи установилась парламентарная система и правительство министерскаго кабинета, а въ Пруссіи нѣтъ. Объясненіе этого факта заключается въ томъ, что общественное мнѣніе не сдѣлалось и не могло сдѣлаться въ Пруссіи регуляторомъ политической жизни страны. Впрочемъ, въ моментъ революціи 1848 года, когда все общество объединилось въ оппозиціи бюрократическому режиму, такъ долго задерживавшему культурно-политическое развитие страны, когда устраненіе стараго государственнаго строя и установленіе конституціонныхъ учреждений сдѣлалось единодушнымъ требованіемъ всѣхъ, тогда казалось, что вмѣстѣ съ конституціей въ Пруссіи установится и парламентарный режимъ. Однако, когда была учреждена конституція и проведены нѣкоторыя реформы, устранившія наиболѣе невыносимыя черты стараго порядка, то сейчасъ же обнаружилось, что въ Пруссіи нѣтъ единаго общества и цѣльнаго общественнаго мнѣнія. Пруссія состояла изъ двухъ частей, раздѣленныхъ даже территоріально: изъ восточныхъ приэльбскихъ земледѣльческихъ провинцій, въ которыхъ господствовали крупные землевладѣльцы, феодалы и юнкера, и изъ промышленныхъ западныхъ прирейнскихъ провинцій, гдѣ господствовало среднее сословіе. Бюрократія поспѣшила вступить въ союзъ съ юнкерами, которые поддерживали ее противъ средняго сословія. Благодаря союзу и взаимной поддержкѣ бюрократіи и юнкерства, развитие конституціонныхъ учреждений въ Пруссіи было задержано, и изъ нихъ не было извлечено ихъ логическое слѣдствіе—парламентарная система, какъ это было сдѣлано въ Бельгіи. Тѣмъ не менѣе и въ Пруссіи парламентарная система въ концѣ концовъ,

вѣроятно, приобрѣла бы господство, о чемъ свидѣлствуютъ событія, связанные съ прусскимъ конституціоннымъ конфликтомъ 1862—1866 гг., особенно единодушная оппозиція общественнаго мнѣнія правительству и упорство, съ какимъ избиратели посылали депутатовъ, отвергавшихъ право прусской бюрократіи и ея главы Бисмарка управлять страной по собственному усмотрѣнію, не считаясь съ мнѣніемъ народнаго представительства. Но успѣхи во внѣшней политикѣ помогли и на этотъ разъ прусскому бюрократическо-юнкерскому правительству во главѣ съ Бисмаркомъ одержать верхъ надъ общественнымъ мнѣніемъ страны, требовавшимъ парламентарной формы правленія. Внѣшніе успѣхи, какъ извѣстно, привели къ объединенію Германіи и къ созданію Имперіи. Среди криковъ патріотическаго восторга по поводу осуществленія этого основнаго требованія нѣмецкихъ прогрессистовъ была задавлена всякая мысль о руководящемъ влияніи общественнаго мнѣнія на политическую и государственную жизнь страны.

Чрезвычайно интересно, однако, что въ своихъ «Мысляхъ и Воспоминаніяхъ» Бисмаркъ, повѣствуя о прусскомъ конституціонномъ конфликтѣ, жалуется на отсутствіе единства и солидарности въ прусскомъ министерствѣ. По его словамъ, другіе министры по собственной инициативѣ принимали мѣры, не совѣтуясь и даже не предупреждая его, а отвѣтственность за нихъ приходилось потомъ ему принимать на себя, чтобы поддерживать авторитетъ правительства. Это свидѣтельство Бисмарка является весьма цѣннымъ доказательствомъ того, что бюрократическое министерство даже при конституціонномъ строѣ и народномъ представительствѣ необходимо должно быть лишено единства и солидарности. Но такъ какъ самъ Бисмаркъ при своемъ авторитарномъ характерѣ и абсолютистско-монархическихъ симпатіяхъ былъ сторонникомъ бюрократическаго режима съ одной стороны, а съ другой — стремился уничтожить внутреннюю борьбу, несогласія и интриги, присущія всякому бюрократическому министерству, то при созданіи сперва Сѣверо-Нѣмецкаго Союза, а затѣмъ Германской Имперіи онъ совершенно исключилъ изъ ихъ конституцій коллегіальное министерство, замѣнивъ его единоличнымъ канцлерствомъ. По германской конституціи всѣ функціи коллегіальнаго министерства должны были быть осуществляемы всемогущимъ канцлеромъ при помощи заведующихъ отдѣльными вѣдомствами статсъ-секретарей, его непосредственныхъ подчиненныхъ. Эта организація министерства въ Германской имперіи явилась слѣдствіемъ того фактически полновластнаго положенія, которое занялъ въ нѣмецкой политической жизни Бисмаркъ. Однако скоро оказалось, что универсально-правительственное значеніе не могло быть сохранено за должностью канцлера, такъ какъ даже Бис-

маркъ физически не былъ въ состояніи руководить всѣми дѣлами Германіи. Поэтому уже въ 1878 г. черезъ Рейхстагъ и Союзный Совѣтъ былъ проведенъ законъ о такъ называемомъ замѣстительствѣ (Stellvertretung). На основаніи его всякій статсъ-секретарь по порученію имперскаго канцлера могъ замѣщать его и брать на себя отвѣтственность за отдѣльныя мѣропріятія, относящіяся къ его вѣдомству, т. е. выполнять функціи, присвоенныя министрамъ. Это факультативное замѣстительство на практикѣ сдѣлалось постояннымъ, и статсъ-секретари фактически превратились въ министровъ. Тѣмъ не менѣе, имперскіе статсъ-секретари до извѣстной степени сохранили и теперь еще характеръ подчиненныхъ чиновниковъ, а имперскій канцлеръ является не столько главой кабинета, сколько начальникомъ подчиненныхъ ему статсъ-секретарей. Поэтому нѣмецкіе государствовѣды придумали для нихъ даже особый терминъ—подчиненные министры (Untermister). Всякое отдѣльное дѣло, относящееся къ какому угодно вѣдомству, и даже руководство цѣлымъ вѣдомствомъ имперскій канцлеръ всегда можетъ взять на себя, и вообще во всякій данный моментъ онъ можетъ возстановить свои полномочія, какъ единственнаго отвѣтственнаго министра. Такъ какъ имперскій канцлеръ, кромѣ того, всегда назначается предсѣдателемъ прусскаго совѣта министровъ, то чисто бюрократическимъ путемъ въ силу его высокаго чина ему вполнѣ обеспечивается первенствующее положеніе въ прусскомъ министерствѣ. Однако вся эта бюрократическая система гарантируетъ лишь первенствующее и руководящее значеніе канцлера, какъ германскаго премьера и предсѣдателя прусскаго совѣта министровъ, но она отнюдь не обеспечиваетъ единство и солидарность министерства. Прежде всего, какъ и всякая бюрократическая система, она оставляетъ громадный просторъ для всевозможныхъ чиновничьихъ интригъ. Рассказывая въ тѣхъ же «Мысляхъ и Воспоминаніяхъ» о событіяхъ послѣ объединенія Германіи, Бисмаркъ не перестаетъ жаловаться на то, что другіе министры недостаточно поддерживали его, а иногда даже прямо интриговали противъ него. Интриги эти особенно усилились въ тотъ промежутокъ времени, въ 1872—1873 г.г., когда Бисмарку временно пришлось оставить постъ предсѣдателя прусскаго совѣта министровъ. Далѣе мы знаемъ, что какъ при паденіи Бисмарка, такъ и при паденіи второго имперскаго канцлера Каприви, одну изъ главныхъ ролей сыграли интриги въ министерской средѣ. Извѣстія объ интригахъ въ прусскомъ и германскомъ министерствахъ проникали въ прессу и послѣ того, особенно при выходѣ въ отставку кого нибудь изъ министровъ. Впрочемъ въ послѣднее десятилѣтіе интриги имѣютъ меньше значенія, такъ какъ при Вильгельмѣ II роль министерствъ въ Германіи

и Пруссіи постепенно падала и теперь окончательно замѣнилась личнымъ режимомъ самого германскаго императора и прусскаго короля. Нельзя сказать, чтобы этотъ личный режимъ, являющійся пережиткомъ абсолютизма, служилъ ко благу Германской Имперіи, а между тѣмъ онъ возможенъ только благодаря тому, что въ Германіи господствуетъ бюрократическая, а не парламентарная система министерствъ.

Въ чемъ, однако, заключаются внутреннія условія и причины, мѣшающія Германіи стать парламентарной страной? Эти условія двоякаго рода. Прежде всего, они государственно-правового характера и коренятся въ федеративномъ строѣ Германской Имперіи. Въ федеративныхъ государствахъ главѣ государства могутъ быть предоставлены гораздо болѣе широкія полномочія относительно назначенія и руководства министерствомъ; подтвержденіемъ этого положенія служатъ особенно государственныя учрежденія Сѣверо-Американской союзной республики. Но права и функціи министерствъ въ союзныхъ государствахъ въ свою очередь оказываются болѣе ограниченными, такъ какъ часть ихъ функцій осуществляется верхними палатами — сенатомъ въ республикахъ и союзнымъ совѣтомъ съ его комиссіями въ Германской Имперіи. Даже имперскій канцлеръ есть прежде всего предсѣдатель союзаго совѣта. При этомъ министерскія функціи, присвоенныя союзному совѣту, являются до нѣкоторой степени прерогативой такъ называемыхъ «союзныхъ правительствъ», назначающихъ членовъ союзаго совѣта.

Но гораздо важнѣе этихъ государственно-правовыхъ причинъ, мѣшающихъ развитію парламентаризма въ Германіи, причины общественно-политическія. Они заключаются въ той социальной пропасти, которая раздѣляетъ отдѣльные классы и слои общества и народа въ Германіи. Промышленное развитіе Германіи за послѣднее полустолѣтіе мало способствовало уничтоженію или хотя бы уменьшенію этой пропасти. Въ каждой странѣ представители промышленнаго класса — верхи буржуазіи — стремятся, какъ извѣстно, усвоить себѣ внѣшній и внутренній обликъ мѣстной аристократіи. И нѣмецкая буржуазія переняла много характерныхъ чертъ, свойственныхъ нѣмецкому юнкерству. Самые выдающіеся представители и вожди нѣмецкой буржуазіи, какъ Круппъ и Штумпъ, несмотря на свое демократическое, полупролетарское происхожденіе, нашли наиболѣе соотвѣтственной своему достоинству роль феодаловъ, которую они всѣми силами и старались разыгрывать. Такимъ образомъ, рознь между различными слоями общества въ Германіи осталась почти такою же, какою она была въ серединѣ прошлаго столѣтія. Вслѣдствіе этого въ Германіи до сихъ поръ нѣтъ того могучаго общественнаго мнѣнія, которое выра-

бывало бы болѣе или менѣе общепризнанные принципы для дальнѣйшаго развитія общественной и политической жизни страны и обязывало, даже принуждало правительство выполнять ихъ. Отсутствіемъ регулирующаго и руководящаго общественнаго мнѣнія въ Германіи объясняется и странная рознь между ея политическими партіями, проявляющаяся между прочимъ и въ полной отчужденности крайнихъ лѣвыхъ партій, прежде всего нѣмецкой социаль-демократіи, отъ реальной политической жизни своей страны. Такъ, напримѣръ, нѣмецкая социаль-демократія, а отчасти и другія лѣвыя партіи Германіи употребляютъ терминъ «regierungsfähig», обозначающій «способный править», какъ презрительный эпитетъ въ примѣненіи къ партіямъ, поддерживающимъ правительство, и этимъ путемъ косвенно характеризуютъ себя самихъ, какъ партіи, неспособныя стать правящими.

Это въ высшей степени характерное явленіе для германской политической жизни совершенно чуждо политической жизни Англіи. Въ Англіи всякая оппозиціонная партія считаетъ себя способной сдѣлаться правящей и стать во главѣ правительства. Притомъ переходъ власти къ оппозиціонной партіи составляетъ предметъ ея гордости, такъ какъ знаменуетъ ея моральную и политическую побѣду. Никто среди англійскихъ политиковъ не видитъ ничего предосудительнаго въ превращеніи оппозиціонной партіи въ правительственную; даже наоборотъ, уваженіе къ партіи, сумѣвшей стать правительственной, обыкновенно увеличивается. Правда, могутъ указать на то, что Англія до сихъ поръ всегда имѣла только двѣ большія политическія партіи, которыя другъ друга смѣняли, становясь поочередно во главѣ правительства. Но въ новомъ парламентѣ, избранномъ въ этомъ году, появилась и самостоятельная рабочая партія. Признавъ своимъ лидеромъ послѣдовательнаго социалиста Кейръ-Гарди, она показала, что въ общемъ, подобно рабочимъ партіямъ на континентѣ, она является социалистической. Тѣмъ не менѣе она вполне опредѣленно поддерживаетъ нынѣшнее либеральное министерство, помогая ему проводить реформы. Солидарность между нынѣшнимъ либеральнымъ кабинетомъ и рабочей партіей обнаруживается также въ томъ, что кабинетъ призналъ своими нѣсколько биллей по рабочему вопросу, выдвинутыхъ рабочей партіей. Последнее обстоятельство особенно замѣчательно потому, что нынѣшнее либеральное министерство располагаетъ въ парламентѣ громаднымъ самостоятельнымъ большинствомъ въ 80 голосовъ и совершенно не зависитъ отъ голосовъ рабочей и ирландской партій. Оно является лишнимъ доказательствомъ того, какое громадное вліяніе въ англійской политической жизни приобретаетъ общественное мнѣніе

страны. Впрочемъ, если принять во вниманіе всѣ традиціи англійской политической жизни, то другихъ отношеній между либеральнымъ министерствомъ и англійской рабочей партіей трудно было и ожидать. Еще до роспуска стараго парламента и избранія новаго, когда либералы имѣли на своей сторонѣ только меньшинство членовъ парламента, представитель рабочихъ Джонъ Бернсъ не задумался поддержать либеральное министерство Кемпбель-Беннермана даже своимъ вступленіемъ въ кабинетъ. Этотъ шагъ Джона Бернса, несомнѣнно, сразу сообщилъ громадный моральный авторитетъ министерству Кемпбель-Беннермана, который помогъ либераламъ одержать побѣду на общихъ выборахъ въ парламентъ; но въ то же время онъ показалъ, что рабочіе депутаты не откажутся отъ самой активной поддержки буржуазныхъ министерствъ, поскольку они будутъ министерствами реформъ.

Также точно и во Франціи мы встрѣчаемъ совсѣмъ другое, чѣмъ въ Германіи, отношеніе со стороны крайнихъ лѣвыхъ партій, не исключая и социалистическихъ, къ вопросу объ участіи въ управленіи страной. Сопоставленіе между Франціей и Германіей въ этомъ отношеніи особенно интересно, такъ какъ французская политическая жизнь по своему типу гораздо ближе подходитъ къ германской политической жизни, чѣмъ къ англійской. Во Франціи даже социалистическія партіи не въ состояніи бороться съ требованіями реальной политики, принуждающими ихъ поддерживать нѣкоторыя «буржуазныя» правительства. Требования эти иногда заставляють ихъ отдѣльныхъ представителей даже вступать въ смѣшанные министерскіе кабинеты, несмотря на то, что въ принципѣ французскія социалистическія партіи отстаиваютъ старыя яacobинскія и бланкистскія традиціи, не допускающія никакихъ компромиссовъ съ нереволюціонными и болѣе умѣренными партіями. Въ послѣднія десятилѣтія французскія революціонныя традиціи получили очень сильную опору и теоретическое обоснованіе въ доктринерскомъ марксизмѣ и теоріи классовой борьбы; тѣмъ не менѣе имъ приходится ступеньваться передъ запросами жизни. Конечно, вступленіе Мильерана въ кабинетъ Вальдека-Руссо еще нельзя считать въ этомъ случаѣ вполне убѣдительнымъ примѣромъ, такъ какъ трудно рѣшить, насколько поведеніе Мильерана обуславливалось его личнымъ честолюбіемъ, и насколько оно было вызвано интересами социализма во Франціи. По крайней мѣрѣ среди различныхъ социалистическихъ фракцій сильную оппозицію вызвало не столько само вступленіе Мильерана въ радикальное министерство, сколько все его поведеніе, какъ министра, и участіе въ томъ министерствѣ, къ которому онъ принадлежалъ, генерала

Галифе. Подъ влияніемъ этой оппозиціи, на амстердамскомъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ, обсуждавшемъ вопросъ объ отношеніи социалистическихъ партій къ современнымъ правительствамъ, получила перевѣсъ нѣмецкая точка зрѣнія. Принятая на конгрессѣ резолюція безусловно осуждаетъ участіе представителей социалистическихъ партій въ буржуазныхъ министерствахъ, хотя бы составленныхъ изъ сторонниковъ радикальных и радикально-социалистическихъ фракцій. Но и теперь, уже послѣ принятія амстердамской резолюціи, мы присутствуемъ при знаменательномъ фактѣ участія социалиста Бріана въ нынѣ находящемся у власти радикально-буржуазномъ министерствѣ Сарьена. Правда, раньше, чѣмъ Бріанъ вступилъ въ это министерство, онъ былъ исключенъ изъ объединенной социалистической партіи за то, что нарушилъ амстердамскую резолюцію, начавъ переговоры относительно своего участія въ образовывавшемся министерствѣ. Однако по поводу этого исключения, особенно той послѣдственности, съ которой оно было произведено, было высказано чрезвычайно интересное предположеніе, что главная цѣль его была облегчить Бріану рѣшеніе взять на себя министерскій портфель. (См. «Frankfurter Zeitung» 13-го марта 1906 г. № 71). Конечно, это предположеніе совершенно неосновательно въ примѣненіи къ носителю французскихъ революціонныхъ традицій и фанатику марксистской доктрины Гэду, который внесъ предположеніе объ исключеніи Бріана. Но число сторонниковъ Гэда среди французскихъ социалистовъ чрезвычайно незначительно. Большинство же, голосовавшее за исключеніе Бріана изъ социалистической партіи, хотя формально основывалось на амстердамской резолюціи, въ дѣйствительности, несомнѣнно, руководилось тѣмъ соображеніемъ, что для социалистической партіи во время предстоящей избирательной кампаніи чрезвычайно выгодно участіе искренняго социалиста въ министерствѣ, а его формальное устраненіе изъ партіи обезпечить социалистической партіи полную свободу и независимость. Доказательствомъ основательности этого предположенія можетъ служить поведеніе самого Бріана, который впередъ заявилъ, что, въ случаѣ своего вступленія въ кабинетъ, онъ самъ выйдетъ изъ социалистической партіи, а затѣмъ очень равнодушно принялъ фактъ своего удаленія изъ партіи. Описанный случай съ Бріаномъ легко можетъ превратиться въ прецедентъ для поведенія французской социалистической партіи и ея членовъ во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ. Очень вѣроятно, что теперь всякій разъ, когда социалистическій депутатъ будетъ принимать министерскій портфель, онъ будетъ формально выходить изъ партіи; но выходъ его изъ партіи не будетъ означать нравственнаго разрыва съ нею и не

будетъ исключать возможности новаго вступленія въ партію по сложеніи съ себя министерскаго званія, конечно, при томъ условіи, если онъ въ бытность свою министромъ своимъ поведеніемъ не скомпрометтируетъ себя передъ своею партіей. Во всякомъ случаѣ французской политической жизни совершенно чужда идея о томъ, что участіе въ правительствѣ, хотя бы и основанномъ на компромиссѣ различныхъ партій, можетъ само по себѣ компрометтировать политическую партію или политическаго дѣятеля.

Благодаря случайному совпаденію, одновременно съ Англіей и Франціей и въ Италіи въ данный моментъ подвергается пересмотру вопросъ объ отношеніи социалистической партіи къ современнымъ парламентарнымъ правительствамъ и притомъ по совершенно аналогичному поводу. Парламентская фракція итальянской социаль-демократической партіи, руководимая Энрико Ферри, рѣшила поддерживать въ отдѣльныхъ случаяхъ министерство реформъ Сонино. Рѣшеніе это настоятельно диктовалось всей совокупностью политическихъ условій, такъ какъ Италія уже давно нуждается въ очень важныхъ политическихъ и социальныхъ реформахъ, а безъ поддержки социалистовъ во главѣ правительства опять стало бы реакціонное министерство Джіолитти, и реформы были бы отсрочены. Тѣмъ не менѣе въ кругахъ социалистической партіи, стоящихъ внѣ парламента, поведеніе парламентской фракціи социалистовъ вызвало неудовольствіе и оппозицію. Теперь все громче раздаются требованія о созывѣ партійнаго конгресса и о подчиненіи тактики парламентской фракціи рѣшеніямъ всей партіи. Особено рѣзкіе нападки возбуждаетъ личность Энрико Ферри, который, какъ лидеръ парламентской фракціи и редакторъ центрального органа партіи «Avanti», наиболѣе виновенъ въ томъ, что руководимая имъ группа социалистическихъ депутатовъ въ итальянскомъ парламентѣ отступила отъ партійной ортодоксіи. Однако, какъ бы ни былъ рѣшенъ въ ближайшемъ будущемъ этотъ вопросъ всей партіей, не подлежитъ сомнѣнію, что парламентская фракція ея гораздо болѣе компетентна въ рѣшеніи его, чѣмъ вся остальная масса членовъ партіи. Поэтому теперешняя позиція этой фракціи въ итальянскомъ парламентѣ въ высшей степени знаменательна. Вмѣстѣ съ вышеприведенными фактами изъ французской и англійской политической жизни она доказываетъ, что амстердамская резолюція, продиктованная не соображеніями практической политики, а извѣстной доктриной, и поддержанная главнымъ образомъ авторитетомъ вожаковъ нѣмецкой социаль-демократіи, совершенно не приспособлена къ условіямъ политической дѣятельности социалистическихъ партій въ конституціонныхъ государствахъ съ парламентарной системой и можетъ быть точно выполнена

только при отсутствіи парламентарной системы, напримѣръ, въ Германіи.

Итакъ, непримиримая позиція нѣмецкой соціально-демократіи, рѣшительное отклоненіе какихъ бы то ни было компромиссовъ и презрительное отношеніе къ вліянію на находящееся у власти правительство страны есть явленіе исключительно нѣмецкой политической жизни. Какъ мы указали выше, оно объясняется тѣмъ, что благодаря крайней розни между отдѣльными слоями общества и народа, общественное мнѣніе страны не выливается въ Германіи въ цѣльное и единое теченіе, опредѣляющее и подчиняющее себѣ политику правительства. Вслѣдствіе этого въ правительствѣ первенствующее мѣсто попрежнему занимаетъ бюрократія, которая приспособляетъ къ себѣ и политическія партіи, желающія получить вліяніе на правительство страны или сдѣлаться правящими. Эта зависимость отъ господствующей въ странѣ бюрократіи, въ которую попадаетъ всякая правящая политическая партія въ Германіи, придаетъ отпечатокъ нравственно-политическаго отверженія эпитету «regierungsfähig».

Ту роль, которую въ Германіи играетъ сословная и классовая рознь, въ Австріи играетъ рознь національная. Выражаясь часто въ самыхъ дикихъ формахъ, она препятствуетъ общественному мнѣнію въ Австріи сдѣлаться господствующимъ факторомъ политической жизни страны, что необходимо привело бы къ парламентарной системѣ.

III.

Все сказанное выше относительно регулирующаго и направляющаго вліянія общественнаго мнѣнія на дѣйствія правительства имѣетъ особенное значеніе для Россіи въ данный моментъ. Потрясенная во всѣхъ основахъ своей государственной жизни Россія нуждается въ преобразованіяхъ, которыя превратили бы ее изъ абсолютно-монархическаго и бюрократическаго государства въ государство дѣйствительно конституціонное и демократическое, что единственно соотвѣтствуетъ ея соціальной структурѣ. Преобразованія эти, которыя произведутъ одинъ изъ величайшихъ переворотовъ въ міровой исторіи, могутъ быть совершены только при содѣйствіи всего общества и народа, такъ какъ только общество и народъ могутъ явиться для нихъ достаточной опорой и только они въ состояніи поддержать спокойствіе въ странѣ, необходимое для осуществленія реформъ. Но это единственное средство для нормальнаго и спокойнаго проведенія совершающагося государственнаго переворота было отвергнуто гр. Витте. Онъ не могъ отрѣшиться отъ своего бюрократическаго прошлаго,

которое у него только и имѣется, а съ бюрократической точки зрѣнія народъ и общество есть только объектъ правительственныхъ мѣропріятій и воздѣйствій. На страницахъ «Полярной Звѣзды» И. И. Петрункевичъ превосходно выяснилъ, что «первой и основной ошибкой гр. Витте было образованіе такъ называемаго «дѣлового», а правильнѣе говоря, бюрократическаго министерства, лишеннаго всякой творческой мысли и всякой способности понять наступающія событія и овладѣть ими». По свидѣтельству И. И. Петрункевича, составляя свое министерство, «гр. Витте, исключалъ самую идею кабинета, то есть единство состава, программы, дѣйствія и отвѣтственности». Такимъ образомъ, если гр. Витте вѣсто того, чтобы стать первымъ министромъ и главою правительства, превратился въ подручнаго министра г. Дурново,—вѣсто того, чтобы попасть въ исторію, какъ реформаторъ и преобразователь Россіи, войдетъ въ нее всѣми презираемый и ненавидимый, подобно Плеве и Дурново, то вина въ этомъ самого гр. Витте. Онъ не счумѣлъ даже понять, что не бюрократическими приѣмами и полицейскими репрессіями можно совершить тотъ переворотъ, который разъ навсегда долженъ избавить Россію отъ произвола и бюрократіи. Можно только поражаться не то полному невѣжеству, не то циничной наглости гр. Витте, когда онъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ «Daily Telegraph» Диллономъ выдвигаетъ свои заслуги, какъ единственнаго государственнаго чловѣка, который идетъ своею дорогой и осуществляетъ «реформы», никѣмъ не поддерживаемый и лишенный чьего бы то ни было сочувствія. Но личность гр. Витте теперь насъ мало можетъ интересовать; для русскаго общества онъ уже конченный чловѣкъ. Такъ какъ въ данный моментъ уже не подлежитъ сомнѣнію, что первая Государственная Дума будетъ дѣйствительно выражать общественное мнѣніе страны и, опираясь на него, пріобрѣтетъ авторитетное и властное положеніе, то она, конечно, прежде всего вѣстѣ съ г. Дурново устранить и гр. Витте, давъ этимъ удовлетвореніе русскому обществу и уничтоживъ главное препятствіе къ спокойному проведенію государственнаго преобразованія и социальныхъ реформъ въ Россіи.

Насъ интересуеъ здѣсь не частный вопросъ о такомъ или иномъ, удачномъ или неудачномъ, образованіи министерства, а общій вопросъ о наилучшей организаціи правительства вообще и его наиболѣе активнаго элемента — министерства, въ частности. Даже самое идеальное народное представительство нуждается въ дополняющемъ его правительствѣ, которое пользовалось бы достаточнымъ довѣріемъ страны и обладало бы необходимой энергіей и активностью, чтобы быть въ состояніи выполнить всѣ постановленія народнаго предста-

тельства. Поэтому вопросъ объ организаціи правительства и министерства не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ объ организаціи народнаго представительства. Для Россіи это въ данный моментъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, такъ какъ въ Россіи всѣ государственныя и социальныя отношенія должны теперь складываться на-ново. Мы видимъ, что и нашъ «старый порядокъ», принимаясь за государственную реорганизацію Россіи, стремится удовлетворить также и эту потребность. Уже въ указѣ 12-го декабря 1904 года среди другихъ реформъ была намѣчена также реорганизація комитета министровъ, а одновременно съ манифестомъ 17-го октября издается Высочайшее повелѣніе о принятіи мѣръ «къ объединенію дѣятельности министровъ».

Приступая къ этому вопросу, прежде всего приходится отвергнуть то рѣшеніе его, которое дано въ извѣстномъ проектѣ группы членовъ «союза освобожденія» и сохранено также при переработкѣ этого проекта «комиссіей бюро общеземскихъ сѣздовъ». Авторы этого проекта признаютъ желательной парламентарную систему для организаціи министерства въ Россіи, причемъ исходятъ изъ того положенія, что эта система не можетъ быть прямо предписана параграфами конституціи, а только косвенно подготовлена ими. Сходясь въ этихъ основныхъ положеніяхъ съ авторами проекта, я не могу, однако, согласиться съ ними въ томъ, что всѣ предлагаемыя ими законодательныя нормы дѣйствительно будутъ способствовать развитію парламентарной системы. Поскольку этими конституціонными нормами по образцу французскихъ учредительныхъ законовъ предписывается образованіе совѣта министровъ, солидарная отвѣтственность всѣхъ министровъ и даже выдѣляется предсѣдатель совѣта министровъ, постольку онѣ, несомнѣнно, могутъ готовить парламентарный режимъ. Но та роль, которая предназначается предсѣдателю совѣта министровъ въ параграфѣ, опредѣляющемъ, что «одинъ изъ министровъ, предсѣдательствующій въ совѣтѣ ихъ, носить званіе государственнаго канцлера, прочіе министры назначаются по его представленію», и которая, по мысли авторовъ проекта «обеспечивая согласованность дѣятельности министровъ», должна «способствовать развитію парламентарнаго режима»,—по моему мнѣнію, необходимо приведетъ къ прямо противоположнымъ результатамъ. Путемъ назначенія, а слѣдовательно—при частичныхъ кризисахъ—и увольненія всѣхъ остальныхъ министровъ по представленію государственнаго канцлера создадутся согласованность и единство дѣятельности министерства бюрократическаго, а не парламентарнаго типа. При такихъ условіяхъ министры будутъ подчиненными государственнаго канцлера, и все министерство будетъ представлять

изъ себя какъ бы его канцелярію. Такая организація министерства существуетъ, какъ мы видѣли, въ Германіи и нисколько не способствуетъ тамъ развитію парламентарнаго режима. Но если въ Германіи, какъ въ союзномъ государствѣ, такая форма министерства, по крайней мѣрѣ, не приводитъ къ дальнѣйшему усиленію власти имперскаго канцлера, такъ какъ она умиряется союзнымъ совѣтомъ, председателемъ котораго онъ состоитъ, то въ Россіи организація министерства на такихъ началахъ можетъ привести къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. При страшной централизаціи правительственной системы въ Россіи государственный канцлеръ легко можетъ превратиться въ нѣчто вродѣ вице-императора. Онъ будетъ обладать громадными полномочіями и сможетъ, конечно, расширять и увеличивать эти полномочія. Это будетъ зависѣть несомнѣнно отъ того, въ какія руки попадетъ власть государственнаго канцлера и каковъ будетъ характеръ остальныхъ носителей верховной государственной власти, т. е. народного представительства и главы государства. Но, тая въ себѣ величайшія опасности для свободнаго политическаго и социальнаго развитія Россіи, должность государственнаго канцлера въ такомъ видѣ не давала бы даже элементарныхъ гарантій не только парламентарнаго, но даже просто конституціоннаго строя. Она не гарантировала бы даже такой политической отвѣтственности министровъ, какая существуетъ въ Германіи и Австріи.

Формально во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, независимо отъ того, развилась ли въ нихъ парламентарная система или нѣтъ, существуетъ одна и та же политическая отвѣтственность министровъ: она заключается въ обязанности министровъ отвѣчать на запросы членовъ парламента и выслушивать ихъ критику. Вездѣ также эта отвѣтственность распространяется на всю дѣятельность правительства, т. е. какъ на акты главы государства, скрѣпляемые подписью того или другого министра, такъ и на дѣйствія отдѣльных министровъ и общую политику всего министерства. Въ тѣхъ странахъ, однако, въ которыхъ не развилась парламентарная система, какъ въ Германіи и Австріи, порицаніе, высказанное большинствомъ народного представительства политикѣ министерства не влечетъ за собою смѣну министерствъ, т. е. лицъ облеченныхъ министерскими полномочіями, а заставляетъ данный составъ министерства измѣнять свою политику и приспособлять ее къ желаніямъ народного представительства. Такіе результаты министерской отвѣтственности, конечно, менѣе осязательны и труднѣе контролируемы. Но и они все таки являются нѣкоторой гарантіей нормальнаго политическаго и социальнаго развитія страны.

Между тѣмъ при тѣхъ громадныхъ полномочіяхъ, которыми «проектъ

основного закона Россійской Имперіи» снабжаетъ государственнаго канцлера Россіи, даже эти жалкіе результаты, по моему глубокому убѣжденію, никогда не будутъ достигаться. Благодаря своей громадной власти государственный канцлеръ просто игнорировалъ бы мнѣніе народнаго представительства, уклоняясь даже отъ прямыхъ объясненій и поручая вести переговоры съ нимъ своимъ подчиненнымъ министрамъ. Такимъ образомъ, хотя «проектъ основного закона» очень опредѣленно и рѣшительно устанавливаетъ отвѣтственность министровъ, а его авторы отдѣльными статьями его имѣли въ виду способствовать развитію парламентарной системы, фактически онъ не только не приведетъ къ развитію парламентарной системы, но даже не сможетъ гарантировать самой минимальной отвѣтственности министровъ. Если бы этотъ проектъ сдѣлался дѣйствующимъ закономъ, то отвѣтственность министровъ оказалась бы иллюзіей.

Особенно крупнымъ недоразумѣніемъ, въ которое впали составители проекта, нужно считать объединеніе въ проектѣ солидарной отвѣтственности министровъ, съ одной стороны, и назначеніе остальныхъ министровъ по представленію канцлера, съ другой. Солидарная отвѣтственность можетъ существовать только въ товарищеской коллегіи, а не въ коллегіи, состоящей изъ начальника и подчиненныхъ, въ которой отвѣтственность подчиненныхъ будетъ покрываться отвѣтственностью начальника. Въ дѣйствительности парламентарныя министерства, какъ я старался показать, представляютъ изъ себя товарищескія коллегіи по преимуществу, благодаря чему даже правила о большинствѣ и меньшинствѣ занимаютъ въ нихъ подчиненное положеніе по отношенію къ чувству товарищеской солидарности. Также точно и назначеніе парламентарнаго министерства происходитъ по иной системѣ, чѣмъ предложеная «Проектомъ основного закона», такъ какъ приглашеніе вождя какой нибудь парламентской партіи составить министерство совѣтъ не равнозначуще назначенію его первымъ министромъ, а затѣмъ, по его представленію, всѣхъ остальныхъ министровъ. Задача такого вождя заключается въ томъ, чтобы сговориться съ другими представителями своей партіи или съ вожаками родственныхъ фракцій и составить изъ нихъ пользующуюся довѣріемъ большинства парламента товарищескую коллегію, члены которой затѣмъ и получаютъ назначеніе на министерскіе посты одновременно съ самымъ министромъ-премьеромъ.

Гдѣ же причина столь неудачной формулировки статей «Проекта основного закона», касающихся отвѣтственности министровъ? Ее надо искать въ стремленіи составителей проекта обезпечить прежде всего единство и солидарность министерства. Считаю послѣднія главнымъ

средствомъ къ достиженію парламентарной системы, составители проекта обратили на нихъ особенное вниманіе. Мы видѣли, что «мѣры къ объединенію дѣятельности министровъ» составляютъ также главное содержаніе и Высочайшаго повелѣнія. Это поразительное совпаденіе объясняется несомнѣнно общимъ желаніемъ устранить одно изъ важнѣйшихъ золъ русской государственной жизни—отсутствіе солидарности между министрами, ихъ стремленіе забѣгать впередъ и выхлопывать спеціальныя Высочайшія повелѣнія, интриги между ними. Но выше мы установили, что солидарность и единство министерства есть слѣдствіе парламентарной системы, а не причина ея. Они не могутъ быть декретированы ни статьями конституціонныхъ хартій, ни распоряженіями главы государства. Вышеприведенный анализъ парламентарной системы показалъ, что для образованія солидарнаго и единаго министерства нужно, чтобы оно въ своей дѣятельности и общей политикѣ опиралось на общественное мнѣніе страны, выражаемое большинствомъ въ народномъ представительствѣ. Если ужъ задаваться цѣлью косвенно способствовать путемъ отдѣльныхъ статей конституціонныхъ хартій или другихъ основныхъ законовъ образованію парламентарныхъ министровъ, то добиваться осуществленія этой цѣли надо соотвѣтственными средствами. Между тѣмъ, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для этой цѣли было бы устраненіе возможности образованія бюрократическихъ министерствъ и созданіе болѣе тѣсной связи между министерствомъ и народнымъ представительствомъ, но ни въ какомъ случаѣ не усиленіе власти министра-премьера и сообщеніе ей бюрократическаго характера. Когда въ странахъ, не успѣвшихъ развить у себя парламентарной системы, желаютъ создать министерство, которое игнорировало бы большинство въ народномъ представительствѣ и общественное мнѣніе страны, то обыкновенно назначаютъ такъ называемое «дѣловое министерство», составляя его исключительно изъ чиновниковъ. Мы видѣли, что и г. Витте, желая уклониться отъ образованія конституціоннаго министерства, опирающагося на общественное мнѣніе страны, поспѣшилъ создать «дѣловое министерство.» Этотъ первый опытъ приспособленія русскихъ бюрократическихъ учрежденій къ конституціоннымъ формамъ, произведенный главою русской бюрократіи, долженъ послужить предостереженіемъ сторонникамъ демократіи въ Россіи.

Русской демократіи необходимо оградить Россію отъ бюрократическихъ министерствъ. Но достигнуть этого можно только въ томъ случаѣ, если въ русскую конституцію будетъ включено постановленіе, предписывающее чтобы министерства составлялись хотя бы отчасти изъ лицъ, названныхъ въ рескриптѣ 18-го февраля 1905 года «до-

стойнѣйшими, довѣріемъ народа облеченными, избранными отъ населенія людьми,» а не изъ чиновниковъ. Совершенно недостаточно допустить лишь возможность назначенія народныхъ представителей министрами, какъ это предусматривается 18-ой статьей Учрежденія Государственной Думы 20-го февраля 1906 г., (что, впрочемъ, является значительнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ положеніемъ о Государственной Думѣ 6-го августа 1905 г.). Нужно болѣе опредѣленно и рѣшительно связать министерство съ народнымъ представительствомъ и создать такимъ образомъ правительство, дѣйствительно отвѣтственное передъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Единственнымъ средствомъ для этого является статья конституціи, которая прямо предписывала бы назначеніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ министровъ изъ народныхъ представителей.

Такая статья русской конституціи отнюдь не была бы совершенной новинкой, не встрѣчающейся въ другихъ конституціяхъ. Хорошій примѣръ Европѣ въ этомъ отношеніи уже подала Австралія. Въ 1900 году была утверждена, а съ 1-го января 1901 года вступила въ силу конституція Австралійскихъ соединенныхъ штатовъ, которые приняли названіе Австралійскаго Союза — The Commonwealth of Australia; они составляютъ колонію Англіи и верховная власть въ нихъ принадлежитъ англійской коронѣ. Въ этой конституціи послѣдній параграфъ 64-ой статьи гласитъ: «ни одинъ министръ не долженъ сохранять своей должности дольше трехъ мѣсяцевъ, если онъ не состоитъ или не будетъ избранъ сенаторомъ или членомъ палаты депутатовъ.» Здѣсь мы имѣемъ первый примѣръ косвеннаго декретирования парламентарной системы самою конституціонною хартіей. Примѣненіе вышеприведенной статьи не вызвало до сихъ поръ никакихъ затрудненій. Правда, австралійская конституція очень молода, и цѣнность отдѣльныхъ статей ея еще не успѣла быть провѣренной на опытѣ. Однако можно съ увѣренностью сказать, что эта статья и въ будущемъ приведетъ только къ благимъ результатамъ.

Но, конечно, условія общественной, государственной и международной жизни на европейскомъ континентѣ нѣсколько другія, чѣмъ въ Австраліи, гдѣ теперь весь континентъ занятъ однимъ государствомъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ въ силу обычнаго права министрами назначаются почти исключительно члены одной изъ двухъ палатъ, часто встрѣчались неудобства при назначеніи военнымъ министромъ депутата или сенатора, и тогда приходилось дѣлать отступленія отъ этого правила; затрудненія возникали также при частой смѣнѣ министерствъ вслѣдствіе отсутствія болѣе постоянного руководителя иностранной политики. Однако при выработкѣ русской кон-

ституціи можно воспользоваться всѣмъ этимъ опытомъ и выдѣлить портфели министровъ военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ, предоставивъ ихъ исключительно спеціалистамъ. Зато для портфелей министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ наиболѣе подходящихъ лицъ можно найти только среди народныхъ представителей. Нѣтъ необходимости стремиться непременно къ наиболѣе радикальному рѣшенію вопроса, достаточно опредѣлить, что предсѣдатель совѣта министровъ обязательно долженъ назначаться изъ среды народныхъ представителей, и что половина всего числа министерскихъ портфелей, т. е. пять изъ десяти, или шесть изъ двѣнадцати, и среди нихъ обязательно портфели министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ должны вручаться народнымъ представителямъ,—и Россіи будетъ гарантировано дѣйствительно отвѣтственное министерство.

Но какъ ни важно гарантировать демократическія учрежденія статьями конституціи, не въ ней центръ тяжести демократическаго строя. Даже самая лучшая конституціонная хартія можетъ оказаться «бумажной конституціей», а, съ другой стороны, очень плохіе конституціонные законы при своемъ примѣненіи могутъ, благодаря расширительному толкованію, привести къ самымъ свободнымъ учрежденіямъ. Выше мы видѣли, что даже такая основа всякой демократической формы правленія, какъ парламентарная система, создается и функционировать не въ силу законодательныхъ нормъ, а вслѣдствіе постепенныхъ завоеваній общественнымъ мнѣніемъ страны опредѣляющаго вліянія на составъ и политику правительства. Что именно организованность и мощь общественного мнѣнія являются творцомъ и главной опорой конституціоннаго строя, необходимо твердо помнить, особенно въ данный моментъ въ Россіи. Въ Россіи на лицо всѣ условія для созданія широкаго свободолюбиваго и демократическаго общественного мнѣнія, которое смогло бы объединить большинство русскаго общества и народа. У насъ не было и нѣтъ вліятельной аристократіи, и для нашей буржуазіи историческими условіями не подготовлено господствующее мѣсто, которое она могла бы занять, подражая аристократіи и идя по ея стопамъ. Въ силу всего прошлаго Россіи, всѣхъ ея историческихъ судебъ, буржуазія, подобно аристократіи, можетъ имѣть у насъ только очень скромное и второстепенное значеніе. Поэтому и въ дальнѣйшемъ развитіи Россіи вѣроятно будетъ чужда та страшная междусословная и междуклассовая рознь, которая царитъ въ Германіи, гдѣ очень малочисленный верхній слой общества захватилъ въ свои руки всю власть и относится съ полнымъ пренебреженіемъ къ общенароднымъ интересамъ. Всѣ увѣренія нѣкоторыхъ представителей нашихъ крайнихъ партій, что въ Россіи уже теперь существуютъ

такія же непримиримыя классовыя противорѣчія, какъ въ Германіи, что между стремленіями рабочаго класса и стремленіями большинства общества лежитъ цѣлая пропасть, основаны не на наблюденіи дѣйствительныхъ отношеній; они не составляютъ вывода, сдѣланнаго изъ фактовъ нашей общественной жизни, а являются продуктомъ чисто теоретическихъ построеній. Наши проповѣдники классовой розни лучше всего сами это доказываютъ, направляя свою полемику не противъ дѣйствительныхъ представителей буржуазіи, а исключительно противъ такихъ же, какъ они, представителей демократической интеллигенціи, но стоящихъ на неклассовой точкѣ зрѣнія. Очевидно они не находятъ нужнымъ считаться съ дѣйствительной буржуазіей, такъ какъ сами не видятъ въ ней крупной политической силы.

Будущее принадлежитъ въ Россіи не аграрной и промышленной буржуазіи, а широкимъ народнымъ массамъ, живущимъ собственнымъ трудомъ. Въ это твердо вѣрить вся русская интеллигенція, къ какимъ бы направленіямъ и партіямъ она ни примыкала. Эта вѣра уже создала единство между интеллигенціей и народными массами и сообщила имъ ту моральную и матеріальную силу, которая привела къ крушенію самодержавнаго строя. Теперь наступилъ чрезвычайно важный моментъ для созданія могучаго и солидарнаго общественнаго мнѣнія въ пользу демократическаго соціальнаго и политическаго строя. Всѣ демократическіе и радикальные элементы и партіи должны сплотиться на организаціи всѣхъ общественныхъ силъ и прежде всего народныхъ массъ для выработки широкаго и властнаго общественнаго мнѣнія. Тогда Россія будетъ имѣть и демократическую конституцію, и ответственное передъ народомъ правительство, и истинное народное представительство.

Б. Кистяковскій.

Два пути русскаго социализма.

I.

Кажется, нигдѣ въ мірѣ социализмъ—какъ настроеніе и идея—не прививается съ такой легкостью, какъ у насъ, въ самодержавной Россіи. До сихъ поръ, собственно говоря, за исключеніемъ кружка англомановъ и небольшой кучки создательныхъ мракобѣсовъ, у насъ не было ни одной партіи, не „зараженной“ такъ или иначе социализмомъ. Идеаль соціального равенства такъ крѣпко сросся съ сознаниемъ, что сталъ даже своего рода оселкомъ для испытанія политической порядочности. Кто спорилъ противъ этого идеала, на того въ интеллигентныхъ кружкахъ—въ нашихъ русскихъ политическихъ скитахъ—тотчасъ же начинали коситься: ужъ не сыщикъ ли, кто его разбереть? Въ литературѣ только то нравилось, въ чемъ ощущался жгучій вкусъ социализма. Недаромъ даже ярымъ реакціонерамъ приходилось посыпать свою проповѣдь поддѣльнымъ социалистическимъ перцомъ. Наивный человѣкъ чувствовалъ, что ему языкъ щиплетъ и, успокоенный, глоталъ угощеніе. Почитайте-ка защитниковъ византизма. У нихъ часто не сразу и разберешь, чего имъ хочется—социалистической фаланстеры или новой казармы для городскихъ. То и дѣло съ умиленіемъ говорится, что идеаль стараго строя—водворить полное равенство, правда подъ надзоромъ начальства, но зато безъ соціальныхъ противорѣчій. Грѣхъ Европы въ томъ и усматривался, что тамъ произошло разслоеніе, появились нищета и богатство, горсть хозяевъ и армія пролетаріевъ. Съ какимъ огнемъ святого народолюбія, съ какой грустью о „разваливающейся“ Европѣ изображаетъ этотъ грѣхъ Достоевскій!

На Западѣ съ идеями социализма, немедленно по ихъ появленіи, столкнулись интересы имущихъ. Идеаль соціального

равенства выступилъ на политическую арену не въ качествѣ безплотной мечты, а въ осязательномъ костюмѣ бойца. Его встрѣтили съ такими же чувствами, какъ если бы столкнулись съ разбойникомъ. До сихъ поръ въ умѣ широкихъ слоевъ еще не стерся отпечатокъ испуга, и социализмъ не отдѣляется отъ разбоя. Не будь этой роковой встрѣчи, несомнѣнно, что социалистическія идеи не встрѣчали бы даже до настоящаго времени такого стойкаго и тупого противодействія. Потому что:

Leicht bei einander wohnen die Gedanken
Doch hart im Raume stossen sich die Sachen.

Заблужденіе никогда не бываетъ столь цѣпкимъ, какъ реальные житейскіе интересы.

У насъ, до прошлаго года, не было и не могло быть той встрѣчи, которая такъ испугала Европу. Социализмъ къ намъ донесся въ видѣ идеи и очень скоро прососался въ наше сознание. Просачиваніе социалистическихъ настроеній, быть можетъ, продолжалось бы и впредь столь же успѣшно, если бы не злополучная тактика нашихъ русскихъ социалистическихъ партій, сразу пробудившая къ жизни дремавшіе житейскіе интересы и заставившая ихъ чутко насторожиться.

Европейскій политическій социализмъ, несмотря на свой революціонный костюмъ, давно уже пересталъ быть страшилищемъ. У него свирѣпый языкъ, но очень незлобное поведеніе. Прежде всего, западный социализмъ давно уже отвыкъ отъ манеры приставлять ножъ къ горлу имущихъ, хотя бы даже и въ фигуральнѣйшемъ смыслѣ. Когда онъ говоритъ объ экспроприаціи, о захватѣ средствъ производства, къ которому прибѣгнетъ пролетаріатъ—всѣмъ извѣстно, что это „музыка будущаго“, что никого грабить не собираются, а говорятъ о сложномъ процессѣ, о будущихъ законодательныхъ мѣрахъ, никому не угрожающихъ раззореніемъ. Революціоннѣйшій изъ революціонныхъ писателей, правовѣрный социаль-демократъ Каутскій, и тотъ краснорѣчиво подчеркиваетъ, что экспроприація произойдетъ путемъ выкупа. Говорится это въ брошюрѣ съ необычайно грознымъ заглавіемъ „О социальной революціи“. Естественно, что такого рода переворотъ, къ тому же отодвинутый въ будущее и изображаемый, какъ конечный этапъ грандіознаго процесса развитія,—неспособенъ никого напугать.

Въ настоящемъ же поведеніе социалистовъ еще болѣе

невиннаго свойства. Они — вѣрные защитники демократіи, упорные борцы за свободу. Одна изъ главныхъ заслугъ германской соціаль-демократіи—ея борьба съ правительственной реакціей. Недаромъ Моммзенъ замѣтилъ, что въ Германіи соціалистическая партія—единственная защитница либерализма. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ имъ не провести своихъ кандидатовъ, соціалисты голосуютъ за либераловъ — свободомыслящую народную партію и союзъ свободомыслящихъ, — хотя эти двѣ нѣмецкія копіи лѣвой части союза 17 октября предпочитаютъ голосовать за консерваторовъ, только бы не пропустить соціалиста.

Что касается экономической области, то здѣсь тактика соціалистовъ не уклоняется отъ тактики демократовъ, заслуживающихъ такого названія. Отстаивать въ предѣлахъ возможнаго интересъ рабочаго класса—таковъ руководящій девизъ. Соціалисты борются за всѣ мѣры, улучшающія положеніе рабочихъ: за сокращеніе рабочаго дня, за законодательную охрану рабочихъ, за пенсіи, за государственное страхованіе. Всѣмъ извѣстна щепетильная осторожность, съ какой западные рабочіе прибѣгаютъ за послѣднее время къ забастовкамъ. И тутъ соціалистическія партіи стараются итти рука объ руку съ могущественными профессиональными союзами, которые не слишкомъ то склонны рисковать зря, не взвѣсивъ всѣхъ шансовъ.

Главное орудіе соціалистовъ — неумолимая идейная пропаганда и идейное „революціонизированіе“ народа. Постоянно повторяется лозунгъ, что высшая задача соціаль-демократіи „произвести революцію въ умахъ“, укоренить въ народномъ сознаніи пониманіе и симпатіи къ соціализму.

Ортодоксальные марксисты увѣрены, что никто, за исключеніемъ пролетаріевъ, не способенъ воспріять эти симпатіи, потому-де, что „идеологія класса опредѣляется его интересами“. Но дѣйствительность не соглашается съ догмой. Она — неисправимая еретичка. Въ рядахъ соціалистическихъ партій чрезвычайно много не пролетаріевъ. Напримѣръ, въ германской соціаль-демократіи такихъ непролетарскихъ „товарищей“, повидимому, около половины. Не говоря уже о „буржуазной интеллигенціи“, здѣсь фигурируютъ разнообразнѣйшіе слои, отъ крестьянъ до крупныхъ промышленниковъ. Подъ краснымъ знаменемъ германскаго соціализма, очевидно, объединяются всѣ тѣ, кто сочувствуютъ развитію обществен-

ности въ сторону социализаціи производства при растущей демократизаціи государства. По отношенію къ подобной настроенности, несомнѣнно, вся партія однородна. И несомнѣнно, что у кого есть эта настроенность, тотъ съ полнымъ правомъ можетъ считать себя и считаться вполне хорошимъ „товарищемъ“, т. е. членомъ социаль-демократической партіи.

Разногласія въ средѣ социалистовъ и постоянныя перекоры на партейтагахъ лучший доводъ въ пользу того, что нѣмецкая социаль-демократія—развивающійся живой организмъ, а не застывшій катехизисъ марксизма. Но если бы теоретическія послышки и остались во всей своей неприкосновенности, то все же жизнь партіи—въ ея воздѣйствіяхъ на общественное сознаніе, въ тѣхъ толчкахъ, которые она даетъ обществу въ сторону социализаціи и демократизаціи.

Скажу тутъ же, забѣгая впередъ, что такой социалистической партіи въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ. У насъ есть бланкистское настроеніе въ сомнительномъ марксистскомъ костюмѣ. Такова наша русская социаль-демократія.

II.

Объ ошибкахъ русскаго социализма, объ его тактическихъ промахахъ уже много писалось и говорилось. Мнѣ не хотѣлось бы повторять уже сказаннаго. Перехожу прямо къ тому, что считаю существомъ дѣла, основной исходной ошибкой. Наши русскія социалистическія партіи нанесли ударъ социализму, психологически его изолировавъ. Между нимъ и всенароднымъ сознаніемъ они поставили высокий барьеръ и этимъ задержали процессъ, который раньше протекалъ безпрепятственно. Въ атмосферѣ, уже пропитанной настроеніями, чрезвычайно благоприятными для того, чтобы социализмъ укоренялся и росъ, они вызвали глубокое возмущеніе и искусственно добились того, что такъ долго заглаживалось на Западѣ: испуга крупныхъ группъ населенія и недовѣрія къ тенденціямъ социализма.

Вся задача политическихъ партій—укоренить въ психикѣ массъ тяготѣніе къ опредѣленнымъ идеямъ. Это дѣлается не такъ просто, какъ кажется. Завоевать довѣріе населенія, сросить его съ своимъ идеаломъ, произвести не поверхностную только, но глубокую, захватывающую всю душу, революцію въ народномъ сознаніи—задача несравненно труд-

нѣйшая, чѣмъ съагитировать сто тысячъ людей и увлечь ихъ зажигающимъ лозунгомъ. Для того, чтобы создать настроеніе, которое срослось бы съ инстинктами—необходимы годы работы, нужна долгая серьезная школа, длительный процессъ всасыванія—и не только отвлеченныхъ идей, но и конкретныхъ волевыхъ навыковъ. Потребна, какъ выражается Плехановъ, предметная система обученія.

„Я хорошо знаю—пишетъ Плехановъ ¹⁾—что предметные уроки несравненно полезнѣ всякихъ другихъ. Это значитъ вотъ что. Народъ имѣетъ политическій предрассудокъ... Какъ разрушить этотъ предрассудокъ? Посредствомъ предметнаго урока, путемъ нагляднаго обученія. „Ты думаешь, что это такъ? Испробуй предметъ твоей вѣры на дѣлѣ. Ты увидишь, что ты ошибался“. Какъ убѣдить тянущагося къ огню ребенка въ томъ, что огонь жжется? Дайте ему прикоснуться къ огню, и онъ пойметъ вась въ одно мгновеніе. Вотъ то же и въ политикѣ, то же и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о разрушеніи политическихъ предрассудковъ народа“.

Надо воспитать вѣру, что предрассудокъ, дѣйствительно, предрассудокъ, что онъ гибеленъ для интересовъ народа и что, напротивъ, идеалъ партіи всегда всегда толкаетъ туда, гдѣ находится приростъ благоденствія. Допустимъ, что марксизмъ правъ. Допустимъ, что социальная психологія всегда опредѣляется интересами, что искренно впитать социализмъ можетъ только пролетарій, наймитъ. Даже и въ такомъ случаѣ русскій социализмъ заблудился. Поссоривъ пролетаріатъ съ массами, политически его изолировавъ, увлекши въ непосильныя схватки и проведя сквозь рядъ поражений, онъ подорвалъ вѣру въ себя даже въ пролетарскихъ слояхъ. Тактикой угрозъ и набѣговъ, затронувшихъ широкіе интересы и потому вызвавшихъ подавленія, онъ сыгралъ въ руку реакціоннымъ тенденціямъ. Самимъ же увлекаемымъ пролетаріямъ онъ далъ чувствительный „наглядный урокъ“—но только не въ желаемомъ смыслѣ, а, къ сожалѣнію, въ совершенно противоположномъ. Рабочіе на своей спинѣ испытали, что ихъ социалистическіе вожди заставляютъ ихъ обжигаться. Немудрено, что послѣ cadaго пораженія росли „черныя сотни“.

Соціалисты не должны забывать, что они по преимуще-

¹⁾ Дневникъ соціалъ-демократа, № 5, стр. 35.

ству—воспитатели, что они борцы съ предрасудками и насадители тенденцій и навыковъ. Тѣмъ и могучъ западный социализмъ, что онъ этого ни на минуту не забываетъ. Борьба его идетъ на два фронта; пролетаріямъ онъ прививаетъ свои идеи, а въ остальныхъ, непролетарскихъ кругахъ старается ослабить тенденціи, враждебныя тенденціямъ социализма. Выражая свою мысль въ такой формѣ, я собственно иду на уступки традиціонному марксистскому пониманію. Если заглянуть глубже, то и тутъ, и тамъ процессъ одинаковъ. Идетъ борьба съ старыми предрасудками, враждебными тенденціямъ социализма, и прививаются социалистическія идеи—система новыхъ навыковъ и сочувствій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ пролетарской средѣ ассимиляція протекаетъ успѣшнѣе. Но и въ другихъ слояхъ она происходитъ, и недоверіе къ тенденціямъ социализма, злобное противодѣйствіе имъ, несомнѣнно съ каждымъ днемъ убываетъ. Отрывая социалистически-чувствующихъ отъ всей массы прочихъ людей и толкая ихъ въ борьбу со всѣмъ міромъ—русскіе социалистическіе вожди совершаютъ непростительную ошибку: они сами подрываютъ подъ собой почву. Къ сожалѣнію, слѣпота ихъ упорная. Я боюсь, что она неизлечима.

Что сдѣлали у насъ социалисты? Они забыли о томъ, что они—горсточка въ морѣ, что вокругъ русской социалистической партіи стоитъ многомилліонный народъ, едва тронутый политическимъ воспитаніемъ, съ глубокими и цѣпкими предрасудками. Много ли сознательныхъ прогрессистовъ, не говорю уже сознательныхъ социалистовъ—хотя бы даже въ пролетарской средѣ? Политическое воспитаніе Россіи только-только, можно сказать, начинается. При такихъ условіяхъ отрывать себя отъ народа, вступать въ вражду съ тѣми тенденціями, которыя организуютъ его и борятся съ его предрасудками, (нападки на „буржуазный“ либерализмъ) значитъ покушаться на самоубійство. Этотъ героическій актъ и былъ выполненъ нашими социалистами. А ихъ упорство въ ослѣпившихъ ихъ заблужденіяхъ, къ сожалѣнію, заставляетъ предполагать, что и впредь наши социалистическія партіи не окажутся на высотѣ положенія. Для искреннихъ друзей социализма открывается одна только возможность — создавать новую партію, по существу аналогичную западнымъ. Тѣмъ настойчивѣй такая потребность, что къ чисто-политическимъ нуждамъ здѣсь примѣшиваются и нужды культурныя.

III.

Русская социаль-демократія—это новая личина народничества. Снимите иностранную маску и вы увидите знакомую физиономію. Недаромъ даже костюмъ такъ упрямо вязнетъ въ традиціяхъ. Лохматая народническая грива и мятая цвѣтная рубашка—настолько же костюмъ социаль-демократіи, какъ были раньше формой народничества. Только по второстепеннымъ деталямъ, уловляемымъ лишь опытнымъ глазомъ, внѣшность социалиста-марксиста разнится отъ обличья народника. Кто не мастеръ разбирать въ петличкахъ, не можетъ не попасть въ просакъ, проглядѣвъ отъѣнокъ научности—видовой признакъ и гордость марксиста.

Всего болѣе роднитъ обѣ партіи глубокая индифферентность въ культурѣ, выходящей за предѣлы политики. Оговариваюсь: и тутъ есть отличія. Народникъ ненавидитъ эту культуру, марксистъ пренебрежительно игнорируетъ. Для народника философія и искусство — дрянная блажь, барскія выдумки: „съ жиру бѣсятся проклятые кровопійцы“. Для марксиста же—вѣдь онъ хоть что нибудь да читалъ!—весь этотъ „тьфу, эстетизмъ“, вся эта „тьфу, философія“, какъ картинно выражался г. Ленинъ — особый видъ „мѣщанской идеологіи“, интересный не самъ по себѣ, по своему духовному содержанію, а единственно какъ показатель и выразитель буржуазнаго душевнаго строя. Но недаромъ буржуа обреченъ. Вся его душевная жизнь скоро полетитъ къ чорту, рука объ руку съ прибавочной цѣнностью. Къ чему же удѣлять ей вниманіе, тѣмъ болѣе, что не такое теперь время, чтобы тратить силы на „отвлеченную ерунду“, когда есть задачи болѣе неотложныя, напр., фракціонныя разногласія.

Русскій политическій социализмъ былъ всегда религіей молодежи. Онъ расцвѣталъ на школьной скамьѣ и осыпался послѣ первыхъ же заморозковъ. На многое изъ психологіи социалистовъ и изъ тактики социалистическихъ партій бросаетъ свѣтъ эта особенность. Статистика партійныхъ работниковъ привела бы къ примѣчательнымъ результатамъ. Средній возрастъ русскаго социалиста врядъ ли выше 20—21 года. Руководители, конечно, постарше, но кружковая эмигрантская атмосфера—лучшій эликсиръ юности. Къ тому же безпощадный подборъ, выбрасывавшій за бортъ партіи вся-

каго, кто тяготѣлъ къ ересямъ, очищаль ряды социализма отъ слишкомъ безпокойныхъ умовъ.

Молодежь по преимуществу импульсивна. Она живетъ порывами воли, и только волю цѣнить и уважаетъ. Не отсюда ли благоговѣніе социалистовъ передъ своимъ партійнымъ „начальствомъ“ — людьми негнушейся воли, исключительнаго властолюбія и упорства, при зачастую очень дюжинномъ мозгѣ.

Самъ стиль партійной литературы—угловатый, грубый, стремительный, стиль безъ оговорокъ и аргументовъ,—кричить о первенствѣ воли. Такъ пишутся приказы по арміи, а не листки для агитации въ массахъ. Люди вышли не убѣждать, а сражаться. Они себя же подбадриваютъ криками, а не стараются воздѣйствовать на другихъ. Такъ и видно, что всѣ эти воззванія написаны съ оглядкой на тѣхъ, кто уже вошелъ въ партію или, по крайней мѣрѣ, къ ней тянется.

Не каждый умъ доступенъ для доводовъ, а тѣмъ болѣе умы молодые, разогрѣтые борьбою съ несправедливостію, не отягченные ни опытомъ, ни идеями. Имъ нуженъ безоглядный разбѣгъ — для того, чтобы отдаться ему съ тою же отвѣтною безоглядностію. Все прямо, по одной линіи, и ни взгляда ни вправо, ни влѣво. Такъ, бездумно, съ прямою стрѣлою, устремлялись къ социализму народники, — мимо переходныхъ ступеней, мимо жизни, мимо культуры. Одна цѣль владѣла ихъ существомъ, одна цѣль, звавшая къ себѣ волю. Весь длинный сложный процессъ, приводящій къ выбору средствъ, всѣ вопросы политической техники, оставались за чертою сознанія. Идея равенства горѣла въ сердцахъ и въ лучахъ этого пламени меркли всѣ иныя идеи.

П. Б. Струве однажды опредѣлилъ народничество, какъ своего рода гипертрофію совѣсти, грозившую задушить честь. Но не одной только чести, не одному политическому сознанію угрожало это одностороннее разрастаніе. Большая совѣсть народниковъ давила всей своей тяжестью не только волю къ свободѣ, но еще больше—*волю къ культурѣ*, — тяготѣніе души ко всѣмъ цѣнностямъ, составляющимъ духовную жизнь, особенно — къ искусству и философіи. Народникъ ненавидѣлъ культуру, потому что съ содраганіемъ ощущалъ, что она куплена рабствомъ, что для того, чтобы она выросла, рай первоначальнаго коммунизма долженъ былъ развѣяться прахомъ, уступая мѣсто чистилищу государственно-

сти. И во имя исторических предпосылок, необходимых для расцвѣта культуры, отвергался самый расцвѣтъ и „почтительнѣйше возвращался билетъ“ въ сады духа и творчества.

Казалось бы, научные социалисты, воспринявшіе экономическую доктрину, осевой стержень которой — идеаль наибольшей производительности, какъ главной предпосылки прогресса—не могли слѣдовать за народниками въ ихъ стремленіяхъ къ толстовству и опрощенію.

Но въ томъ и наша бѣда, что мѣняются одни только маски, а сущность остается тождественной. Наши русскіе научные социалисты только то и вычитали изъ Маркса, что совпадало съ ихъ моральными импульсами, а остальное пропустили мимо вниманія. Марксъ живо превратился въ народника, въ лохматого сторонника опрощенія. Самого его упростили и опростили до уровня районнаго агитатора. Съумѣли же изъ него вычитать, что возможна социалистическая революція, прежде чѣмъ закончилась буржуазная. Но этотъ политическій лепетъ г.г. Троцкихъ, Луначарскихъ и проч., не болѣе, какъ частный случай. Основанія заложены глубже — въ упрощенной психологіи социалистовъ, перешедшей къ нимъ отъ народниковъ. Таковъ уже составъ партіи, изъ такихъ уже элементовъ она складывается по своего рода избирательному сродству, что существо ея нисколько не измѣняется, каково бы ни было ея знамя.

Я увѣренъ, что тѣ группы людей, которыя теперь въ ядрѣ партіи, неспособны перерости свою психологію и воспріять сложность задачъ, стоящихъ передъ русскими социалистами. Они теперь только и дѣлаютъ, что продолжаютъ изолировать социализмъ. Противниковъ пугаютъ угрозами, а сторонниковъ сгоняютъ въ скиты и отдѣляютъ отъ всего міра крѣпкими сектантскими стѣнами—да не соблазнится единый изъ малыхъ сихъ. Я увѣренъ, что такъ будетъ и впредь. Современная социаль-демократія, съ ея рѣзкими противокультурными тенденціями, съ ея штабомъ доктринеровъ-вождей играетъ незавидную роль своего рода раздѣлительнаго барьера между рабочими, примкнувшими къ партіи, и широкими слоями народа, и особенно—культурной интеллигенціей.

Несомнѣнно, что единственный выходъ изъ такого безотраднаго положенія — единеніе культурныхъ людей, при-

нимающихъ социалистическій идеаль, и попытка организовать новую партію — по образцу, хотя бы, германской. Я поставилъ бы лозунгомъ такой партіи — воспитаніе народной души въ направленіи демократизма и социализма. Наше русское рабочее движеніе не вошло еще въ это русло, но несомнѣнно, что оно къ нему тянется, несмотря на социаль-демократическія попытки придать ему бланкистскій характеръ.

Въ нашихъ лѣвыхъ политическихъ партіяхъ несомнѣнно очень много людей, видящихъ въ процессъ социализаціи — вѣрный путь общественнаго развитія. Я предложилъ бы этимъ людямъ сомкнуться, не выходя пока изъ тѣхъ партій, куда ихъ привели нужды момента, и создать группу *демократическихъ социалистовъ* (въ отличіе отъ социаль-демократовъ) — ядро будущей партіи. Рабочіе за нами пойдутъ, когда увидятъ, что мы искренни и умѣлы и ведемъ ихъ не къ пораженіямъ, а къ побѣдамъ.

Леонидъ Галичъ.

Земельная реформа и социаль-утописты ¹⁾).

Русское народничество имѣетъ свою долгую и поучительную исторію. Ни одно изъ нашихъ литературныхъ направленій не пользовалось такою продолжительною и безпримѣрною популярностью, какъ именно это. Въ немъ было что то «самобытное, самодовлѣющее» и соответствующее русской натурѣ. Съ этимъ направлениемъ нельзя не считаться и въ настоящее время. Соціальный реформаторъ долженъ хорошо знать психологію своего народа, историческій процессъ ея развитія, и среди борющихся направленій особенное его вниманіе должно привлекать то, которое соответствуетъ народной психологіи.

Я еще недавно имѣлъ случай высказать въ печати мнѣніе, что русское народничество всегда отличалось широтой размаха своихъ идеаловъ и большою наклонностью къ утопизму, который такъ соответствуетъ русской натурѣ. Я позволю себѣ сказать теперь еще нѣчто, что долгое время мнѣ сказать было тяжело. Русское народничество—прямое послѣдствіе тѣхъ политическихъ условій, среди которыхъ мы долгое время жили. Современные представители этого направленія въ рядахъ своихъ имѣютъ многихъ, которыхъ можно съ полнымъ основаніемъ назвать дѣтьми социаль-утопизма, выросшаго въ странѣ, которая такъ долго не знала политической свободы.

Народничество выступаетъ въ настоящій моментъ въ нѣсколько иной формѣ сравнительно съ прежнимъ време-

¹⁾ Въ виду огромной важности земельного вопроса мы даемъ на страницахъ нашего журнала мѣсто самымъ различнымъ взглядамъ на этотъ вопросъ. Въ статьѣ А. Н. Миклашевскаго формулирована точка зрѣнія того социальнаго либерализма, который сложился подъ несомнѣннымъ сильнымъ вліяніемъ критическихъ ид-й Маркса и во многомъ соприкасается съ марксизмомъ.

Ред.

немъ. Нѣкоторые изъ его представителей называютъ себя «молодыми народниками», другіе же зачисляютъ себя въ партію социалистовъ-революціонеровъ. Мнѣ удалось собрать цѣлый рядъ брошюръ представителей этого направленія, и наиболѣе характерныя изъ нихъ мною отмѣчены въ подстрочномъ примѣчаніи ¹⁾.

Мы живемъ въ эпоху огромнаго распространенія политическихъ брошюръ. Съ ними нельзя не считаться. При ихъ посредствѣ можно лучше всего вскрыть настроеніе многихъ общественныхъ дѣятелей и пропагандистовъ. Хорошая сторона свободы печати именно и заключается въ томъ, что всякій имѣетъ возможность въ любой формѣ высказать свои сокровенныя мысли, и обязанность лицъ, думающихъ иначе, съ полнымъ безпристрастіемъ и свободой высказать и свои соображенія. Въ этихъ брошюрахъ есть нѣчто общее, характерное и, долженъ откровенно сказать, огорчающее. Я далекъ отъ мысли искать въ нихъ того спокойствія духа, которое необходимо при серьезномъ обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ: въ теперешнее время его и быть не можетъ. Я готовъ понять ту горячность, съ которой они написаны ради защиты того, что дорого ихъ сердцу, но я не перестану повторять, что одного чувства и настроенія недостаточно, чтобы умѣло служить своему народу. Я глубоко благодаренъ А. А. Чупрову, который въ своей статьѣ по поводу книжечки г. Новоторжскаго ясно и опредѣленно сказалъ, что общественный дѣятель и пропагандистъ «не долженъ потворствовать противообщественнымъ инстинктамъ безсознательной массы».

Что же объединяетъ авторовъ этихъ брошюръ и статейъ и многихъ другихъ лицъ, имъ сочувствующихъ? Ав-

¹⁾ Настоящая статья написана по поводу нижеслѣдующихъ брошюръ: 1. Крестьянство и земельный вопросъ, двѣ аграрныя программы, изд. Сѣятель. 2. Хватитъ ли на всѣхъ земли, изд. Парамонова. 3. А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе социаль-демократы деревенской бѣднотѣ, изд. Колокола. 4. Г. Новоторжскій. Соціализація земли. Москва 1905 г. 5. А. Пѣшехоновъ. Хлѣбъ, свѣтъ и свобода. Спб.. 1906 г. 6. Р. Р. Соціализація земли. Одесса, 1906 г. и 7. А. Вѣлевскій. Земельный вопросъ и націонализація земли. Москва, 1906 г. и по поводу статей: А. Петрищевъ. Примѣнительно къ аграрнымъ погромамъ. „Современныя Записки“ 1906 г. Туганъ-Барановскій. Русский крестьянинъ и социализмъ. „Наканунъ“ № 1 1906 г., и друг.

торы этихъ брошюръ, во первыхъ, говорятъ постоянно отъ имени народа, какъ истинные представители утопическаго социализма и отъ имени «великаго учителя Маркса», во вторыхъ, они смотрятъ на народъ, какъ утописты политической диктатуры, въ третьихъ, путемъ политическаго и социальнаго маневра они надѣются пересоздать психологію народной массы, заставить крестьянина-собственника, этого якобы прирожденнаго мелко-буржуазнаго реакціонера, обратиться въ сторонника социалистическихъ идей.

Безъ особаго труда я могу набрать цѣлый рядъ цитатъ, которыя вполне подтвердятъ мою точку зрѣнія. Г. Туганъ-Барановскій сообщаетъ намъ, что во всѣхъ селахъ Лохвицкаго уѣзда лозунгъ: «земля для народа» понимался въ томъ смыслѣ, «что только весь народъ можетъ быть собственникомъ земли, а отдѣльныя лица могутъ лишь пользоваться землею, поскольку это согласуется съ интересами другихъ трудящихся массъ». Въ то же время онъ замѣчаетъ, однако, что, если крестьянская земля перейдетъ въ собственность крестьянства, то зажиточное крестьянство проникнется «фанатизмомъ собственности», будетъ политически реакціонно, будетъ видѣть въ социализмѣ врага, дѣло социализма отодвинется на много поколѣній». Теперешній же крестьянинъ вѣритъ, что «земля Божья и должна принадлежать всѣмъ». Г. Новоторжскій хотя и утверждаетъ, что «современная община есть община людей безправныхъ, темныхъ и раззоренныхъ», но увѣренъ, что «народъ стоитъ за социализацію земли», подъ которой самъ г. Новоторжскій понимаетъ «пользованіе огосударствленной землей свободными общинами земледѣльцевъ, не прибѣгающихъ къ наемному труду и передѣляющихъ площадь своего землепользованія въ зависимости отъ семейнаго состава черезъ опредѣленное количество лѣтъ». Полагая, что народъ стоитъ за социализацію земли, г. Новоторжскій также чрезвычайно озабоченъ, чтобы у насъ не создались условія для развитія «индивидуалистическаго настроенія». Онъ съ одной стороны вѣритъ, что крестьяне отлично сумѣютъ распорядиться землею посредствомъ разныхъ органовъ самоуправленія, что они должны имѣть ненарушимое право «сами себя облагать прямымъ поземельнымъ прогрессивно-подходящимъ налогомъ», съ другой стороны, онъ считаетъ необходимымъ создать драконовскіе законы — «сильно дѣйствующія сред-

ства», какъ онъ пишетъ, для проведения въ жизнь аграрной реформы. По его мнѣнію, наемный трудъ въ общинахъ не долженъ допускаться, устраненіе передѣловъ онъ полагалъ дозволить только по единогласному рѣшенію, требуя воспрещенія выхода изъ общинъ съ землею и размѣръ вознагражденія выходящимъ онъ не считаетъ возможнымъ предоставить самимъ общинамъ, «такъ какъ онѣ могутъ «эксплуатировать» выходящихъ членовъ, стремиться давать имъ поменьше и тѣмъ самымъ стѣснять выходъ». Правда, онъ полагаетъ, что демократически организованное мѣстное самоуправленіе исправитъ ошибки общинъ. Крестьяне будутъ посылать въ высшіе органы мѣстнаго самоуправления лучшихъ своихъ людей,—въ особенности «при уничтоженіи класса помѣщиковъ-крѣпостниковъ и при полномъ отсутствіи утвержденій со стороны начальства» — представителей «молодого народничества» и гонимый нынѣ «третій элементъ». Утверждая, что націонализація земли не только идеалъ молодаго народничества, но идеалъ всего трудового крестьянства, г. Новоторжскій не только высказывается противъ выкупа крестьянами земли (г. Пѣшихоновъ скорбно замѣчаетъ: «чтобы было меньше «непріятностей», землю у теперешнихъ владѣльцевъ ея, можетъ быть, придется выкупить»), но даже даетъ интересный проектъ вознагражденія владѣльцевъ «за счетъ казны по принципу расхода безъ всякаго specialнаго налога на крестьянъ для возмѣщенія этого расхода». «Владѣльцы закладныхъ листовъ, какъ лица, для которыхъ націонализація земли до извѣстной степени «въ чужомъ пиру похмѣлье» могли бы быть, пожалуй, удовлетворены полностью, хотя и ихъ можно разсортировать на разряды, нуждающіеся въ вознагражденіи безусловно и относительно. Но сейчасъ, заключаетъ онъ, я не имѣю времени касаться этого вопроса»... Что же касается г.г. помѣщиковъ всѣхъ сословій, то изъ нихъ можно признать право на вознагражденіе въ видѣ извѣстнаго ежегоднаго содержанія изъ казны за лицами неспособными къ труду и — за тѣми изъ остальныхъ, до пріисканія ими себѣ заработка, которыхъ націонализація земли выбросила бы буквально на улицу безъ всякихъ средствъ или для которыхъ земля, говоря другими словами, была единственнымъ источникомъ дохода. А чтобы долгое пребываніе въ качествѣ государственныхъ пенсіонеровъ было для нихъ несоблазнительно,

слѣдуетъ назначить имъ «небольшое содержаніе и лишить ихъ навсегда полученія пенсіи, какъ лицъ, пользующихся общественною благотворительностію, избирательнаго права» ¹⁾).

Г. Бѣлевскій утверждаетъ, что требованіе націонализаціи земли — фактъ, «съ нимъ можно не соглашаться, бороться, но это значитъ стать противъ народа». Г. Петрищевъ въ своей статьѣ въ цѣломъ рядѣ примѣчаній издѣвается надъ проф. Лучицкимъ за высказанную имъ мысль, что малороссъ стоитъ за принципъ частной собственности и противопоставляетъ ему постановленія крестьянскихъ съѣздовъ разныхъ мѣстностей. Разбирая социаль-демократическую программу, полагая, что самоотверженная готовность социалдемократовъ служить интересамъ развитія буржуазнаго общества, обнаруживаетъ только «комическую доктриперскую самоувѣренность ученыхъ метофизиковъ», г. Р. Р. думаетъ, что противниками націонализаціи земли могутъ быть только «трезвенные легальные критики, здравомыслящіе зайцы и влюбленные въ осязательность результатовъ нелегальные хвостисты». Защитникъ націонализаціи земли г. Рудинъ видитъ въ ней нѣчто, соотвѣтствующее національному духу Россіи, и полагаетъ, что русская социаль-демократія, раздираемая смутой, плетущаяся въ хвостѣ и ежедневно подталкиваемая «революціоннымъ трудовымъ крестьянствомъ», не завершила еще своей эволюціи въ аграрномъ вопросѣ, искупаетъ до сихъ поръ въ земледѣльской Россіи грѣхи своего иноземнаго происхожденія, слѣпой подражательности и оторванности отъ родной почвы ²⁾. Г. Ратнеръ стремится еще ближе придвинуться къ родной

¹⁾ *Примѣчаніе редакціи.* Въ этомъ предложеніи обнаруживается изумительное забвеніе демократическихъ началъ. Послѣдовательные демократы всѣхъ странъ требуютъ, чтобы лица, пользующіеся общественнымъ призрѣніемъ, не лишались по этой причинѣ политическихъ правъ.

²⁾ Лучшая интеллигенція пойметъ, пишетъ Р. Р., что съ такою программой она измѣняетъ тому великому служенію, которое она начала со времени Чернышевскаго, она не продастъ своего права первородства за чечевичную похлебку мертвящей мнимонаучной доктрины „неомарксизма“, въ которой не осталось и слѣда того живаго содержанія, которымъ старался ее наполнить великій учитель социализма Карлъ Марксъ“.

почвъ, полагая, что надо «націонализировать» націонализацию земли: «право распоряженія государственнымъ земельнымъ фондомъ должно быть предоставлено, по его мнѣнію, мѣстнымъ областнымъ учреждениямъ съ соблюденіемъ границъ отдѣльныхъ національныхъ областей и съ огражденіемъ вообще интересовъ отдѣльныхъ народностей». Частновладельческое хозяйство, по мнѣнію большинства этихъ авторовъ, подлежитъ безусловному уничтоженію. По мнѣнію г. Новоторжскаго «уничтоженіе крупнаго землевладѣнія—это требованіе земледѣльческаго прогресса». По мнѣнію г. Р. Р. классъ землевладѣльцевъ «худшая опора реакціи». По мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, «самымъ опаснымъ врагомъ социализма на Западѣ является крестьянинъ. Самымъ опаснымъ потому, что изъ другихъ общественныхъ классовъ, враждебныхъ социализму, одни, при всей своей политической мощи, ничтожны по численности (крупныя землевладѣльцы, крупная буржуазія), а другіе (мелкая буржуазія), хотя и составляютъ значительную часть населенія, но ходомъ экономическаго развитія пролетаризируются».. «Западно-европейскій крестьянинъ, пишетъ онъ, обнаруживаетъ чрезвычайную энергію въ защитѣ своихъ правъ частной собственности. Онъ совершенно лишенъ идеализма пролетарія и энтузіазму этого послѣдняго противопоставляетъ не менѣе упорный, и не окрыленный никакими мечтами о лучшемъ социальномъ будущемъ, «фанатизмъ собственности». Именно этотъ тупой, но почти непобѣдимый консерватизмъ крестьянина, вырвавшій у Маркса извѣстную фразу объ идиотизмѣ деревенской жизни, задерживаетъ ростъ социалистическаго движенія на Западѣ». Я уже отмѣтилъ, что по мнѣнію Тугана-Барановскаго у насъ земля считается крестьяниномъ «Божьей». Тоже утверждаетъ и г. Пѣшехоновъ, который въ своей популярной брошюркѣ очень просто рѣшаетъ вопросъ о землѣ. «Лучше всего всю землю, пишетъ онъ, сдѣлать собственностью всего народа и затѣмъ давать ее только тѣмъ, кто самъ на ней будетъ работать. Кому земля попадетъ лучшаго качества, надо дѣлать *поравненіе*. Тѣ, кому достанутся лучшія земли, должны платить налогъ, который будетъ расходоваться на общія нужды. Продавать землю, сдавать ее въ аренду или обрабатывать ее батраками или вообще наймомъ, т. е. получать доходъ отъ земли, самъ на ней не трудясь, никто не долженъ

имѣть права. Временныя исключенія, конечно, могутъ быть, напримѣръ въ случаѣ болѣзни или смерти работника во дворѣ, невозможности для семьи справиться со спѣшной работой. Но не въ этомъ, конечно, дѣло. Нужно только, чтобы земля не дѣлалась средствомъ для присвоенія чужаго заработка. Само собою, что распоряжаться землею должны не чиновники, а выбранные самимъ народомъ люди». Вотъ образчики философіи нашихъ «націонализаторовъ». Теперь намъ необходимо подчеркнуть особенности ихъ міровоззрѣнія и доказать всю поверхностность ихъ построений.

Я не привыкъ говорить ни отъ имени народа, ни отъ имени великаго защитника рабочаго класса Карла Маркса. Безъ сомнѣнія К. Марксъ могъ и ошибаться въ вопросахъ аграрной эволюціи, но въ тоже время я никогда особенно не довѣрялъ тѣмъ, которые любятъ говорить о «самобытныхъ» русскихъ началахъ и о слѣпой подражательности Западу. Я очень хорошо знаю, что среди нашихъ самобытныхъ экономистовъ многіе называютъ себя социалистами и очень мало понимаютъ въ той теоріи, о которой много говорятъ. Небезызвѣстно мнѣ и то, что у насъ мало социалистовъ, которые знаютъ политическую экономію.

Всякій, внимательно прочитавшій сдѣланныя выписки, легко замѣтитъ, что въ словахъ авторовъ, говорящихъ отъ имени народа, замѣтно внутреннее противорѣчіе. Съ одной стороны, они увѣрены, что народъ смотритъ на землю, какъ на Божью и Государеву, съ другой, они чрезвычайно боятся развитія въ предѣлахъ его индивидуалистическаго настроенія и реакціонерства.

Что въ предѣлахъ народа живо желаніе получить землю и возможно больше земли — въ этомъ врядъ ли кто можетъ усомниться. Но что тотъ же народъ является сторонникомъ социализаціи земли, при которой отдѣльныя лица могутъ лишь «пользоваться землею, поскольку это согласуется съ интересами другихъ трудящихся массъ» — въ этомъ декламации народниковъ меня никогда не убѣждали. Много лѣтъ повторяется среди русскаго общества мысль, что русскій крестьянинъ смотритъ на землю, какъ на Божью. Если бы среди нашего народа даже и была распространена эта идея, то я не видѣлъ бы въ этомъ ничего положительнаго. Едва ли я ошибусь, что фраза: «всѣ люди равны и потому имѣютъ равное право на землю, не создан-

ную трудомъ» повторяется утопистами всѣхъ странъ и народовъ сотни лѣтъ. Въ ней нѣтъ ровно ничего самобытнаго и русскаго. Наша бюрократія тоже считала себя «всесамобытнѣйшей, всеправославной» и проч. Съ точки зрѣнія этого естественнаго права говорить отъ имени народа чрезвычайно легко. Интеллигентское перо и слово давно привыкло пользоваться этими формулами, но отсюда еще далеко до того, что народъ осуществить ихъ, если бы ему даже было предоставлено всеобщее, равное и тайное голосованіе, какъ для устройства государственнаго, такъ и для мѣстнаго самоуправленія.

Представленіе о «трудовомъ крестьянствѣ», какъ о носителѣ въ своемъ сердцѣ «правды Божіей», давно держится у насъ, но это нисколько не помѣшало возникновенію кулачества, зажиточнаго крестьянства, которое тоже хочетъ еще большаго количества земли, имѣетъ свою психологію и умѣние защищать и пропагандировать свои интересы. Нельзя же полагать, что нужда, безправное положеніе и невѣжество воспитали изъ нашего крестьянина социаль-народника, создали общественнымъ реформаторамъ душу, въ которую они могутъ вписать все, что угодно, хотя бы и при помощи «гонимаго нынѣ третьяго элемента»? Я живо помню, какъ извѣстный знатокъ народа В. И. Орловъ, въ своей полемикѣ противъ г. Пругавина указывалъ, что «русскій крестьянинъ хочетъ имѣть свою землю, свою избу, свою жену», и въ этомъ онъ совершенно правъ. Если среди народа господствуетъ такая вѣра, то спрашивается, почему г. Новоторжскій и его товарищи желаютъ ввести драконовскіе законы о воспрещеніи наемнаго труда, о единоголасіи при передѣлахъ, отчего они такъ боятся проникновенія въ народъ индивидуалистическаго настроенія. Какъ истинные самобытники, они, конечно, смѣются надъ словами Каутскаго, который пишетъ: «иллюзія, что въ социализации земли, требуемой нѣкоторыми представителями крестьянства, заключается требованіе огосударствленія земли, можетъ повести къ большимъ разочарованіямъ. Я убѣжденъ, что крестьяне не потому революціонны, что хотятъ добиться этой формы землевладѣнія, а только потому, что хотятъ увеличить площадь своего владѣнія за счетъ крупныхъ владѣльцевъ». Но если они видятъ въ такихъ словахъ недоумѣріе къ русскому народу, то почему же имъ нужны

драконовскіе законы и откуда ихъ боязнъ индивидуалистическаго настроенія, желаніе «воспитать» изъ крестьянина соціалъ-демократа? Увѣренность авторовъ означенныхъ брошюръ въ возможности путемъ соціализаціи земли сдѣлать изъ крестьянина соціалиста *malgré lui* мнѣ представляется столь же наивной и бюрократической, какъ увѣренность Воронцова-Дашкова ¹⁾, Витте и другихъ, что съ уничтоженіемъ общины и съ развитіемъ индивидуальной собственности всѣ аграрныя безпорядки исчезнутъ. Въ началѣ прошлаго года всѣ газеты обошло заявленіе графа Витте, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ воспитанъ инстинкъ собственности отсутствіемъ общины и рациональной постановкой частнаго владѣнія, а въ концѣ года мы только и слышали о карательныхъ экспедиціяхъ и разстрѣлахъ для возстановленія священныхъ правъ собственности. «Фанатизмъ собственности» оказался очень плохо воспитаннымъ.

Бюрократизмъ самодержавія и нашихъ соціалъ-революціонеровъ-народниковъ проистекаетъ изъ одного источника: изъ долгой оторванности отъ народа, изъ привычки говорить отъ его имени, не какъ отъ людей со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, а какъ «отъ добродѣтельныхъ мужичковъ», изъ постоянного желанія «устраивать» народъ и ему декретировать. Право, не пора ли оставить этотъ старый хламъ разговоровъ о добродѣтельномъ мужичкѣ, объ опасеніяхъ привить ему «фанатизмъ собственности», о реакціонерствѣ аграріевъ и крестьянства, о мысляхъ путемъ соціальнаго маневра пересоздать народъ по мановенію властной руки? Какъ я уже сказалъ, я очень сомнѣваюсь, что народъ «глаголетъ» устами нашихъ молодыхъ народниковъ, но, если бы это было отчасти справедливо, не думаю, что я сталъ бы противъ народа, убѣждая его въ томъ, что путь, по которому онъ якобы желаетъ итти, ошибоченъ. Права на свободное исканіе истины мнѣ воспретить никто не можетъ, ниже молодые народники, ниже гроза аграрныхъ погромовъ.

Я лично не боюсь никакого фанатизма собственности. Не имѣю ни малѣйшаго намѣренія воспитывать народъ при помощи какихъ бы то ни было соціальныхъ маневровъ. Я

¹⁾ См. его любопытную докладную записку, изданную г. Элпидинымъ въ 1900 г. Женева, стр. 29 и слѣд.

стоялъ и всегда буду стоять на почвѣ организациі труда и убѣжденъ, что преобразованіе всей социальной формы нашего быта будетъ итти своей законной и эволюціонной чередой. Если бы даже нашъ народъ принялъ частную собственность, достигъ при ея посредствѣ благосостоянія, то я не видѣлъ бы въ этомъ никакого регресса или задержки въ дѣлѣ развитія социализма. Человѣчество въ дѣлѣ осуществленія его идеаловъ пойдетъ своей дорогой и не ускорятъ его «слащавые разговоры» г.г. народниковъ. Пока въ обрабатывающей промышленности господствуетъ система крупнаго производства и наемнаго труда, я убѣжденъ что такая же форма не исчезнетъ и въ земледѣліи, а если это будетъ достигнуто искусственно, возродится вновь. Я далекъ отъ нелѣпой диктаторіальной мысли воспрещать трудовому крестьянству пользоваться наемной формой труда, устанавливать законы о передѣлахъ, семейныхъ раздѣлахъ, не представляю себѣ профессиональнаго уѣзднаго социализма деревень. Только та реформа социализируетъ и можетъ имѣть успѣхъ, которая социализируетъ безъ насилія, съ сохраненіемъ свободной творческой инициативы личности вѣрной надеждой создать матеріальное благополучіе. Это совершенно устарѣлая идея, будто голодъ и невежество воспитываютъ социалистовъ. Западная Европа давно убѣдилась въ томъ, что социалистовъ воспитываетъ образованіе и подъемъ матеріальнаго благополучія, которые даютъ возможность не только бороться за существованіе, но и думать о себѣ, о другихъ собратяхъ, о благѣ человѣчества, помнить о девизѣ: «пролетаріи всѣхъ странъ — соединяйтесь».

Наша бюрократія во многомъ повинна, но не поддавалась ли она ученіямъ народнической доктрины, которая боролась такъ долго за общину во имя социальныхъ идеаловъ будущаго, не замѣчая, что тѣмъ самымъ она закрѣпощаетъ крестьянина въ угоду финансовымъ потребностямъ самодержавія? Наша бюрократія привыкла декретировать, а не собираются ли дѣлать тоже самое г.г. молодые народники? Г. Новоторжскій рекомендуетъ лишить цѣлый исторически сложившійся классъ избирательныхъ правъ и временно обратить его въ лицъ, находящихся на попеченіи общественнаго призрѣнія. Владѣльцы закладныхъ листовъ почему то признаются людьми, для которыхъ аграрная ре-

форма—въ «чужомъ пиру похмѣлье». Исторіи, которая создала современное народно-хозяйственное положеніе, для молодыхъ народниковъ не существуетъ. Даже самая возможность выкупа допускается лишь для устраненія «непріятностей», слово просто классическое въ устахъ социаль-народника. Какъ все это просто, какъ легко и именно съ точки зрѣнія естественнаго права и отъ имени народа!

Г. Ратнеръ даже «націонализируетъ» націонализацию, предоставляя національностямъ ихъ землю. Онъ хочетъ огрadyть интересы національностей и не задумывается надъ тѣмъ, что при такомъ раздѣлѣ территоріи не мало останется обдѣленныхъ. Въ періодъ аграрныхъ безпорядковъ Черниговской губерніи замѣчалась кровавая борьба сель за спорную землю; г. Ратнеръ хочетъ еще усложнить вопросъ споромъ о національной территоріи, воображая утопически, что рѣшенное въ исторіи кровью разрѣшится простымъ росчеркомъ его смѣлаго пера.

Въ популярной брошюрѣ легко написать: аграріи—худшая опора реакціи, уничтоженіе крупнаго землевладѣнія — основа политическаго и хозяйственнаго оздоровленія, зажиточное крестьянство проникается фанатизмомъ собственности,—но это не значитъ сказать что либо основательное по вопросу объ организаціи труда и политическаго устроенія.

Будущее покажетъ намъ, каково внутреннее настроеніе классовъ нашего общества по разнымъ социальнымъ и политическимъ вопросамъ. Я глубоко сожалею, что первый экспериментъ въ выработкѣ народнаго представительства не построенъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Рано или поздно, однако, мы узнаемъ мнѣніе народа не съ точки зрѣнія естественныхъ правъ, а таковымъ, какъ оно есть по состоянію народной культуры въ переживаемое время. Предсказывать будущее я не берусь, но считалъ бы большимъ счастіемъ для Россіи, если бы это представительство не было диктатурой класса, а разнороднымъ представительствомъ борющихся классовъ и, да не удивляется читатель, я желалъ бы этого съ чисто социалистической точки зрѣнія. Къ этому вопросу, впрочемъ, я когда либо вернусь въ послѣдствіи. Теперь же еще нѣсколько словъ по затронутому вопросу.

Въ нашихъ спорахъ по аграрному вопросу меня всегда поражала эта идея «трудоваго крестьянства», ненависть

и опасеніе предъ наемной формою труда. Я совершенно не понимаю, какое повѣтріе занесло г. Туганъ-Барановскаго въ ряды «націонализаторовъ» и защитниковъ «трудоваго крестьянства». Впрочемъ, въ свое время я также мало понималъ и то обстоятельство, какъ онъ попалъ въ ряды биметталлистовъ. Изъ неомарксиста обратиться въ народника — это какая то ужъ слишкомъ быстрая перемѣна, и, увы, не къ лучшему. Идея осуществленія трудового крестьянскаго царства, созданія «самопрокармливающагося, стоящаго внѣ условій обмѣна и общественныхъ, широкихъ связей трудового крестьянина» — мнѣ нисколько не улыбается, ибо я лично, какъ экономистъ, вовсе не убѣжденъ въ томъ, что достаточно «передѣлить» землю, чтобы наступило общее благополучіе и социальная справедливость. Могутъ произойти разныя неожиданности. «Соціальное благополучіе» можетъ не сопровождаться «соціальной справедливостью», и «социальная справедливость» можетъ не совпадать «съ созданіемъ матеріальнаго благополучія». Не убѣжденъ и въ томъ, что «трудоваго крестьянинъ» всегда лучше обеспеченъ, чѣмъ батракъ и, главное, что такъ должно быть неизмѣнно и на будущее время. Такъ ли это? Сможетъ ли крестьянинъ добиться скорѣе и прочнѣе улучшенія своей судьбы, если земля дѣйствительно будетъ передѣлена безъ выкупа, какъ охотно декретировали бы наши молодые народники?

Въ своей брошюрѣ г. Р. Р. говоритъ, что социаль-демократы упрекаютъ социалистовъ-революционеровъ «въ авантюризмъ и демагогію, въ стремленіи наобѣщать деревнѣ возможно больше». Я лично, разсуждая внѣ какой либо партійной qualificации, не говорилъ этого и не скажу. Я съ прискорбіемъ, однако, принужденъ сказать, что программа этой партіи обнаруживаетъ только, что входящіе въ ея составъ — плохіе экономисты, мало знаютъ своего учителя Маркса и являются истинными сынами самодержавія, не воспитавшаго ихъ въ духѣ политической свободы.

Не можетъ быть и спора о томъ, что Марксъ никогда не видѣлъ въ социализаціи и націонализаціи земли перваго шага къ социалистической трансформациі¹⁾. Въ своей любо-

¹⁾ См. ст. К. Kautsky. Agrarfrage in Russland, Neue Zeit, 23 Dec. 1905 г.

пытной статьѣ по аграрному вопросу въ Россіи Каутскій даетъ тому яснѣйшее доказательство. Правильно цитируя и толкуя Маркса, онъ не боится укрѣпленія и развитія мелкой крестьянской собственности среди русскаго крестьянства, понимаетъ, что съ раздѣломъ земли крестьянинъ пріобрѣтетъ еще очень мало. Онъ нуждается въ въ большемъ, чѣмъ земля. То, въ чемъ онъ нуждается, онъ найдетъ въ болѣею его части не въ области земледѣльческой территоріи, но въ городахъ и промышленныхъ центрахъ; многіе изъ этихъ продуктовъ производятся промышленнымъ пролетаріатомъ и только этотъ послѣдній можетъ ему ихъ доставить. Безъ этихъ продуктовъ города и промышленности крестьянинъ останется нищимъ, несмотря на всѣ земельные передѣлы. Каутскій ясно видитъ тотъ процессъ варваризаціи хозяйства, который можетъ имѣть мѣсто при исключительномъ господствѣ «трудового крестьянства» и который такъ прекрасно изображенъ г. А. Кауфманомъ на страницахъ «Полярной Звѣзды». Онъ отлично понимаетъ, что «революціонная роль крупнаго хозяйства въ земледѣліи состоитъ въ томъ, что оно несетъ съ собою высшую производительность труда и тѣмъ самымъ подготавливаетъ матеріальныя условія его эманципаціи съ одной стороны, а съ другой создаетъ пролетаріатъ, который теряетъ всякій интересъ къ собственности на орудія производства».

Въ агитаціи нашихъ народниковъ я вижу одну хорошую сторону. Они только въ томъ смыслѣ дѣлаютъ хорошее дѣло, что изъ ихъ стремленій можетъ вытечь возможно болѣе расширеніе крестьянской площади землевладѣнія. Въ сущности и весь споръ идетъ лишь о томъ, въ какихъ предѣлахъ мы можемъ расширить крестьянское землевладѣніе, чтобы не пострадала при этомъ ни производительная организація труда, ни интересы работающихъ классовъ нашего народнаго хозяйства. Такая реформа не требуетъ ни полнаго уничтоженія крупнаго землевладѣнія, ни устраненія наемной формы труда, въ развитіи которой я лично вижу залогъ нашего политическаго и соціальнаго прогресса. Къ вопросу о поземельномъ надѣлѣ я обращусь уже въ другой статьѣ. Въ настоящей замѣткѣ я хотѣлъ только показать, что съ народниками идти одной дорогой невозможно. Нѣтъ ни малѣйшей надобности бояться «фанатизма собственности», нѣтъ никакой нужды заботиться объ укрѣп-

леніи въ народѣ путемъ соціальныхъ маневровъ социалистическихъ идей. Народъ по мѣрѣ своего просвѣщенія самъ найдетъ свою дорогу. Соціализмъ придетъ къ нему, какъ сознательная организація труда въ борьбѣ ряда поколѣній, и только—такимъ образомъ.

А. Миклашевскій.

Рай капиталистовъ.

(Два книги о Бельгии).

1. *La Belgique*. 1830—1905. Institutions, industrie, commerce. Bruxelles 1905. Publication du ministère de l'industrie et du travail, pour le commissariat général du gouvernement près de l'exposition universelle et internationale de Liège, sous la direction de M. Jean Mommaert, directeur au ministère de l'industrie et du travail. Стр. XX+870, съ 2 картами. Цѣна 15 франковъ.
2. *75 années de domination bourgeoise*, 1830—1905. Essais de Camille Huysmans, Louis de Brouckère et Louis Bertrand, édités par le conseil général du parti ouvrier belge. Gand, 1905, стр. 327. Цѣна 1 франкъ.

I.

Въ недавно истекшемъ 1905 г. Бельгія праздновала 75-лѣтіе своего существованія въ качествѣ самостоятельнаго государства. Передъ нами лежатъ двѣ книги, ставящія себѣ одну и ту же цѣль: подвести итоги этого 75-лѣтія въ политическомъ, экономическомъ и вообще культурномъ отношеніи. Одна изъ этихъ книгъ является официальнымъ изданіемъ бельгійскаго правительства, другая—официальнымъ изданіемъ бельгійской рабочей партіи. По своимъ основнымъ точкамъ зрѣнія обѣ книги стоятъ на противоположныхъ полюсахъ; поэтому сравненіе ихъ представляетъ нѣкоторый интересъ.

Первая изъ названныхъ въ заголовкѣ книгъ издана на роскошной атласной бумагѣ и снабжена массой прекрасно исполненныхъ фотографій, начиная портретами членовъ королевской семьи и всѣхъ министровъ бельгійскаго кабинета, видами курзала и морского берега въ Остенде и т. п. и кончая изображеніями племенныхъ животныхъ, промышленныхъ издѣлій, портовыхъ и т. п. сооружений, школъ, рабочихъ жилищъ. При такихъ условіяхъ и цѣна книги въ 15 франковъ не можетъ считаться высокой.

Начинается книга посвященіемъ королю Леопольду II, написаннымъ льстивымъ, высокопарнымъ слогомъ. «Национальная душа, говорится здѣсь, находила вѣрный и неизмѣнный отзвукъ въ серд-

цахъ своихъ королей»; въ частности Леопольдъ II, будучи бельгійцемъ душой и сердцемъ, отдалъ всю свою жизнь своему народу; поэтому бельгійцы ощущаютъ потребность въ порывѣ благодарности сгруппироваться вокругъ своего государя, на котораго внутренній инстинктъ указываетъ имъ, какъ на лучшаго и наиболѣе надежнаго друга и въ которомъ они привѣтствуютъ челоѣка труда и носителя національнаго величія. Затѣмъ слѣдуетъ введеніе, въ которомъ опять воспѣваются заслуги и достоинства короля, а затѣмъ и членовъ его семьи: графа фландрскаго и его супруги, принца Альберта бельгійскаго и его супруги и т. д.

За введеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ главъ, посвященныхъ разнымъ сторонамъ жизни бельгійскаго государства. Здѣсь читатель найдетъ свѣдѣнія о территоріи, климатѣ и населеніи; объ организаціи законодательной, исполнительной и судебной власти; о численности и устройствѣ арміи; о финансахъ страны; о наукахъ, искусствѣ и народномъ образованіи. Далѣе слѣдуетъ описаніе разныхъ отраслей сельскаго и лѣсного хозяйства, горной, горнозаводской и обрабатывающей промышленности, торговли, а равно и путей сообщенія (рѣкъ, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ и пароходства) и средствъ сношенія (почты, телеграфа и телефона). Особыя главы посвящены соціальной экономіи, общественной гигиенѣ, благотворительности и мѣрамъ для поддержанія среднихъ классовъ. Въ заключеніе сообщаются свѣдѣнія о связанномъ съ Бельгіей личной уніей независимомъ государствѣ Конго.

Нельзя не признать, что перечисленные нами очерки даютъ много свѣдѣній о современной Бельгіи и что они въ большинствѣ случаевъ составлены и обстоятельно, и интересно. Особенно слѣдуетъ выдвинуть тѣ изъ нихъ, въ которыхъ—какъ, напр., въ очеркѣ объ оружейномъ производствѣ—сообщаются свѣдѣнія не только о количествѣ и цѣнности производства, о численности рабочихъ и т. д., но и о существующихъ въ данной отрасли формахъ промышленности. Наглядности изложенія немало способствуютъ и многочисленныя, уже упомянутыя выше, фотографіи, въ большинствѣ хорошо подобранныя и всегда прекрасно исполненныя.

Но, для полноты картины, мы должны упомянуть еще одну черту разсматриваемаго сочиненія, а именно тотъ апологетическій тонъ, которымъ проникнута чуть ли не каждая его страница. Авторы не находятъ словъ, чтобы достаточно восхвалить всѣ тѣ успѣхи, которые имѣли мѣсто въ Бельгіи за послѣдніе 75 лѣтъ: Бельгія—счастливейшая страна; бельгійская конституція является одной изъ наиболѣе либеральныхъ на всемъ земномъ шарѣ; бельгійскіе избирательные

законы обеспечивают избирательныя права гражданъ самыми драгоценными гарантіями; просвѣщеніе сдѣлало въ странѣ блестящія успѣхи; во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда наблюдается крупный ростъ, осуществленію котораго немало содѣйствовали мудрость государственной власти и благотѣльные мѣры правительства; социальное законодательство Бельгіи настолько прогрессивно, что одинъ французскій публицистъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что Бельгія является «лабораторіей социальныхъ и политическихъ реформъ въ Европѣ». Въмѣстѣ съ тѣмъ и заработная плата поднялась, тогда какъ стоимость жизни въ Бельгіи дешевле, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Правда, что и въ 1830-хъ гг. еще рабочія жилища находились въ плачевномъ состояніи какъ съ гигиенической, такъ и съ нравственной точки зрѣнія, но законъ 1889 г. внесъ въ это дѣло значительное улучшеніе, какъ о томъ могутъ свидѣтельствовать и многочисленные приведенные въ книгѣ виды рабочихъ жилищъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, «благодаря просвѣщенной заботливости правительства, провинцій и большого числа муниципальных управленій, санитарное состояніе населенныхъ мѣстъ подверглось замѣчательному улучшенію и дало результаты, коими можно гордиться». Широкое развитіе, далѣе, получила благотворительность какъ общественная, такъ и частная: «трудно въ сжатомъ очеркѣ дать перечень всѣхъ тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя возникновеніемъ своимъ обязаны частной инициативѣ: нѣтъ такого бѣдствія, которое было бы представлено своимъ горестямъ, и, чтобы дать полную картину того, что сдѣлано бельгійской благотворительностью, потребовались бы цѣлые томы»... Наконецъ, воспѣваются и африканскія начинанія бельгійцевъ. «Основаніе Независимаго Государства Конго — говорится здѣсь — и тотъ путь быстрого преуспѣянія, по которому его повелъ король, также явятся прекраснѣйшимъ памятникомъ, на которомъ будетъ покоиться слава Леопольда II. Это начинаніе непрерывно развивается благодаря организаторскому генію и настойчивости своего основателя. Отражая корыстные клеветы, Бельгія рукоплещетъ плодотворной дѣятельности короля въ Африкѣ» и т. д. Авторы особенно подчеркиваютъ, что предпріятія бельгійцевъ на р. Конго должны быть разсматриваемы прежде всего, какъ вкладъ въ дѣло гуманности и цивилизаціи.

Совершенно иной характеръ носитъ вторая изъ названныхъ въ заголовкѣ книгъ. Издана она на дешевой сѣрой бумагѣ, иллюстрацій въ ней никакихъ нѣтъ, и стоитъ она всего 1 франкъ, каковая цѣна, впрочемъ, должна быть признана весьма низкой за толстый томикъ въ 300 съ лишнимъ страницъ. Но не только виѣшность отдѣляетъ оба сочиненія: не менѣе глубокое различіе наблюдается между ними

и въ отношеніи внутренняго содержанія и основныхъ точекъ зрѣнія. Остановимся прежде всего на содержаніи. Изданіе рабочей партіи заключаетъ въ себѣ три очерка: первый изъ нихъ (авторъ: Camille Huysmans) описываетъ революцію 1830 г., приведшую къ образованію самостоятельнаго Бельгійскаго государства и тѣ политическія движенія, которыя имѣли мѣсто въ Бельгіи въ теченіе послѣдовавшаго затѣмъ 75-лѣтія. Къ сожалѣнію, описаніе этихъ политическихъ движеній носитъ чрезчуръ лѣтописный характеръ. Второй очеркъ посвященъ состоянію народнаго образованія въ странѣ. Основной нотой здѣсь является указаніе на низкій уровень просвѣщенія въ Бельгіи въ сравненіи съ другими культурными странами, причѣмъ авторъ—Louis de Brouckère—подвергаетъ подробному разсмотрѣнію и причину этого явленія: такой причиной онъ считаетъ узкій эгоизмъ бельгійской буржуазіи и тяжелыя условія существованія рабочаго населенія Бельгіи какъ въ матеріальномъ, такъ и въ социальномъ отношеніи. Наконецъ, третій и самый короткій очеркъ (авторъ: Louis Bertrand) озаглавленъ «Бельгія въ эконоическомъ, социальномъ и финансовомъ отношеніи»; здѣсь разсматриваются данныя о матеріальныхъ успѣхахъ Бельгіи за 75 лѣтъ ея существованія и о томъ, какъ эти успѣхи отразились на положеніи рабочаго населенія страны.

Приведенный перечень содержанія показываетъ, что изъ разбираемой книги читатель мало узнаетъ о положеніи отдѣльныхъ отраслей бельгійской промышленности; но зато онъ много узнаетъ о матеріальномъ и социальномъ положеніи рабочихъ классовъ.

Не менѣе крупный контрастъ наблюдается между обѣими книгами въ области основныхъ точекъ зрѣнія. Если первая книга является панегирикомъ современнымъ политическимъ и социальнымъ условіямъ Бельгіи, то вторая даетъ суровую критику этихъ условій. Она признаетъ, что Бельгія—счастливейшая страна, но только для одной части населенія—для капиталистовъ. Уже на заглавномъ листѣ обложки книги, въ видѣ эпиграфа, приведено извѣстное изреченіе Карла Маркса: *La Belgique est le paradis des capitalistes*. И эта мысль, что Бельгія есть рай, но только для капиталистовъ—неоднократно затѣмъ повторяется во всей книгѣ. Несмотря на весь либерализмъ конституціи, капиталисты, благодаря отсутствію всеобщаго избирательнаго права, прекрасно умѣютъ вести государственный корабль по тому направленію, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ интересамъ. Въ пользу рабочихъ не дѣлается почти ничего, и правительство систематически отвергаетъ всѣ предложенія социалистовъ въ этой области, даже самыя скромныя. Вотъ почему Бельгія и по уровню народнаго образованія, и по состоянію социальнаго законо-

дательства, и по фактическому положенію рабочихъ массъ стоитъ ниже другихъ государствъ. Король,—но и онъ не сочувствуетъ никакимъ реформамъ... Когда въ 1893 г. вмѣсто ожидавшагося населеніемъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права было введено такъ наз. плюральное голосованіе, на такое рѣшеніе вопроса немалое вліяніе оказалъ желавшій опираться только на буржуазію король. «Тлетворное вліяніе Леопольда II, говорится на стр. 116 книги, сказалось не только въ этомъ случаѣ. Король позволяетъ своей камарильѣ участвовать въ выгодахъ отъ эксплуатаціи негрскаго населенія Конго. Въ интересахъ своихъ заморскихъ предпріятій онъ даетъ неправильное назначеніе суммамъ бельгійскаго государства. Министровъ кабинета де Смета, которые ни въ чемъ ему отказать не могутъ, онъ побуждаетъ даровать различныя концессіи группамъ финансистовъ, поддержавшимъ его въ его китайскихъ и другихъ предпріятіяхъ... Леопольдъ II великолѣпно воплощаетъ ту буржуазію, которою онъ правитъ. Онъ достоинъ ея. Она достойна его. Вотъ почему онъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ въ качествѣ предсѣдателя празднествъ, долженствующихъ ознаменовать банкротство современнаго режима классовыхъ привилегій».

Такова нѣсколько иная, чѣмъ въ первой книгѣ, точка зрѣнія второй книги. Стоящая у власти буржуазія ничего для рабочихъ не сдѣлала: она въ свою пользу конфисковала всю выгоду отъ революціи, связанныя съ которой опасности были всецѣло вынесены пролетаріатомъ, она затѣмъ воспользовалась своимъ господствующимъ положеніемъ исключительно въ своихъ узко-эгоистическихъ классовыхъ интересахъ. Если положеніе рабочихъ за это время и улучшилось, то только благодаря усиліямъ самихъ рабочихъ. Ростъ социализма за послѣднее время повлекъ за собой духовное пробужденіе бельгійскаго пролетаріата и сплотилъ бельгійскихъ рабочихъ въ прочную организацію. Буржуазіи же рабочіе ничѣмъ не обязаны. Поэтому, рабочее населеніе Бельгіи должно остаться въ сторонѣ отъ официального празднованія 75-лѣтія капиталистическаго благоденствія. Всѣ разсужденія книги кульминируютъ въ обращенномъ къ рабочимъ призывѣ отказаться отъ всякаго участія въ этихъ празднествахъ. «Мы хорошо понимаемъ, говорится на стр. 208, что буржуазія празднуетъ этотъ годъ отечественной славы. *Ubi bene, ibi patria*, говоритъ латинская поговорка: гдѣ хорошо, тамъ и отечество. Гдѣ бельгійская буржуазія могла бы чувствовать себя лучше, чѣмъ въ этой благословенной странѣ? Странѣ крупныхъ дивидендовъ и не менѣе жирныхъ рентъ! Нигдѣ нельзя извлечь столько добавочной цѣнности изъ рабочей семьи. Что нужды, если населеніе отъ этого чахнетъ, если въ нѣко-

торых мѣстностяхъ съ прядильно-ткацкой промышленностью дѣтская смертность достигаетъ ужасающихъ размѣровъ, если среди маленькихъ дѣтей цѣлая сотня тысячъ не имѣютъ времени для посѣщенія школы, а двѣ сотни тысячъ посѣщаютъ школу такъ мало, что ничему не могутъ научиться! Капиталисты пируютъ себѣ и пируютъ, и ихъ богатства растутъ также, какъ и ихъ утробы. Да и какъ не наслаждаться своими богатствами, когда знаешь, что для ихъ производства маленькія дѣти четырехъ лѣтъ должны были работать посинѣлыя отъ холода, по 12 часовъ въ день, босые по снѣгу»..

II.

Постараемся теперь разобраться въ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ, поскольку это представляется возможнымъ въ краткой журнальной статьѣ.

Несомнѣнно, что бельгійская конституція 1831 г. должна быть признана либеральной и что политическая свобода во всѣхъ ея проявленіяхъ — за исключеніемъ, впрочемъ, свободы стачекъ, введенной лишь въ 1867 г.—находить въ ней надлежащія гарантіи. И тѣмъ не менѣе политическое вліяніе рабочихъ въ Бельгіи весьма слабо. Это объясняется характеромъ бельгійскаго избирательнаго права. Съ самаго начала послѣднее носило цензовый характеръ и исключало значительную долю населенія отъ участія въ выборахъ. Затѣмъ, въ теченіе всего 75-лѣтія происходила упорная борьба въ пользу расширенія избирательныхъ правъ населенія, и на эту борьбу, потребовавшую большихъ жертвъ и нѣсколько разъ сопровождавшуюся кровопролитіемъ, ушло немало силъ. Нѣкоторые успѣхи при этомъ были достигнуты, подъ натискомъ требованій нисшихъ классовъ цензъ былъ пониженъ: а затѣмъ въ 1893 г. и вовсе отмѣненъ. Такимъ образомъ населеніе получило *всеобщее* избирательнаго право; но и до настоящаго времени ему не удалось добиться *равнаго* избирательнаго права: согласно закону 1893 г. установлено такъ называемое множественное голосованіе (*vote plural*), въ силу котораго наличность извѣстнаго имущественнаго и образовательнаго ценза даетъ право на 2 или даже на 3 голоса. Тѣмъ не менѣе, реформа 1893 г. имѣла важное значеніе, что обнаружилось хотя бы въ томъ, что въ 1894 г. въ нижнюю палату оказались избранными 28 социалистовъ.

Изложенное показываетъ, почему всѣ промышленные, торговые и т. д. успѣхи, достигнутые за послѣднія 75 лѣтъ, почти всецѣло пошли на пользу буржуазіи. А что такіе успѣхи дѣйствительно имѣли мѣсто, этого не отрицаютъ и представители бельгійской рабочей партіи.

Въ самомъ дѣлѣ, населеніе Бельгіи увеличилось съ 3,8 милл. въ 1831 г. до 6,7 милл. въ 1900 г., приче́мъ по плотности населенія Бельгія въ настоящее время занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ государствъ Европы. Какую отрасль хозяйственной дѣятельности мы бы ни взяли, повсюду мы видимъ крупные успѣхи: въ сельскомъ хозяйствѣ урожаи достигли такой высоты, что съ Бельгіей можетъ соперничать только Великобританія; численность скота увеличилась, а качество его значительно улучшилось, приче́мъ особеннаго развитія достигло племенное скотоводство (однихъ лошадей изъ Бельгіи вывозится ежегодно на 30 милл. фр.); добыча каменнаго угля увеличилась съ 2,6 милл. тоннъ въ 1835 г. до 23,5 милл. въ 1900 г.; производство чугуна—съ 4 милл. пудовъ въ 1830 г. до 60 милл. пуд. въ 1896—1900 гг.; бельгійская жел.-дорожная сѣтъ къ началу 1904 г. достигла уровня 4585 килом., изъ которыхъ 4054 килом. принадлежали государству; наконецъ, обороты внѣшней торговли съ 357 милл. фр. въ 1831—40 гг. увеличились до 5946 милл. фр. въ 1891—1900 гг., приче́мъ Бельгія, по цифрѣ оборотовъ внѣшней торговли, приходящейся на 1 жителя, уступаетъ одной только Голландіи. Всѣ эти цифры краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о громадномъ ростѣ хозяйственной жизни Бельгіи за рассматриваемый періодъ времени. И нельзя не признать, что культурный подъемъ нисшихъ классовъ остался далеко позади указаннаго роста.

Обратимся прежде всего къ народному образованію. Официальное изданіе бельгійскаго правительства указываетъ на тѣ успѣхи, которые достигнуты въ этой области, и въ подтвержденіе ихъ приводитъ, между прочимъ, нижеслѣдующія цифровыя свѣдѣнія, касающіяся лицъ м. п. въ возрастѣ отъ 19 до 20 лѣтъ, не умѣющихъ ни читать, ни писать:

1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.
29,2%	21,7%	15,9%	12,0%

Такіе результаты изданіе горделиво называетъ «счастливыми и блестящими». Совершенно иначе къ нимъ относятся социалисты. Аргументаціи правительственнаго изданія они основательно противопоставляютъ то обстоятельство, что и теперь еще Бельгія среди другихъ культурныхъ государствъ должна считаться весьма отсталою въ области начальнаго народнаго образованія. И дѣйствительно, если мы раскроемъ Hübner's geographisch-statistische Tabellen за 1905 г., то найдемъ тамъ слѣдующія данныя о числѣ неграмотныхъ на 1000 рекрутъ:

Германская Имперія (1903)	0,4
Швеція (1901)	0,8
Данія (1897)	2,0
Швейцарія (1903)	6,0
Голландія (1902)	21,0
Великобританія и Ирландія (1899, на 1000 вступ. въ бракъ)	37,0
Финляндія (1899)	49,0
Франція (1901)	58,0
Бельгія (1903)	90,0

Такимъ образомъ, многія государства — въ томъ числѣ и Финляндія—стоятъ выше Бельгіи по степени грамотности населенія. Ниже Бельгіи изъ государствъ, о коихъ имѣются данныя, стоятъ только Греція (ок. 300), Италія (327), Россія (617) и Румынія (690).

Но социалисты не только констатируютъ отсталость Бельгіи, они указываютъ также и на ея причины. Такою причиною является прежде всего отсутствіе обязательности обученія. «Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ обязательное обученіе нанесло первый, хотя правда, еще недостаточный и не вполне надежный ударъ невѣжеству; благодаря ему дѣти рабочихъ вступаютъ въ социальную борьбу съ лучшимъ вооруженіемъ и имѣютъ больше шансовъ одержать въ ней побѣду. Только у насъ законъ терпитъ скандальное явленіе, что дѣти школьнаго возраста не посѣщаютъ школы... Обязательнаго обученія, введеннаго во всей Европѣ ¹⁾, въ Америкѣ, вплоть до Японіи, въ Бельгіи не существуетъ, такъ же какъ и обязательнаго страхованія. Бельгія, повидимому, питаетъ отвращеніе ко всякому принужденію. У насъ ничего нѣтъ принудительнаго, кромѣ налоговъ, казармъ и подчиненія господствующимъ классамъ»... Другой причиною является отсталость бельгійскаго социальнаго законодательства, еще недавно допускавшаго безграничную эксплуатацію дѣтскаго труда, отъ какового недостатка оно и теперь еще освободилось лишь отчасти. Передъ голодными и переутомленными дѣтьми школа оказывается безсильною. Этому вопросу бельгійскіе социалисты придаютъ особое значеніе, и его разсмотрѣнію посвящена значительная часть изданной ими книги.

И въ самомъ дѣлѣ, по своему социальному законодательству — возьмемъ ли мы его историческое развитіе, или современное положеніе—Бельгія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Поэтому, для

¹⁾ Бельгійскіе социалисты, повидимому, плохо освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ Россіи. Или, быть можетъ, они относятъ Россію не къ Европѣ?

насъ является совершенно непостижимымъ, какимъ образомъ какой-то французскій экономистъ (нижя его остается для насъ неизвѣстнымъ) могъ имѣть рѣшимость сказать, что Бельгія можетъ считаться «лабораторіей политическихъ и социальныхъ реформъ въ Европѣ», и какимъ образомъ официальное изданіе бельгійскаго правительства могло это утвержденіе перепечатать. Напротивъ того, приходится признать справедливыми слова другого французскаго писателя, Санье (Sagnier), сказанныя имъ въ 1900 г., что «изъ всѣхъ европейскихъ націй, къ которымъ можно присоединить и нѣсколько государствъ новаго свѣта, одна лишь Бельгія упорствуетъ въ сохраненіи у себя злоупотребленій, которыя, во имя гуманности, требуютъ безотлагательнаго и коренного устраненія». Любопытно, что въ этомъ отношеніи Бельгія стоитъ даже ниже Россіи...

Еще въ началѣ 1840-хъ гг., вслѣдствіе ухудшенія положенія рабочихъ, въ Бельгіи стали раздаваться голоса за регламентацію дѣтскаго труда. Идя навстрѣчу этому движенію, правительство въ 1843 г. предписало произвести анкету и для этой цѣли учредило комиссію, труды которой были опубликованы въ 1846—48 гг. Въ этихъ трудахъ нашли свое подтвержденіе наихудшія опасенія сторонниковъ регламентаціи труда: оказалось, что во многихъ отрасляхъ производства дѣтскій трудъ находилъ себѣ неограниченное примѣненіе, и что маленькія дѣти въ возрастѣ до 6 и даже до 5 лѣтъ за нищенскую плату въ 1—2 франка въ недѣлю должны были работать наравнѣ съ взрослыми по 12, 13 и 14, а въ бойкое время иногда даже и по 15 и 16 час. въ сутки. И это встрѣчалось не только въ прядильномъ, кружевномъ, ленточномъ и т. д. производствахъ, но и въ каменноугольныхъ копяхъ, гдѣ несчастныя, недостигшія 10 лѣтъ малютки большую половину дня должны были проводить подъ землею ¹⁾.

Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣтское населеніе фабричныхъ центровъ производило удручающее впечатлѣніе по своему жалкому, болѣзненному виду: блѣдныя и худыя лица съ страдальческимъ выраженіемъ; едва обозначающіеся мускулы; выпуклый, вздутый животъ; дурное пищевареніе, частыя расстройства желудка и головныя боли; медленность и отсталость роста—вотъ тѣ черты, которыя отмѣчаются анкетой. Такія условія роста дѣтей отражались, конечно, и на взрослыхъ рабочихъ, дѣлая ихъ слабыми и болѣзненными. Отражались они и на состояніи народнаго образованія:

¹⁾ Любопытно, что предприниматели считали такіе порядки совершенно нормальными: такъ, торговая палата Монса указывала, что продолжительность дѣтскаго труда въ 14 час. въ каменноугольныхъ копяхъ и въ 12 час. въ другихъ предпріятіяхъ не можетъ считаться чрезмерной...

обремененные чрезмернымъ трудомъ, дѣти на всю свою жизнь обречались на глубокое невѣжество...

На основаніи добытыхъ матеріаловъ, коммиссіи, съ извѣстнымъ ученымъ Дюкпетіо (Ducpetiaux) во главѣ, единогласно приходила къ выводу о необходимости установить въ законѣ границы эксплуатаціи дѣтскаго труда, тѣмъ болѣе, что въ цѣломъ рядѣ другихъ государствъ (Великобританіи, Пруссіи, Австріи и т. д.) подобные законы въ то время уже существовали. Между тѣмъ выработанный коммиссіей проектъ закона такъ и остался проектомъ, хотя стоявшее въ то время у власти либеральное министерство Рожіе обладало въ палатѣ крупнымъ большинствомъ: съ повсемѣстнымъ подавленіемъ революціи 1848 г. бельгійская буржуазія почувствовала себя въ безопасности и всякія мысли о социальныхъ реформахъ были надолго отброшены... Капиталисты Бельгіи забыли, что существуетъ социальный вопросъ.

Такъ обстояло дѣло до 1886 г., когда бельгійская буржуазія была выведена изъ состоянія пріятнаго покоя цѣлымъ рядомъ серьезныхъ проявленій вновь возродившагося въ Бельгіи рабочаго движенія. Пришлось поневолѣ встрепенуться: въ 1886 г. опять была учреждена коммиссія для производства анкеты. Труды этой анкеты вновь дали обильный матеріалъ о положеніи рабочаго населенія. И социалисты не отрицаютъ, что съ 1843 г. положеніе оказалось нѣсколько улучшившимся: но и въ 1886 г. были обнаружены многіе факты ужасающей эксплуатаціи дѣтскаго труда со всѣми ея послѣдствіями какъ для физическаго здоровья, такъ и для умственнаго и нравственнаго состоянія дѣтей. Какъ и прежде, дѣти самаго нѣжнаго возраста, иногда 5, 6 и 7 лѣтъ работали на фабрикахъ и заводахъ и на каменноугольныхъ коняхъ, и притомъ попрежнему въ теченіе непомерно длиннаго рабочаго дня, за нищенскую заработную плату и въ самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ. Были констатированы даже случаи, въ которыхъ 10-лѣтнія дѣти должны были работать до 18 часовъ въ сутки. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей,—говорить анкета—вслѣдствіе такой работы прямо-таки умираютъ отъ истощенія, но большая часть ихъ переживая, преждевременно становится разслабленными и больными...

Читатель, быть можетъ, съ недовѣріемъ отнесется къ сообщеннымъ нами даннымъ. Какъ,—спроситъ онъ—неужели въ странѣ съ столь развитой промышленностью, какъ Бельгія, въ странѣ, къ тому же, съ свободными политическими учрежденіями, такіе случаи могли имѣть мѣсто? Неужели въ Бельгіи 1883 г. не было законодательной регламентаціи дѣтскаго фабричнаго труда—этого элементарнѣйшаго вида фабричнаго законодательства, встрѣчавшагося тогда уже во

всѣхъ странахъ, не исключая и Россіи?! Фактъ остается фактомъ, и его никакими высокопарными восхваленіями и панегириками вытравить нельзя: дѣйствительно, вплоть до второй половины 1880-хъ гг. Бельгія была раемъ, въ которомъ капиталисты могли распоряжаться совершенно свободно и въ которомъ не было и слѣдовъ какого бы то ни было фабричнаго законодательства. Да и не только въ этомъ выражалась отсталость Бельгіи въ области социальнаго вопроса. Въ дополненіе къ сказанному укажемъ хотя бы на то, что до 1883 г. бельгійскіе законы возлагали на рабочихъ обязанность имѣть рабочія книжки, хранившіяся у хозяевъ и ставившія рабочихъ въ полную зависимость отъ послѣднихъ; что до 1883-го же года въ Бельгіи сохраняла силу ст. 1781 гражд. кодекса, всецѣло отдававшая рабочаго на произволъ хозяину въ вопросѣ о высотѣ заработной платы и о выплатѣ послѣдней; укажемъ, наконецъ, на то, что свобода стачекъ была признана за бельгійскимъ рабочимъ только въ 1867 г. И послѣ всего этого официальное изданіе бельгійскаго правительства рѣшается назвать Бельгію «лабораторіей политическихъ и социальныхъ реформъ въ Европѣ», когда даже Россія опередила Бельгію на 7—8 лѣтъ...

Анкета 1886 г. не осталась столь же безплодной, какъ ея предшественница въ 1843 г. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ рабочихъ волненій государственная власть пошла на уступки и издала рядъ законовъ. Въ 1887 г. была запрещена уплата заработной платы товарами—въ Англіи подобный законъ былъ изданъ уже въ 1831 г. Въ 1888 г. была учреждена фабричная инспекція. Наконецъ, въ 1889 г. былъ изданъ законъ, регулировавшій фабричный трудъ женщинъ и дѣтей: трудъ дѣтей въ возрастѣ до 12 лѣтъ былъ вовсе запрещенъ; трудъ подростковъ отъ 12 до 16 лѣтъ и женщинъ до 21 года былъ ограниченъ 12 час. въ день и 72 час. въ недѣлю; этимъ же лицамъ былъ запрещенъ ночной трудъ (отъ 9 час. вечера до 5 час. утра); а дѣтямъ до 12 л. и женщинамъ до 21 г.—подземная работа; наконецъ, роженицамъ былъ запрещенъ трудъ въ теченіе 4 недѣль послѣ родовъ.

Таково было рабочее законодательство второй половины 1880-хъ гг. Несомнѣнно, что оно внесло нѣкоторый диссонансъ въ первобытную полноту райскаго блаженства бельгійскихъ капиталистовъ. Но и хвастаться имъ особенно нельзя было. Такъ, у насъ въ Россіи уже законъ 1882 г. ограничилъ трудъ малолѣтнихъ отъ 12 до 15 лѣтъ 8-мью часами, тогда какъ бельгійскій законъ 1889 г. разрѣшаетъ имъ работать по 12 час. въ сутки; далѣе законъ 1889 г. касается лишь нѣкоторыхъ формъ предпріятія и не распространяется на дѣ-

тей, работающих въ мелкомъ семейномъ производствѣ, разъ работа производится безъ механическихъ двигателей и не принадлежитъ къ разряду специально нездоровыхъ. Между тѣмъ, какъ показали данныя промышленной переписи 1896 г., мелкая домашняя промышленность имѣетъ въ Бельгіи очень значительное распространеніе, и въ ней, благодаря низкому заработку родителей, эксплуатація какъ женскаго, такъ и дѣтскаго труда встрѣчается въ очень широкихъ размѣрахъ. Далѣе, законъ 1889 г. оставляетъ безъ вниманія также и дѣтей, работающих въ торговлѣ, въ разноскѣ газетъ и т. д., а равно и въ сельскомъ хозяйствѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ, первыя творенія бельгійскаго соціального законодательства, при всей своей запоздалости, были далеки отъ совершенства. Правда, что послѣ 1894 г., главнымъ образомъ благодаря дѣятельности вошедшихъ въ бельгійскую палату социалистовъ, было издано еще нѣсколько законовъ (такъ, въ 1896 г.—о правилахъ внутренняго распорядка на фабрикахъ, въ 1898 г.—о признаніи профессиональных союзовъ юридическими лицами, въ 1900 г.—о рабочемъ договорѣ и пенсіяхъ на случай старости, а въ 1903 г.—объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи). Однако, и эти законы, сватотатственной рукой продолжавшіе вторгаться въ идиллію капиталистическаго эдема, явились съ большимъ запозданіемъ; крожъ того, и они далеко не представляютъ «послѣдняго слова науки». Поэтому, и послѣ ихъ изданія Бельгія представляется намъ отнюдь не страной, стоящей впереди другихъ государствъ, но, напротивъ того, идущей въ хвостѣ ихъ. Не останавливаясь на многочисленныхъ другихъ недостаткахъ бельгійскаго соціального законодательства, укажемъ только хотя бы на то, что въ Бельгіи и до настоящаго времени не введенъ еще ни одинъ изъ видовъ обязательнаго страхованія рабочихъ, уже 15—20 лѣтъ существующихъ въ Германіи и оттуда перешедшихъ и въ нѣкоторыя другія страны.

Итакъ, въ области соціального законодательства, а отчасти и народнаго образованія кичливыя восхваленія бельгійскаго правительства являются не болѣе, какъ оффиціальной ложью. Но и остальные утвержденія его о всеобщемъ благополучіи должны быть принима-

¹⁾ Съ особымъ ожесточеніемъ de Broukère въ своей статьѣ нападаетъ на т. наз. кружевныя школы, въ которыхъ подъ видомъ обученія часто находятъ себѣ мѣсто самая ужасающая эксплуатація дѣтскаго труда. Такихъ школъ въ Бельгіи существуетъ около 160, причемъ $\frac{3}{4}$ ихъ находится въ рукахъ монахинь. Въ этихъ школахъ дѣти, въ возрастѣ отъ 6, 7 или 8 лѣтъ проводятъ иногда по 8, 9 и болѣе часовъ въ удушливо-жаркомъ и негодномъ для дыханія воздухѣ при страшной тѣснотѣ за напряженной работой.

смы cum grano salis. Дѣйствительно, нѣтъ спору, что за послѣднія 50 лѣтъ заработная плата удвоилась, а цѣны предметовъ потребления упали: но за этотъ же промежутокъ времени національное богатство выросло въ гораздо большей степени, а съ другой стороны за это время въ уровнѣ какъ заработной платы, такъ и цѣнъ на предметы потребления рабочихъ не разъ происходили колебанія въ невыгодномъ для рабочихъ направленіи. Или возьмемъ рабочія жилища; представители рабочей партіи признаютъ, что изданный по этому вопросу въ 1889 г. законъ дѣйствительно, внесъ нѣкоторое улучшеніе; однако, послѣднее должно быть признано ничтожнымъ въ сравненіи съ размѣрами нужды: на основаніи этого закона ежегодно возникаетъ 2500—3000 новыхъ рабочихъ жилищъ, тогда какъ общее число рабочихъ хозяйствъ составляетъ болѣе милліона. При этомъ закономъ не могутъ пользоваться какъ разъ самые бѣдные слои рабочаго населенія. Такимъ образомъ, громадное большинство рабочаго населенія и до настоящаго времени по своимъ жилищнымъ условіямъ находится въ весьма неудовлетворительномъ положеніи, характернымъ признакомъ котораго является прежде всего ужасающая скученность со всѣми ея вредными для здоровья и нравственности послѣдствіями. Но домовладѣльцамъ эти жилища приносятъ по 15—20% прибыли...

Классовый эгоизмъ правящихъ классовъ, по мнѣнію изданія рабочей партіи, обнаруживается и въ финансовомъ строѣ Бельгіи. Въ то время, какъ въ 1831 г. изъ общей суммы падавшего на населеніе налогового бремени менѣе $\frac{1}{3}$ (20 мил. фр. изъ 65) приходилось на косвенное обложеніе, въ 1905 г. на его долю приходилось уже болѣе $\frac{1}{2}$ (127 мил. фр. изъ 251), причемъ косвенному обложенію, какъ внутри страны, такъ и при ввозѣ изъ за границы, подлежали и разные предметы первой необходимости. Такимъ образомъ, государственная власть гораздо бережливѣе относилась къ интересамъ богатыхъ, чѣмъ бѣдныхъ. Такое же невниманіе къ интересамъ рабочаго населенія обнаруживается и въ расходномъ бюджетѣ: тогда какъ на военные расходѣ (включая сюда и проценты на соотв. часть, государственнаго долга) тратится ежегодно 95 мил. фр., на народное образованіе государствомъ тратятся всего по 25 мил. фр. въ годъ, причемъ каждый питомецъ низшей школы стоитъ государству въ годъ 16 фр., средней школы—100 фр., а высшей школы—1000 фр.¹⁾

¹⁾ Приведенная въ текстѣ цифра (25 мил. фр.) наглядно показываетъ намъ, насколько Россія должна была бы увеличить свой бюджетъ на народное образованіе, даже еслибы она хотѣла достигнуть только тѣхъ недостаточныхъ результатовъ, которые мы видимъ въ Бельгіи: исходя изъ этой цифры, мы получили бы, что Россія должна на свое 140-милліонное населеніе ежегодно тра-

Расходование народных денег въ одностороннемъ классовомъ интересѣ крупной буржуазіи обнаруживается, по мнѣнію социалистовъ, и въ цѣломъ рядѣ другихъ обстоятельствъ: въ условіяхъ концессионирования каменноугольныхъ копей, въ порядкѣ постройки желѣзныхъ дорогъ (въ частности — желѣзныхъ дорогъ въ государствѣ Конго), въ привилегіяхъ, даруемыхъ государствомъ національному банку и т. д. Вездѣ и всюду интересы бѣдныхъ приносятся въ жертву выгодамъ богатыхъ, которыя за то получаютъ дивиденды въ 10, 15, 20, а порою и больше процентовъ.

III.

Мы закончили наше изложеніе и можемъ подвести ему итогъ.

Промышленные и торговые успѣхи Бельгіи за 75 лѣтъ ея самостоятельнаго существованія не подлежатъ сомнѣнію: они громадны, и ими Бельгія справедливо можетъ гордиться. Гораздо меньшее значеніе эти успѣхи имѣли для блага всего населенія страны: ростъ народнаго благосостоянія сильно отставалъ отъ роста національнаго богатства. Масса населенія, т. е. тѣ, кто гл. обр. на своихъ плечахъ вынесли поступательный ходъ хозяйственнаго развитія страны, лишь мало участвовали въ выгодахъ отъ этого развитія. Такое положеніе дѣлъ не составляетъ особенности Бельгіи; въ извѣстной степени оно наблюдается въ каждой капиталистической странѣ. Но ни въ одной странѣ съ высоко развитой промышленною жизнью оно не наблюдается въ такой степени, какъ въ Бельгіи. Нигдѣ столь цѣнная капиталистами свобода отношеній между предпринимателями и рабочими столь благоговѣнно не охранялось отъ посягательствъ, какъ въ этомъ «раѣ капиталистовъ»; нигдѣ она не сохранилась такъ долго въ своей первобытной чистотѣ и неприкосновенности, нигдѣ она и въ настоящее время столь мало не затронута. Нигдѣ, наконецъ, народное невѣжество не держится еще столь упорно.

Въ чемъ же причины такого положенія Бельгіи, выдѣляющаго ее среди другихъ промышленныхъ странъ? Одна изъ этихъ причинъ

тратить на народное образованіе изъ государственныхъ средствъ въ 20 разъ болѣе, т. е. прибол. 200 милл. рублей въ годъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что кромѣ расходовъ изъ государственныхъ средствъ, весьма значительныя суммы тратятся въ Бельгіи на народное образованіе изъ суммъ, отпускаемыхъ провинціями и общинами: такъ, въ 1902 на одно начальное образованіе было всего израсходовано 44,5 милл. фр., изъ коихъ на долю провинцій и общинъ приходилось 23 милл., а на долю государства 18,5 милл. фр. (изъ коихъ источниковъ покрывались остающіеся 3 милл. фр., офици. изданіе правилъ, откуда мы заимствуемъ эти цифры, не указываетъ).

ясна: она коренится въ условіяхъ бельгійскаго избирательнаго права, въ теченіе долгаго времени дававшихъ огромный перевѣсъ интересамъ крупной буржуазіи, и лишь съ 1893 г. привлечшихъ къ участию въ выборахъ, хотя и не на равныхъ правахъ все населеніе.

Изложенный выводъ весьма поучителенъ и для насъ. Онъ показываетъ намъ, какое значеніе имѣетъ осуществленіе той четырех-членной формулы, къ которой въ настоящее время стремятся всѣ передовые элементы Россіи. Съ другой стороны, 75-лѣтняя исторія Бельгіи свидѣтельствуетъ намъ о томъ, сколько борьбы въ странахъ съ ограниченнымъ избирательнымъ правомъ приходится затрачивать на его расширеніе, съ какими жертвами эта борьба сопряжена и сколько на нее уходитъ силъ, которыя безъ этого могли бы получить иное, болѣе производительное примѣненіе.

В. Э. Денъ.

Партія и секта ¹⁾.

Въ каждой странѣ крайніе эксцессы партійной страстности имѣють свой особый характеръ въ зависимости отъ уклада жизни. Въ Германіи, въ пылу партійнаго раздраженія, ругаютъ своего противника идіотомъ и невѣждой; въ Англіи стараются узнать, не соблазнялъ-ли онъ чужой жены; во Франціи ищутъ доказательствъ его подкупности и казнокрадства. У насъ въ Россіи дѣлають и то, и другое, и третье, но первѣе всего изслѣдуютъ всѣхъ и каждого съ точки зрѣнія той или иной «политической благонадежности». Одни изслѣдуютъ и испытываютъ, не состоитъ-ли такой-то въ сношеніяхъ съ «революціонерами», другіе — не состоитъ-ли онъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ. Каждый изъ насъ въ любой день можетъ быть ославленъ либо предателемъ отечества, либо измѣнникомъ партіи,—либо и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—и это вѣдь бываетъ у насъ. И ужаснѣе всего то, что заподозриваніе касается не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ партій, иногда огромныхъ партій, объединяющихъ десятки тысячъ людей. Тутъ нечему удивляться. Вѣка шпіонскаго режима до того развратили насъ, что потребность сыска стала второй натурой русскаго человѣка. Съ дѣтства окруженные стихіей всяческихъ гласныхъ и негласныхъ надзоровъ, мы привыкли къ ней, какъ

¹⁾ Помѣщая любопытныя соображенія В. Шмидта объ отношеніи между „партіей“ и „сектой“, мы считаемъ, что упрекъ въ „сектантствѣ“ менѣе всего заслуженъ именно конституціонно-демократической партіей. Авторъ совершенно произвольно считаетъ „сектантствомъ“ наличность выработанной программы, имѣющей задачей удовлетвореніе насущныхъ текущихъ потребностей общества. Это не умаляетъ, однако, значенія основной мысли автора о господствѣ сектантскаго настроенія въ нашей политической жизни.

Ред.

рыба къ водѣ, и выработали особыя жабры для воспріятія окружающей атмосферы; свободнымъ воздухомъ дышать мы не умѣемъ. Насъ окружали шпіонами и провокаторами; мы пріучились въ каждомъ нашемъ ближнемъ заподозривать шпіона и провокатора.

Нельзя было писать и говорить открыто, мы научились скрывать мысли и пріучились угадывать скрытыя мысли. Мы взяли привычку и читать и писать «между строкъ». Въ каждомъ изъ насъ сидитъ прилежный соглядатай.

Нынче въ положеніи обнюхиваемой очутилась к.-д. партія, нюхаютъ справа—не пахнетъ-ли эсеромъ; нюхаютъ слѣва,—не пахнетъ-ли правовымъ порядкомъ... Недавно читалъ я народный листокъ, гдѣ стараются растолковать мужику, что такое политическая партія, и по чему слѣдуетъ судить о достоинствахъ той или другой партіи. Право, подобные буквари политической грамоты слѣдовало-бы распространять не столько среди мужиковъ, сколько среди нашей интеллигенціи. Мужикъ, если онъ началъ что вообще понимать, сразу переходитъ къ дѣлу: «сколько земли и на какихъ условіяхъ ты мнѣ дашь?» А кн. Трубецкой допытывается: «не намѣрены-ли вы лѣтъ двѣсти устроить въ Россіи демократическую республику? Всей ли душой вы преданы Царю и Отечеству или только отчасти?» Кому, спрашивается, нужны букварь? Всѣ эти разговоры объ «неискренности», о «тайныхъ намѣреніяхъ» партіи также характерны для русской обывательщины, какъ знаменитая сказка объ англійскомъ флотѣ, который будто-бы прятался за какими-то островами, чтобы въ случаѣ чего напасть на нашу армаду.

Итакъ, всякое чтеніе между строкъ программы к.-д. партіи и чтеніе въ душахъ ея членовъ мы должны разъ навсегда безусловно оставить. Но, окончивъ политическое дознаніе по отношенію къ партіи народной свободы, мы тѣмъ не менѣе можемъ и должны заняться свободной критикой, хотя бы это была даже съ нашей стороны самокритика. Критика убиваетъ только то, что само по себѣ носитъ зародыши неизбѣжной гибели.

Поэтому, приступая къ критикѣ к.-д. партіи, я нисколько не боюсь повредить ей. Если моя критика будетъ справедлива, она послужитъ партіи на пользу; если она окажется несправедливой, то она будетъ безвредна.

Есть дѣйствительно въ к.-д. партіи одна особенность,

которая создаетъ какъ-бы двойственность, кажущуюся неискренность партіи, и которая долго будетъ еще отталкивать отъ нея людей извѣстнаго пошиба. Этой особенностью я считаю отношеніе къ *гекатологіи* (ученію о томъ, что будетъ черезъ сто лѣтъ). Да проститъ мнѣ читатель этотъ, быть можетъ, неудачный неологизмъ; но я нахожу себя положительно вынужденнымъ изобрѣсти особый терминъ для обозначенія извѣстнаго явленія нашей общественной жизни. Гекатологію я считаю основной чертой того явленія, которое П. Б. Струве называетъ сектанствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не боюсь ошибиться, говоря, что почти всѣ наши политическія партіи носятъ въ большей или меньшей степени сектантскій характеръ. Но что же такое сектантство? Въ чемъ его существенное отличіе отъ партійности?

Сектой я называю сообщество людей, объединенныхъ общей доктриной, и вѣрой въ наступающую катастрофу. Я настаиваю на существенной важности именно второго признака сектантства: вѣры въ грядущій переворотъ. Въ ученіи каждой секты непремѣнно есть элементъ пророчества; непремѣнно звучать въ немъ, какъ лейтъ-мотивъ, ноты великаго ожиданія, ожиданія чего-то, что «наступить и вотъ уже наступаетъ», и что измѣнитъ лицо всего міра:

„Но дважды ангель вострубитъ,
„Внезапно громъ небесный грянетъ,
„И братъ отъ брата побѣжитъ,
„И сынъ отъ матери отпрянетъ...”

Въ душѣ каждого сектанта эти пламенные слова пророка пустыни найдутъ тотъ или иной откликъ. Исторически прослѣдить это нетрудно. Вѣдь и христіанство при своемъ возникновеніи было ничто иное, какъ эсхатологическая секта, и эсхатологическія чаянія не умирали въ немъ вплоть до нашихъ дней. А чѣмъ инымъ какъ не эсхатологіей, какъ не по вѣрой въ неизбежность грядущаго «конца» одушевлены и объединенны современные сектанты, исповѣдующіе доктрину Маркса и чающіе пришествія «сына человѣческаго» — всемірнаго пролетарія. «Да прійдетъ царство твое», — и вотъ оно уже не за горами, вотъ оно уже среди насъ, внутри насъ... «Наступаетъ, наступаетъ! Бодрствуйте-же, вѣрные, ибо не знаете ни дня, ни часа, когда прійдетъ господинъ вашъ!»

Да иначе и быть не могло-бы. Секта по существу есть

союзъ революціонный, стремящійся къ ниспроверженію существующаго порядка жизни. Но одна голая доктрина, одно утвержденіе, что все существующее плохо и что должно его измѣнить,—не можетъ стать девизомъ могущественнаго движенія народныхъ массъ. Тутъ нужны иные motto, нужна пламенная увѣренность, что существующее обречено на неизбѣжную гибель, и что моментъ этой гибели близокъ. Разныя формы принимаетъ эта увѣренность, но сущность остается одна. «Начало конца»,—вотъ истинный взглядъ всякаго сектанта на современность; и это не отвлеченная формула для него, а живое, непосредственное ощущеніе, иногда болѣзненное до ужаса. Напрасно было бы думать, что есть какая-нибудь принципиальная разница между «научной эсхатологіей марксистовъ и религіозной эсхатологіей христіанскихъ и иныхъ сектъ. Пророкъ Исайя, предсказывая будущія судьбы еврейскаго народа, былъ также наученъ, какъ и любой современный предсказатель. У него былъ подъ рукою свой историческій матеріалъ и своя философія исторіи; онъ ставилъ извѣстныя предпосылки и дѣлалъ извѣстные выводы. И при этомъ онъ былъ вполнѣ послѣдователенъ. Много говорили о «желѣзной логикѣ Маркса». Я и не думаю спорить противъ этого. Но попробуйте-ка «принять основныя положенія» Исайи и вырваться изъ желѣзныхъ тисковъ его логики. Врядъ ли это вамъ удастся. Если же не всѣ его предсказанія сбылись, то виноваты, конечно, основныя положенія, т. е. виновато несовершенство матеріала, надъ которымъ работала его мысль. Но развѣ современная научная мысль знаетъ абсолютно непреложныя основныя положенія? Здѣсь вѣдь все дѣло въ абсолютности; если въ предпосылкѣ мы ошибемся хоть на одну йоту, то въ нашемъ пророчествѣ окажутся перевранными цѣлыя главы; а между тѣмъ каждый сектантъ вѣритъ, что онъ знаетъ абсолютно непреложную истину. Увы! основныя то положенія Маркса давно уже сильно подмочены, а вѣра его послѣдователей «въ грядущее» нисколько отъ того не пострадала. Очевидно, что здѣсь дѣло не въ научности, не въ ненаучности, и даже не въ самомъ Марксѣ. Именно, я увѣренъ, что Марксъ всего менѣе повиненъ въ марксизмъ, что не будь его системы, мы притянули бы за волосы къ эсхатологическимъ вождельніямъ какую-нибудь другую доктрину. Въ основѣ всякой эсхатологической вѣры лежитъ нѣчто ирраціональное, не логи-

ческое, а, такъ сказать, біологическая увѣренность: «конецъ всего необходимъ, слѣдовательно онъ неизбѣженъ». И затѣмъ уже, *post factum*, является и доктрина.

Но на этомъ человѣческая мысль не останавливается. Представленіе *конца* всего—невыносимо для живого организма. Въ силу той же потребности, которая родила представленіе о новой жизни по ту сторону смерти, — человѣчество всегда понимало конецъ стараго міра не иначе, какъ начало новаго и лучшаго. Въ этомъ тоже согласны рѣшительно всѣ секты. «Сгинуть наша земля и наше небо, но на мѣсто ихъ станутъ иныя небеса и иная земля, и мы сами оживемъ въ новомъ лучшемъ мірѣ», — говорятъ намъ одни. «Рухнетъ старое подгнившее зданіе современнаго буржуазнаго строя, и на мѣстѣ его мы выстроимъ другое лучшее», — говорятъ другіе. И еще одна особенность: грядущая катастрофа непремѣнно будетъ послѣдней, окончательной, и то, что наступитъ за ней, будетъ царствомъ совершенства. и пребудетъ это царство во вѣки вѣковъ. Вотъ тутъ то и открывается особенно широкое поле для пророческой фантазіи. Каково будетъ грядущее царство? Каковы новыя небеса? Какова новая земля? Требуется точный, опредѣленный, детальный отвѣтъ. Распланировываются тщательно будущіе райскіе сады, и каждый спѣшитъ насадить въ нихъ свое любимое дерево. Въ храмы будущаго несетъ мечта измученнаго народа все, что знаетъ хорошаго и пріятнаго въ юдоли настоящаго. Недаромъ Апокалипсисъ такъ щедръ на золото, порфиру, виссонъ и драгоцѣнные камни; не даромъ и будущая «соціалистическая республика» такъ откровенно пахиваетъ «запахомъ благополучія», — самаго обыденнаго, самаго современнаго буржуазнаго благополучія.

Вотъ это то планированіе райскихъ дорожекъ я и называю гекатологіей, — ученіемъ о томъ, что будетъ черезъ сто лѣтъ, или двѣсти, или триста, — но непремѣнно, непремѣнно будетъ, и будетъ полностью, и разъ навсегда, *in saecula saeculorum*. Хуже всего то, что каждый сектантъ знаетъ «спасенью узкій путь и тѣсныя врата»; его душѣ всегда близка притча о верблюдѣ и ушкѣ игольномъ. Собственно говоря, послѣдовательный эсхатологъ обреченъ на недѣланіе, непротивленіе, неувѣщательство. Христіанство и провозгласило совершенно опредѣленно принципъ непротивленія злу, и марксизмъ повторилъ его въ новой, по смыслу

совершенно тождественной формулѣ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». И оно логично. Вѣдь если близится доподлинно катастрофа, и близится не нашими усиліями, а дѣлами злыхъ,—то чѣмъ можемъ мы ускорить ея приходъ?

И если, пришедши, измѣнить она все лицо міра, такъ что камня на камнѣ не останется,—то что же можемъ мы приуготовить для будущаго? Что остается вѣрующему, какъ не облачиться въ бѣлыя одежды, лечь во гробъ и ждать гласа трубнаго? Но тутъ то и сказывается ирраціональность человѣческой природы. Оказывается какъ то возможнымъ протянуть сквозь ушко игольное не только что верблюда и самого себя, но и всѣхъ, кого любишь, и всю свою родную страну, и даже все человѣчество. Это здоровый инстинктъ несомнѣнно, отталкивающий живую душу отъ всяческаго положенія во гробъ, но вырастая въ больной атмосферѣ сектантства, онъ приобретаетъ уродливыя извращенныя формы. Оказывается, говорю, возможнымъ планомерно закладывать фундаментъ будущаго зданія, оказывается возможнымъ сажать такія деревья, что будутъ давать яблочки черезъ сто лѣтъ. И на поливку этихъ райскихъ деревъ идетъ вся вода живая вѣрующихъ душъ. И спорятъ вѣдь, до истощенія спорятъ: что сажать, гдѣ сажать, какъ сажать? И до большаго даже долумываются: къ старымъ то, къ обреченнымъ на гибель, дичкамъ побѣги райскихъ яблочекъ прививаютъ.

Отъ непротивленія злу, отъ недѣланія переходятъ къ дѣйствительному ученію о томъ, какъ загнать людское стадо сквозь тѣсныя врата въ будущую обитель спасенія. И, конечно, раздѣлить стадо на овецъ и козлищъ. Овецъ то мы всѣхъ введемъ, а козлищъ — побоку, въ геену огненную.

Такимъ образомъ, каждая секта вырождается—теоретически—въ ученіе о козлищахъ и овцахъ, а практически—въ дѣятельное предпріятіе по постройкѣ будущихъ казармъ благополучія.

Гекатология и есть ученіе о томъ, какъ строить эти казармы за сто лѣтъ впередъ, по заранѣе утвержденному плану.

Совсѣмъ другое дѣло партія. Правда, это понятіе еще болѣе широкое и менѣе опредѣленное, чѣмъ секта, но все же можно достаточно ясной чертой отграничить партію отъ

секты. Какъ ячейку партіи можно разсматривать случайный временный союзъ, возникающій при разрѣшеніи какого-либо вопроса большинствомъ голосовъ и распадающійся тотчасъ послѣ рѣшенія этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ. Въ чистомъ видѣ мы наблюдаемъ такія партіи, напримѣръ, на выборахъ; разъ выборы произведены, роль партіи окончена и она прекращаетъ существованіе. Но если вопросъ касается не выборовъ лица, а проведенія какого-нибудь мѣропріятія, то партія обязательно оканчиваетъ свою роль лишь въ томъ случаѣ, если вопросъ рѣшенъ въ желательномъ для нея смыслѣ; если же нѣтъ, то она можетъ продолжать свое существованіе и вновь возобновлять свою борьбу.

Много примѣровъ такихъ партій знаетъ англійская парламентская исторія. Наконецъ, партія можетъ группироваться не вокругъ одного только вопроса, а вокругъ цѣлаго ряда таковыхъ, вмѣстѣ образующихъ такъ называемую «программу партіи». Но разъ вся программа осуществлена полностью, роль партіи опять таки окончена и всѣ партійныя обязательства теряютъ свою силу на дальнѣйшее время. Такова схема. Но жизнь исконный врагъ всякихъ схемъ и каждый день создаетъ новыя комбинаціи, никакъ не укладывающіяся въ опредѣленные рамки. Отъ проведенія въ жизнь любой политической программы непременно выигрываетъ одна часть населенія и проигрываетъ другая, хотя, конечно, не всегда въ равной степени и не всегда количественно равныя части. И вотъ, сплошь да рядомъ отъ защиты одной программы партія переходитъ вообще къ защитѣ интересовъ извѣстной части населенія. Въ такомъ случаѣ она сама пріобрѣтаетъ до нѣкоторой степени характеръ перманентный и, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, измѣняетъ и дополняетъ свою программу. Исторія знаетъ многое множество подобныхъ и иныхъ группировокъ, и всѣхъ ихъ зарегистрировать невозможно. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: понятіе о партіи, какъ таковой, дала намъ парламентская жизнь, и этимъ опредѣляется ея характеръ. Партія въ существѣ своемъ не имѣетъ ничего постоянного, абсолютнаго и, какъ таковая отнюдь, не можетъ выступать *sub specie aeternitatis*. Все въ ней подвижно, произвольно,—и составъ, и программа, и сама тактика. Партія есть одна изъ самыхъ свободныхъ формъ об-

щественной группировки. Она отнюдь не притязуетъ на разрѣшеніе мировыхъ задачъ и не требуетъ единенія на почвѣ общаго міропониманія и общей вѣры. Платформа каждой партіи есть удовлетвореніе тѣхъ или иныхъ насущныхъ потребностей той или иной части населенія.

Элементомъ партійнаго единенія всегда служитъ—фактически—приблизительное совпаденіе интересовъ, а формально—частное соглашеніе, изображенное въ формѣ программы. Обязательство членовъ партіи по отношенію къ послѣдней не идутъ дальше этого соглашенія, и отнюдь не касаются личныхъ убѣжденій, манеры жить, взглядовъ на будущность человѣчества, личной морали и т. п.

Изъ сказаннаго достаточно выясняется коренное различіе между сектой и партіей. Употреблять слово партія въ болѣе широкомъ смыслѣ, такъ, чтобы оно покрывало собою чуть не всѣ виды общественныхъ группировокъ,—значитъ сознательно избѣгать точной формулировки вопроса и маломальскаго разграниченія понятій. Если разговорная рѣчь и придаетъ иногда слову партія самое произвольное значеніе, то это еще не можетъ быть основаніемъ для того, чтобы продѣлывать то же самое въ печати.

Итакъ, партія есть временное, условное и частичное соглашеніе на почвѣ столкновенія реальныхъ интересовъ отдѣльныхъ частей населенія. А секта есть тѣсный союзъ людей, объединенныхъ *in saecula saeculorum* общей вѣрой и общимъ ожиданіемъ. Но жизнь, повторяю, не знаетъ никакихъ схемъ. И вотъ сплошь и рядомъ мы наблюдаемъ, какъ партія приобретаетъ характеръ сектантскій, и, наоборотъ, секта образуетъ вокругъ себя «съ тактической цѣлью» партію, и сама постепенно перестаетъ быть сектой и становится партіей.

Для примѣра укажемъ на германскую социаль-демократическую партію. Что зерномъ ея была извѣстная марксистская секта, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но за то очень сомнительно, чтобы каждый, кто нынѣ голосуетъ въ Германіи въ пользу социаль-демократическихъ кандидатовъ, самъ былъ социалистомъ и демократомъ по убѣжденію или даже только на словахъ. Сила этой партіи состоитъ въ томъ, что осуществленіе ея сектанскаго *maximum'a* относится къ временамъ весьма отдаленнымъ, а пока что, занимаясь своимъ партійнымъ *minimum'омъ*, она является наиболѣе

прогрессивной и наиболѣе демократической партіей германскаго рейхстага. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что ростъ социаль-демократической партіи означаетъ умирание социаль-демократической секты. Если бы исполнились когда-либо сроки и настала часть пришествія марксистскихъ идеаловъ, — кто знаетъ, много ли осталось бы правовѣрныхъ социаль-демократовъ въ рядахъ партіи. Разъ вступивъ на почву парламентской борьбы, германская социаль-демократія постепенно теряетъ свой сектантскій характеръ и приобретаетъ характеръ партійный; и въ будущемъ ей предстоитъ окончательно превратиться въ партію, если только не помѣшаютъ этому какія либо событія изъ сферы внѣ-парламентской. Уже и теперь она почти утратила свою сектанскую исключительность и нетерпимость. И если въ ея программѣ и стоятъ еще прежніе жупелы, то никого они больше не пугаютъ, ибо всѣ знаютъ прекрасно, что пока дойдетъ очередь до жупеловъ, Бебель будетъ аккуратно отзываться на всѣ запросы текущей жизни, и притомъ въ духѣ наиболѣе желательномъ для насущныхъ интересовъ широкихъ массъ.

Вернемся на русскую почву. Я уже говорилъ выше, что почти всѣ наши политическія партіи носятъ характеръ болѣе или менѣе сектантскій. Было бы точнѣе сказать, что у насъ и вовсе нѣтъ еще политическихъ партій, и по весьма понятной причинѣ, — потому что у насъ нѣтъ парламента. Поскольку дѣло касается такъ называемыхъ крайнихъ, — нашихъ социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ, — это положеніе почти и не требуетъ доказательствъ. Социаль-революціонеры, какъ парламентская партія, вещь вовсе немислимая; а насчетъ русской социаль-демократіи очень трудно сказать, въ формы какой партіи выльется она по установленіи парламентскаго строя, даже больше: нельзя съ увѣренностью сказать займется ли она вообще въ будущемъ положеніе отдѣльной жизнеспособной партіи, на подобіе германской социаль-демократической партіи. Нѣсколько лучше повидимому обстоитъ дѣло съ различными партіями «бей жидовъ», и партіями, — «какъ прикажете?»; несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что лица, пополняющія ихъ кадры, образуютъ современемъ наши «правыя» парламентскія партіи. Но это пока еще будетъ, а теперь эти группы гораздо болѣе смахиваютъ на организованныя свѣше общества спа-

сенія погибающаго отечества, чѣмъ на подлинныя политическія партіи. Но вотъ к.-д., «Народная Свобода», — что это такое — партія или секта? На первый взглядъ, я знаю, этотъ вопросъ покажется страннымъ и парадоксальнымъ. Вѣдь конституціоналисты-демократы на каждомъ шагу заявляютъ, что они образуютъ партію строго парламентарную, что орудіе ихъ борьбы—слово и убѣжденіе, что они враги всякаго насилія и всякой сектанской нетерпимости. Да, все это такъ. Но стоитъ, не читая даже, взглянуть только на знаменитые 57 пунктовъ к.-д. программы, чтобы въ душу закралось нѣкоторое сомнѣніе.

Вѣдь существовали же подолгу могущественныя и прочныя партіи съ вовсе не писанными программами; а тутъ еще и не начавъ существовать какъ слѣдуетъ—партія уже имѣетъ напечатанными 57 пунктовъ! Да еще какъ имѣетъ! Вѣдь эти 57 пунктовъ—это гордость и слава каждаго конституціоналиста-демократа, это его *raison d'être*. На своихъ собраніяхъ конституціоналисты-демократы только и дѣлаютъ, что обсуждаютъ, разъясняютъ, толкуютъ, комментируютъ свою программу. Вокругъ этой кадетской библии выросъ уже цѣлый Талмудъ комментариевъ,—знаменательное явленіе! При ближайшемъ знакомствѣ съ к.-д. программой окончательно убѣждаешься, что имѣешь дѣло съ гекатологическимъ пламированіемъ райскихъ дорожекъ. Чтобы не долго искать,—взять хоть бы «примирительныя камеры». «Установленіе въ Россіи строго парламентарнаго образа правленія», и рядомъ «примирительныя камеры»! Безспорно, эти камеры вещь хорошая. Но дѣло вотъ въ чемъ: вмѣсто парламента врядъ ли что-нибудь другое выдумаешь, а вмѣсто примирительныхъ камеръ можно выдумать очень и очень много хорошаго. А отсюда какъ будто бы вытекаютъ двѣ вещи: во-первыхъ, что на парламентъ всегда согласится гораздо большее число лицъ, чѣмъ на камеры; а во-вторыхъ, что, говоря о парламентѣ, можно бы и позабыть о всякихъ камерахъ. Все это такъ съ точки зрѣнія реальной политики; но съ точки зрѣнія гекатологіи все обстоитъ совсѣмъ иначе. Во-первыхъ, въ райскихъ садахъ всѣ деревья абсолютно равноцѣнны: самыя большія и самыя малыя; и даже больше того: каждая вѣточка каждаго дерева равноцѣнна всему лѣсу. И, во-вторыхъ, всякій гекатологъ твердо убѣжденъ, что ни единая іота изъ откровенія не прійдетъ, дондеже не совершится все предначер-

танное. Поэтому никакъ нельзя поступиться ни одной камерой, хотя-бы даже для цѣлаго парламента. И сколько-же такихъ камеръ и каморокъ въ к.-д. программѣ!

Изъ всего мною выше говореннаго, достаточно ясно, что я считаю необходимымъ условіемъ существованія обширной партіи—компромиссъ, соглашеніе. «Изъ десяти пунктовъ этой программы одинъ идетъ вразрѣзъ съ моими интересами. Но ради осуществленія остальныхъ девяти, я поступаю десятимъ и вхожу въ партію». Съ другой стороны, партія разсуждаетъ такъ: «одиннадцатый пунктъ моей программы оттолкнетъ большую часть моихъ adeptовъ. Ради проведенія въ жизнь остальныхъ десяти, существенно важныхъ, я поступаю имъ и остаюсь при десяти». При этомъ нужно замѣтить, что больше всего разногласія вызываютъ всегда детали, т. е. именно наименѣе существенныя части программы. Зачѣмъ-же, спрашивается, громоздить въ к.-д. программѣ цѣлыхъ 57 одиночныхъ камеръ, когда, пожалуй, достаточно было-бы на сегодня только одного, одного: *ceterum censeo Carthaginem delendam esse*—и все, что отсюда непосредственно вытекаетъ? А вотъ зачѣмъ.

Съ точки зрѣнія практической партіи,—довлѣтъ днѣви злоба его; для нея достаточно знать, что намъ нужно сегодня и эту нужду удовлетворить какъ можно скорѣе и полнѣе. Но гекатологъ всегда претендуетъ знать, что будетъ и что понадобится черезъ сто лѣтъ. Поэтому онъ страшно боится всегда, какъ бы возводя стѣны настоящаго, не нарушить планъ будущаго устроенія. Какъ наши «допотопники» вѣчно оглядываются, чтобы не дать промаху, за сто лѣтъ назадъ, такъ наши апокалиптики все вытягиваютъ шею, чтобы заглянуть за сто лѣтъ впередъ. И смѣшно и грустно иной разъ слушать, какъ серьезные люди ведутъ серьезныя рѣчи о томъ, не повредитъ ли введенію будущей социальной республики раздача мужикамъ земли на правахъ собственности. «Это разовьетъ въ нашемъ мужикѣ чувство собственности». Не правда-ли, какъ ужасно,—весь стройный планъ райской обители будетъ перепакощенъ этимъ сорнымъ растеніемъ! А вотъ на счетъ того, что пресловутая «націонализація» или «муниципализація» отчужденной земли можетъ въ ближайшемъ же будущемъ оказаться новой формой закрѣпощенія мужиковъ, способною сдѣлать фикціей всѣ наши завтрашнія политическія реформы,—объ этомъ,

кажется, никто не беспокоится, по крайней мѣрѣ, мнѣ не доводилось еще слушать бесѣдъ на эту тему... Но мужикъ и самъ знаетъ отлично, чего хочетъ. И вотъ изобрѣтается нѣчто совсѣмъ уже курьезное и въ высшей степени характерное: аренда на 99 лѣтъ (не долѣе, однако-же, ибо на сотомъ году исполнятся сроки...). Это какъ мы Манджурію на 99 лѣтъ арендовали. И волки сыты, и овцы цѣлы, и хвостикъ націонализаціи спасенъ. И китаецъ спокоенъ: на сотомъ-то году я отберу. И русскій мужикъ,—себѣ на умѣ,—радъ. Вотъ только-бы снова коварная Японія не вмѣшалась и не разстроила всѣ русско-китайскіе планы.

Та же исторія и съ «образомъ правленія». За конституцію-то кадеты всей душой. Но все это они въ своихъ рѣчахъ—съ оглядкой—какъ бы не нагадить нашему праправнуку, который черезъ сто лѣтъ будетъ вводить въ Россіи республику. Тутъ нѣтъ никакой неискренности, скорѣй, чтобы выразиться парадоксально,—слишкомъ ужъ большая искренность. «Сегодня-то я всенепремѣнно за конституцію, а вотъ черезъ сто лѣтъ я буду за республику—долженъ предупредить». Чудакъ! Да вѣдь черезъ сто лѣтъ тебя черви успѣютъ съѣсть!

Вотъ эта-то излишняя заботливость о томъ, что не въ нашей власти, эта—на каждомъ шагѣ—оглядка за сто лѣтъ впередъ и создаетъ особую специфическую двойственность к.-д. партіи. И отношеніе къ ней двойственное. Одни, сами гекатологи въ душѣ, пугаются этой конституціонно-демократической гекатологіи, потому что она противорѣчитъ ихъ собственной—и бѣгутъ. Другіе, люди практической политики, ни во что ставятъ эту гекатологію, а облюбовавъ изъ 57 пунктовъ два-три наиболѣе важныхъ,—остальныхъ и читать не хотятъ и смѣло примыкаютъ къ партіи. Я беру на себя смѣлость утверждать, что 90% изъ кадетовъ именно люди такого порядка, и именно на нихъ зиждется, какъ ни какъ, все-же значительное могущество этой партіи. Если когда-нибудь партія оттолкнетъ отъ себя эти «непрочные» элементы, она сразу потеряетъ всякое значеніе въ странѣ.

Было-бы въ высшей степени несправедливо винить въ этой двойственности однихъ учредителей к.-д. партіи. Во многомъ виноваты условія и обстановка теперешней русской жизни. И остается еще широко открытымъ вопросъ: можно ли создать чисто парламентскую партію въ эпоху, насквозь

революціонную, когда даже «парламентъ общественнаго мнѣнія» почти заглушенъ громомъ пушекъ, трескотней пулеметовъ и ревомъ озвѣрѣлой толпы.

Но какъ бы то ни было, —опять и опять повторяю: жизнь не любить и въ особенности не требуетъ никакихъ схемъ. Если нельзя собрать партію, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что нужно создать секту, какъ это усиленно рекомендуютъ намъ наши новѣйшіе апокалиптики и эсхатологи. Долой всякое сектантство! Будемъ чутки къ голосу жизни, и она сама подскажетъ намъ форму общественной организаціи, наиболѣе выгодную для настоящаго момента.

И если мы не можемъ сейчасъ же приступить къ мирной жатвѣ хлѣба насущнаго, то это отнюдь не значитъ, что мы должны сажать на родной нивѣ колючіе и безплодные кактусы-столѣтники.

В. Шмидтъ.

З а м ѣ т к и.

Народъ и власть въ Софокловой „Антигонѣ“.

Проблема власти и ея отношенія къ народу была въ глубокой и дерако-наивной формѣ поставлена въ Софокловой „Антигонѣ“. Есть что-то импонирующее въ идеѣ власти, направленной на служеніе народу, въ этой власти - обязанности, а не правѣ. Царь Креонъ говоритъ у Софокла, что онъ всю жизнь „лишь думалъ объ одномъ — о благѣ общемъ“. Но въ такомъ видѣ идея властвованія - служенія является для насъ лишь отвлеченнымъ понятіемъ, въ конкретныхъ же своихъ проявленіяхъ она уходитъ далеко отъ идеи служенія народу, но зато все тѣснѣе переплетается съ идеею служенія себѣ, съ идеей права на власть.

Несмотря на нѣкоторый пізетъ, который по отношенію къ власти чувствуется въ первыхъ строфахъ Софокла, онъ самъ начинаетъ постепенно выявлять передъ нами эту новую форму выраженія идеи власти. Креонъ не хочетъ слышать о томъ, что боги приняли участіе въ погребеніи Полиника:

„Нѣтъ не боговъ, а гражданъ
Виню во всемъ: роптали на меня
Бунтовщики, главами помавая,
Страхнуть ярмо пытаюсь“

и далѣе:

„Не будетъ смерть вамъ легкой карой, нѣтъ,
Я не убью, живыми васъ повѣшу
И пытками заставлю говорить,
Пока я всѣхъ виновныхъ не узнаю“.

Въ этихъ словахъ власть выступаетъ предъ нами уже не

какъ слуга общаго блага, — здѣсь слишкомъ явно звучить тонъ личной обиды по поводу нарушеннаго приказанія, личныхъ претензій. Еще ярче проступить эта рѣзкая перемена тона тамъ, гдѣ власть будетъ сталкиваться съ представителями общественной совѣсти, тамъ, гдѣ противъ власти встанетъ народъ. Демократія, т. е. народовластіе, какъ извѣстная политическая форма, является неизбѣжнымъ результатомъ этой коллизіи власти-права и подчиненія-обязанности. Нарушенное равновѣсіе должно найти себѣ исходъ, — и этотъ исходъ проявляется въ видѣ комбинаціи тѣхъ же элементовъ, но въ иной пропорціи. Власть остается властью, но она модифицируется не только конкретно путемъ соответствующей организаціи, гдѣ второй элементъ выдвигается насчетъ перваго, но и принципиально: власть - служеніе кому-нибудь замѣняется властью - служеніемъ народа самому себѣ. Въ „Антигонѣ“ цѣнно именно то, что въ ней въ формѣ смутнаго протеста, въ формѣ личнаго противодѣйствія чувствуется сила надвигающихся новыхъ формъ, слышится воля народа, шопотомъ еще заявляющаго о своихъ правахъ.

Когда Креонъ спрашиваетъ Антигону:

„Волю нашу ты знала ли?
И преступить законъ осмѣлилась?

онъ получаетъ въ отвѣтъ:

„Я *твой* законъ нарушила.
Закона *твоего* не начерталъ ни богъ, ни справедливость“.

Здѣсь уже выдвигается новый принципъ — справедливость принципа народнаго правосознанія...

„Надменные мечты въ душѣ питать
Не должно тѣмъ, кто у другихъ во власти“—

такъ говорить власть.

„Когда бъ не страхъ, сковавшій имъ уста,
Оправдана была бы я народомъ“—

отвѣчаетъ народъ.

Въ этой характерной фразѣ одинаково рельефно выступаютъ оба элемента. „Кто у другихъ во власти“ — это звучитъ уже совѣмъ не какъ рѣчь служителя народа, здѣсь голосъ властитираниіи, власти, какъ права силы, — и Гемонъ-народъ глубоко правъ въ словахъ:

„Принадлежать не можетъ одному
Свободная земля“.

Въ этомъ мѣстѣ коллизія власти и народа достигаетъ своего максимума, и быстрыми шагами идетъ затѣмъ развязка.

Власть-самовластіе ходомъ вещей приводится къ роковому столкновенію съ принципами народнаго права,—и въ этой борьбѣ она гибнетъ.

Намъ, конечно, нѣтъ надобности въ XX-мъ столѣтіи аргументировать такъ, какъ старцы и Антигона. Взаимнѣ

„Божественныхъ законовъ,
Не писанныхъ, но вѣчныхъ,
Не вчера рожденныхъ, не сегодня,
Но правящихъ всегда“

современная мысль выдвигаетъ принципъ свободы личности, исторически глубоко связанный со всѣмъ многовѣковымъ развитіемъ человѣческой жизни. Постулатъ свободной личности диктуется намъ не только нашимъ нравственнымъ сознаніемъ,—онъ звучитъ къ намъ изъ глубинъ жизни, какъ категорическое требованіе, безъ котораго невозможенъ дальнѣйшій культурный прогрессъ. Формулы, соотвѣтствовавшія юношеской фигурѣ чело-вѣка, оказываются не по плечу зрѣлому гражданину, эти формы должны уйти,—и закономѣрно выдвигаются имъ на смѣну другія. Софокль очень тонко подмѣчаетъ процессъ разложенія тиранніи:

„И царь непобѣдимый,
Если нѣтъ въ немъ правды вѣчной,
На погибель обреченъ“.

Правда вѣчная—это соотвѣтствіе формы и существа. Гдѣ нѣтъ этого соотвѣтствія, тамъ борьба, и тѣмъ болѣе острая, чѣмъ крѣпче и цѣпче держится власть за старое

„Ужасна сила Рока:
Отъ нея спасти не могутъ
Ни твердыни, ни войска.“

Правосознаніе созрѣвающего народа ищетъ выхода. За первымъ періодомъ, критическимъ, когда старая власть теряетъ свой моральный авторитетъ и дѣлается вопросомъ факта и силы, идетъ второй періодъ созиданія, народно-политическаго творчества. У Софокла мы слышимъ лишь первые звуки будущихъ громовъ...

Историческая Немезида не спитъ. Надъ тѣмъ, что отжило свой вѣкъ, поставленъ крестъ; оно подъ напоромъ живыхъ силъ будетъ устранено, и вѣчной правдой будутъ звучать слова мудраго, кристально-яснаго эллина

„Но и царь непобѣдимый,
Если нѣтъ въ немъ правды вѣчной,
На погибель обреченъ“.

Левъ Картуманскій.

Редакція обращается къ авторамъ и издателямъ съ просьбой присылать свои книги для отзыва.

Списокъ поступающихъ въ редакцію книгъ печатается въ каждомъ № „Свободы и Культуры“.

Книги, поступившія въ редакцію съ 8 по 13 апрѣля:

Ж. Жоресъ и П. Лафаргъ. Идеалистическое и матеріалистическое пониманіе исторіи. Изд. „Литературное Дѣло“. Спб. 1906 г. 38 стр. Ц. 8 к.

Ж. Жоресъ и Ж. Гедъ. Двѣ тактики. Изд. „Литературное Дѣло“ Спб. 1906 г. 40 стр. Ц. 10 к.

Лебедевъ, П. Библіотека социаль-демократа. 112 стр. Ц. 15 к.

Миклашевскій, А. Обмѣнъ и экономическая политика. Юрьевъ—Дерптъ. 1904 г. 488 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Оленинъ, Н. Стихотворенія. Москва, 1906 г. 157 стр.

Толстой, Л. Церковь и государство. Изд. „Обновленіе“. Спб. 1906 г. 32 стр. Ц. 5 к.

Его же. Конецъ вѣка. Изд. „Обновленіе“. Спб. 1906 г. 64 стр. Цѣна 7 коп.

Тюро. Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ. Перев. и дополненія А. Миклашевскаго. Юрьевъ, 1905 г. 80 стр. Цѣна 75 коп.

Цытовичъ, Н. Политическая реформа и социальный переворотъ. Кіевъ, 1906 г. 43 стр.

Феликсъ. Г. А. Гапонъ и его общественно-политическая роль. Спб. 1906 г. 40 стр. Ц. 10 к.

Щаповъ, А. Сочиненія. Т. II. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1906 г. 620 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Издательница М. Н. Могилянская. Редакторъ С. Л. Франкъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

продается книга:

Петра Струве НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

(1893 — 1901 гг.).

Сборникъ статей.

Содержаніе:

Предисловіе. 1) Моиѣ критикамъ. 2) Наши утописты. 3) Г. Черинъ и его обращеніе къ прошлому. 4) „Мужики“ Г. Чехова. 5) „Мужики“ Чехова и Г. Михайловскій. 6) Замѣчательная книга. 7) *Miscellanea*. 8) Философія идеальнаго добра или апологія реальнаго зла? 9) Памяти Владиміра Соловьева. 10) Романтика противъ казенщины. 11) Новая книга по русской исторіи и литературѣ. 12) Нѣсколько словъ по поводу статьи Г. Оболенскаго: „Новый расколъ въ нашей интеллигенціи“. 13) Маркъ о Гёте. 14) Ф. Лассаль. 15) Еще о Лассалѣ. 16) Замѣтки о Гауптманъ и Ницше. 17) Противъ ортодоксальной нетерпимости—*prodoma sua*. 18) Памяти Н. В. Шелгунова. 19) Австрійское крестьянство и его бытописатель. 20) Соціально-экономическая подкладка нѣмецкаго вопроса въ Австріи. 21) Международный конгрессъ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ. 22) „Экономическіе этюды“ Н. В. Водовозова. 23) Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности. 24) Научная исторія русской крупной промышленности. 25) Изъ лѣтнихъ наблюденій. 26) Свобода и историческая необходимость. 27) Къ вопросу о морали. 28) Право и права! 29) Въ чемъ же истинный націонализмъ?

Томъ въ 555 стр. Цѣна 3 рубля.

Складъ изданія въ книгоиздательствѣ
О. Н. Поповой, Невскій, 54.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХУДОЖНИКИ: Б. И. Анисфельдъ, Л. С. Бакстъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинъ, Аксель Галленъ (Финляндія), П. Галоненъ (Финляндія), А. Ф. Гаушъ, И. Э. Грабаръ, З. И. Гржебинъ, М. Д., Ерро Ернефельдъ (Финляндія), А. Зальцманъ, С. В. Ивановъ, Д. Н. Кардовскій, Б. М. Кустодіевъ, Е. Е. Лансере, Латри, Е. К. Маковская, В. Д. Миліоти, Н. Д. Миліоти, А. П. Остроумова, Л. О. Пастернакъ, П. Риссаненъ (Финляндія), Ю. И. Рѣпинъ, Саариненъ (Финляндія), К. А. Сомовъ, В. А. Сѣровъ, П. Н. Троянскій, П. Е. Щербовъ, К. Э. Юонъ

и

ПИСАТЕЛИ: Allegro, А. Амфитеатровъ, Л. Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Блокъ, В. Брюсовъ, А. Бѣлый, И. Бунинъ, М. Горькій, С. Гусевъ-Оренбургскій, О. Дымовъ, В. Жаботинскій, Б. Зайцевъ, Л. Зиновьева-Аннибалъ, Вяч. Ивановъ, В. В. Каррикъ, Н. Крандіевская, А. И. Купринъ, С. Л. Поляковъ, Пэкъ, А. М. Ремизовъ, Силанъ, Скиталець, Э. Сологубъ, Тэффи, Д. В. Filosoфъ, Е. Н. Чириковъ, К. Чуковский, Г. Чулковъ, А. А. Яблоновскій—

выпускають въ непродолжительномъ времени журналъ

„АДСКАЯ ПОЧТА“.

Изданіе будетъ выходить еженедѣльно размѣромъ отъ 12 до 16 стр. Въ каждомъ номерѣ 4 — 6 рисунковъ въ нѣсколько красокъ и 15—10 рисунковъ въ текстѣ. Журналъ будетъ печататься у Р. Голике и А. Вильборгъ въ двухъ изданіяхъ: обыкновеннымъ на лучшей глазированной бумагѣ и роскошномъ (для подписчиковъ) на веленовой бумагѣ.

Подписная цѣна: 8 руб. въ годъ, 4 руб. на полгода и 2 руб. на три мѣсяца. За границу 12 руб. Отдѣльные номера 15 коп. Подписка принимается: въ Спб. въ книжн. магаз. Тов. „Трудъ“ (Невскій, 64) и во временной редакціи журнала „Адская Почта“, Забалканскій пр., д. 20, кв. 17.

Редакторъ П. Н. Троянскій.

Издатель Е. Е. Лансере.

Мартъ 1906 г.

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., Большой пр., д. 6

(„Литературная Книжная Лавка“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Книги, вышедшія въ 1904-5-6 гг., указаны —

Собственными изданіями

I. Историческій отдѣлъ

Батюшковъ, Ѳ. Д.

В. Г. Короленко, какъ человекъ и писатель, по его произведеніямъ.

Съ портретами и иллюстраціями (№ 13) [печатается].

Богучарскій, В.

Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб.

1904 г. 2 р. (№ 4).

Бороздинъ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к. (№ 1).

Содержаніе: Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія. — Литературныя и общественныя взгляды Карамзина. — Романтизмъ. — Поэзія В. А. Жуковскаго. — Крыловъ и Грибоѣдовъ. — Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина. — А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. — Поэтъ „гражданской скорби“ двадцатыхъ годовъ. — Критическія обзорѣнія А. А. Бестужева. — Журналисты двадцатыхъ годовъ. — Поэзія М. Ю. Лермонтова. — Развитие взглядовъ Гоголя на творчество. — Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій. — Трудъ В. И. Семева по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ II. Съ 18 портретами (№ 1).

Вып. I. Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Вѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики. — Александръ Ивановичъ Герценъ и крестьянскій вопросъ. — Тимоѣей Николаевичъ Грановскій. — К. Д. Кавелинъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу. — Семья Аксаковыхъ. — И. С. Аксаковъ и петербургскіе студенты восьмидесятыхъ годовъ. — Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. — Взгляды А. С. Хомякова на отношеніе Россіи къ Западу. — Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и освобожденіе крестьянъ. — Славянофильскій особаго типа.

Вып. II. Съ 5 портретами.

Содержаніе: И. С. Тургеневъ. — Д. В. Григоровичъ. — Поэзія Н. А. Некрасова. — Гр. А. К. Толстой. — Ѳ. И. Тютчевъ. —

Я. П. Погодинъ.—А. Н. Майковъ.—А. А. Фетъ.—И. А. Гончаровъ.—
А. Θ. Писемскій.—А. Н. Островскій [печатается].
Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ III. Съ
15 портретами (№ 1).

Содержаніе: Θ. М. Достоевскій.—Гр. Л. Н. Толстой и рус-
скій историческій романъ.—Дѣти въ произведеніяхъ гр. Л.
Н. Толстого.—Отраженіе общественныхъ настроеній въ про-
изведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.—Н. С. Лѣсковъ.—Отъ шести-
десятихъ годовъ къ восьмидесятымъ.—Г. И. Успенскій.—
П. Д. Боборыкинъ.—В. И. Немировичъ-Данченко.—В. Г. Ко-
роленко.—И. Н. Потапенко.—А. П. Чеховъ.—Максимъ Горь-
кій.—В. Вересаевъ.—Леонидъ Андреевъ.—А. Н. Апухтинъ.—
Д. С. Мережковский.—Н. М. Минскій.—П. Я. Вальмонъ.—
Фофановъ.—Вл. С. Соловьевъ.—Интересъ къ этикѣ въ рус-
ской философіи [печатается].

Брюкнеръ, А.

Исторія нѣмьской литературы (№ 18) [печатается].

Бурггардтъ, Яковъ.

— Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Перев. съ нѣм. *С. Бри-
лианта*, съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ
Гейгеромъ. Въ 2 тт. Спб. 1906 г. Ц. за оба тома 5 р. (№ 7).

Вандаль, Альбертъ.

— Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брѣмер-
скаго консульства. Конституція III года. Пере-
водъ съ XI-го фр. изд. *З. Н. Журавской*. Спб. 1905 г. 2 р. (№ 16).

Каутскій, Карлъ.

— Томасъ Моръ и его утопія. Переводъ съ нѣм. *М. А. и А. Г.
Генкель*. Спб. 1905 г. 1 р. 25 к. (№ 14).

Лемке, Мих.

— Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія.
Съ 19 портретами и 81 каррикатурою. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 2).

Содержаніе: Эпоха обличительнаго жара (1857—64 гг.).—
Эпоха цензурнаго террора (1848—55 гг.).—Русское „Bureau de
la presse“.—Θаддей Булгаринъ.

— Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 4 портре-
тами. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 3).

Миллюковъ, П.

— Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII
столѣтія и реформа Петра Великаго. 2-ое изданіе. Спб. 1905 г.
3 р. 50 к. (№ 5).

Никитенко, А. В.

— Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ
жизни былъ“. Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ
автора. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное *по рукописи*
подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указате-
лемъ *М. К. Лемке*. Въ двухъ томахъ. Спб. 1905 г. Ц. за оба
тома 7 р. (№ 12).

**Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину
XIX вѣка. (№ 11).**

Томъ I. *Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Обо-*

ленский и бар. В. И. Штейнгель (статья и материалы). Составили: В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Е. Щеголевъ; съ 3 гелиогравами. Спб. 1905 г. 5 р.

Пименова, Э.

—— Политическіе рожденіи современной Англіи и Ирландіи. Съ 10 портретами. Спб. 1904 г. 2 р. (№ 6).

Содержаніе: Виконсфильдъ. — Чамберленъ. — Сесиль Родсъ. — Гладстонъ. — Джонъ Морлей. — Розберри. — Парнелль. — Джонъ Редмондъ. — Лабушеръ. — Джонъ Бёрнсъ.

Рожковъ, Н., приватъ-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель Практической Академіи коммерческихъ наукъ.

—— Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904 г. 1 р. 10 к. (№ 15).

Тэнъ, И.

Присхожденіе современной Франціи. Перев. съ франц. (№ 10) [печатается].

Файфъ, Ч.

—— Исторія Европы XIX вѣка. Перев. со второго англійскаго изданія *М. В. Лучицкой* подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго*. Одобрена для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (1-е дополненіе каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведеній 1897 г., № 496). Съ 2-мя раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 2-ое. Спб. 1904 г. 5 р. 50 к. (№ 8).

Фельдманъ, В.

Современная польская литература (№ 19) [печатается].

Франке, Куно.

—— Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 3-хъ портретами. Переводъ съ англ. *П. Батина*. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 9).

Эндрузъ, Венъяминъ.

—— Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861 — 62 гг. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго *Е. А. Гурвичъ*. Спб. 1905 г. 2 р. 50 к. (№ 17).

II. Изящная литература, исторія, критика и публицистика

Бѣловерскій, Н. (Ив. Порошинъ).

—— Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905 г. 75 к.

Мельхиоръ де-Вогюэ.

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ *А. Б. Ф.* Спб. 1902 г. 25 к.

Горинъ, Николай.

Основные идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. 30 к.

Гуревичъ, Л.

—— „Съдонъ“ и другіе разсказы. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Съдокъ.—У рулетки.—Порученіе.—Шурочка.—
Странная исторія.—Тоска.—Ребенокъ.—Разсѣянность.—Въ
сѣбѣ.—Неоконченное письмо.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія“. Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб.
1903 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ.—
Поездка къ Шамилю въ Калугу.—Винновѣики польскаго
возстанія 1863 года.—Эпизоды изъ времени этого возстанія.—
Памяти В. В. Чуйко.—У графа Л. Н. Толстого.—Генералъ
Шамиль—и его рассказы объ отцѣ.—Русскій театръ—прежде
и теперь.—Памятная ночь подъ Рождество.—Сказка о Митяяхъ.

Лемке, Мих.

Думы журналиста. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Мережковский, Д. С.

—— Грядущій Хамъ. Спб. 1906 г. 1 р.

Содержаніе: 1) Грядущій Хамъ.—2) Чеховъ и Горькій.—
3) Теперь или никогда.—4) Страшный судъ надъ русской
интеллигенціей.—5) Св. Софія.—6) О новомъ религиозномъ
дѣйствіи.

—— Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о
любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-ое изд.
Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. 2 р. — Т. II.
Спб. 1903 г. 3 р.

—— Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е
изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Любовь сильнѣе смерти.—Наука любви.—
Микель-Анжело.—Святой Сатиръ.

—— Петръ и Алексій. Историческій романъ. Спб. 1905 г. 3 р.

Морсье, де-, А.

—— Права женщины. Вопросы социальнаго воспитанія. Переводъ
съ франц. Эльтъ. Спб. 1904 г. 50 к.

Перцовъ, П.

—— Венеція. Съ 25 снимками съ картинъ знаменитыхъ ху-
дожниковъ. Спб. 1905 г. 1 р.

Розановъ, В.

—— Около церковныхъ стѣнъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1906 г.
II. за каждый томъ 2 р.

Якимовъ, Василій, авторъ книги „По слѣдамъ голода“.

—— Безъ хлѣба насущнаго. Разказы. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Неизбѣжный процентъ.—Въ одинъ сочель-
никъ.—Безъ хлѣба насущнаго.—Мамку помянулъ.—Въ
стогъ.—Долгъ.—„Желѣзная голова“.—Иуда.—Трупъ.—
Идолы.—Съ большой совѣстью.—„Артисты“.—Скуки ради.—
Въ лѣтописъ голоднаго года. (На заброшенномъ хуторѣ.—Съхорошимъ
хлѣбомъ.—Антихристова помощь.—Возпокойное сердце.—Два пивы.—Въ
оросѣ).

Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеждинъ).

Очерки французской общественности. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: I. Журнализмъ и журналисты. — II. Рабочіе союзы. — III. Армія просвѣщенія. — IV. Демократизація науки. — V. Заботы о „будущемъ челоувѣчествѣ“.

Литературное Дѣло.

Сборникъ. Спб. 1902 г. 2 р. 25 к.

Содержаніе: Евг. Чириковъ. На дворѣ во флигелѣ. *Бытовые картины*, поставленные на московскихъ и петербургскихъ театрахъ. — Сниталецъ. Пѣсни скитальца. *Стихотворенія*. — Евг. Тарле. Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи. — Танъ На красномъ камнѣ. *Повесть*. — А. М. Вербовъ. *Стихотворенія*. — В. Богучарскій. Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловъ. — В. Вересаевъ. На эстрадѣ. *Эскизъ*. — С. Булгаковъ. Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. *Параллели*. — А. Лушняновъ. *Стихотворенія*. — В. І. Дмитріева. Волки. *Рассказъ*. — Николай Бердяевъ. Къ философіи трагедіи. *Моррисъ Метерлинкъ*. — Вас. Брусянинъ. Пѣвучая гитара. *Рассказъ*. — Галина. *Стихотворенія*. — Сниталецъ. Атаманъ. *Рассказъ*. — З. Н. Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ. — Танъ. *Стихотвореніе*. — Иванъ Фовинъ. *Два очерка*: 1) Къ жизни, 2) Ландыши. — Иванъ Странникъ. Изъ настроеній современной французской литературы. — Вл. Муриновъ. Скандалъ. *Рассказъ*. — Проф. Евг. Аничковъ. Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ.

Пельтанъ, Камиллъ, депутатъ.

Исторія Франціи отъ 1815 года до нашихъ дней. Иллюстрировано 7 рис. и 78 портретами. Перев. съ франц. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Якимовъ, Василій.

По слѣдамъ голода. (Изъ воспоминаній). Спб. 1903 г. 1 р.

Содержаніе: I. Начало конца. — II. „Магазинъ разобрали“. — III. „Свое средство“. — IV. Около цыгги. — V. Въ голодающей деревнѣ. — VI. На описи голодающихъ. — VII. Предѣлы скорби. — VIII. Въ кусочки. — IX. Воръ. — X. Поджогъ. — XI. Маленькіе страдальцы. — XII. „Лѣнтяй мужикъ“. — XIII. „Свиной кормъ“. — XIV. На гужевой перевозкѣ. — XV. На конскомъ участкѣ. — XVI. За казенными лошадьми. — XVII. „Тоже нуждающіеся“. — XVIII. Хорошіе люди. — XIX. Хорошіе люди. — Самоотверженные. — XX. Хорошіе люди. — Первые впечатлѣнія. — XXI. Хорошіе люди. — „Изъ своихъ достатковъ“. — XXII. Хорошіе люди. — „Волонтерки голода“. — XXIII. Хорошіе люди. — О. Фіалковский. — XXIV. Хорошіе люди. — Въ хлѣбномъ амбарѣ. — XXV. Хорошіе люди. — Когда мѣхъ не было стыдно. — XXVI. Хорошіе люди. — Двое яслей. — XXVII. Хорошіе люди. — Парадоксъ. — XXVIII. Равнодушные. — XXIX. „Акробаты благотворительности“. — XXX. Безпокойные. — Безпокойный землецъ. — XXXI. Безпокойные. — Докторъ Оерапонтовъ. — XXXII. Безпокойные. — „Скоропадентъ“. — XXXIII. Безпокойные. — „Корреспонденты и туристы“. — XXXIV. Приспособившіеся. — Оноже голоднаго каравая. — XXXV. Приспособившіеся. —

Ревнитель народной нужды. — XXXVI. Приспособившіеся. — Паразиты. — XXXVII. Приспособившіеся. — На всѣ руки. — XXXVIII. Заключение.

III. Философія

Джемсъ, Уилльямъ.

— Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Перев. съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Зависимость вѣры отъ воли. — Стоитъ ли жить? — Чувство рациональности. — Рефлекторные акты и теизмъ. — Детерминизмъ и связанная съ нимъ дилемма. — Философъ-моралистъ и моральная жизнь. — Великіе люди и среда. — Значеніе индивидуумовъ. — О нѣкоторыхъ тегелімахъ. — Труды Общества для Психическихъ Изысканій.

Жановъ, К.

— Теорія перемѣннаго и предѣла въ гистологій и въ исторіи познания. Спб. 1904 г. 1 р.

Минскій, Н. М.

— Религія будущаго. (Философскіе разговоры). Спб. 1905 г. 2 р.

Юмъ, Давидъ.

Исследование чловѣческаго разумѣнія. (An Inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

IV. Математическія науки

Бертранъ, Жозефъ.

Алгебра, въ переводѣ М. В. Пирожкова.

Часть I. Спб. 1899 г. 3 р.

Часть II. (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. 2 р.

Содержаніе: Книга I. Дополненіе къ элементарной алгебрѣ (ряды, сочетанія и биномъ Ньютона; о логарисмахъ; повѣрка алгебраическихъ формулъ; методъ неопредѣленныхъ коэффициентовъ). — Книга II. Теорія производныхъ (производныхъ отъ явныхъ функцій съ одною перемѣнною; изученіе функцій при помощи производныхъ; ряды для вычисленія логарисмовъ и числа π). — Книга III. Общая теорія уравненій. (основные принципы численныхъ уравненій какой угодно степени; теорема Декарта; теорема Ролля; теорія равныхъ корней; сопримѣримые корни; теорема Штурма). — Книга IV. Конечныя разности (обозначенія и основныя формулы; интерполированіе; рѣшеніе численныхъ уравненій; рѣшеніе трансцендентныхъ уравненій). — Приложение (разложеніе рациональныхъ дробей на простѣйшія; мнимыя выраженія, рѣшеніе уравненій 3-ей степени; рѣшеніе системы двухъ уравненій 2-й степени съ двумя неизвѣстными; нѣкоторыя замѣчательныя преобразованія; о рѣшеніи уравненій первой степени; непрерывныя дроби; методъ исключенія Безу и Эйлера).

Одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. и для ученич. библиотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Ариеметика, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. 2 р.

Дифференціальное исчисленіе. Съ портретомъ автора. Переводъ М. В. Пирожкова, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій. Изд-е 4. Спб. 1905 г. 10 р.

Пирожковъ, М. В.

Ариеметика ирраціональныхъ чиселъ. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Дополнительныя статьи по Алгебрѣ. Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій. Пособіе для готовящихся въ высшія техническія учебныя заведенія. Спб. 1900 г. 75 к.

Содержаніе: Теорія соединеній, бивномъ Ньютона, непрерывныя дроби, неопредѣленные уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, несоизмѣримыя (ирраціональныя) числа, задачи.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военноучебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Сборникъ задачъ для вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Пособіе для гг. экзаменаторовъ. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к.

Серре (J.-A.).

Ариеметика, въ перев. М. В. Пирожкова [печатается].

Дополненіе къ теоріи круговыхъ функцій, въ переводѣ М. В. Пирожкова. 50 к. [печатается].

Прямолинейная тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 60 к.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для средн. учебныхъ завед. Министерства.

Сферическая тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 40 к.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

V. Учебники

Бороздинъ, А. К.

Изъ лекцій по теоріи словесности [печатается].

Weyert, J. (Вейертъ, И.).

Deutsches Lesebuch für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I—VI. Preis des Heftes von 8—10 Druck-

боген 35 Кор. 1902—1904 гг.—Нѣмецкая книга для чтенія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I—VI. Спб. Ц. каждой части 35 к. Часть I. Статьи по исторіи.—Часть II. Статьи по естествознанію.—Часть III. Статьи по этнографіи и географіи.—Часть IV. Статьи по біографіи.—Часть V. Статьи и смѣшаннаго содержанія.—Часть VI. Разказы.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки.

Учебнымъ Отдѣломъ Мин. Финансовъ I-я часть одобрена, какъ классное руководство для коммерческихъ учебныхъ заведеній, а II-я часть *рекомендована* для приобрѣтенія въ ученич. бібліотеки и для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшихъ классовъ тѣхъ же учебн. заведеній.

VI. Дѣтскія книги

Беллегъ, Л.

№ 5. Местъ одного изъ де-Готенеровъ. Иллюстраціи де-Монтандеръ. Переводъ Е. А. Пелль. Спб. 1905 г. 1 р. 50 к.

Галина, Г.

№ 1. Сахарный принцъ и принцна принцесса. Сказка для маленькихъ дѣтей. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к. Роскошно-иллюстрированное изданіе.

№ 2. Сказки. Спб. 1904 г. 2 р. 25 к. въ пакѣ, 2 р. 50 к. въ коленк. переплетъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе.

Содержаніе: Кто онъ? — Вербный чертикъ. — Красное яичко. — Какъ фея познакомилась съ человѣкомъ. — Розовыя очки. — Упавшая звѣздочка. — Иванушка — золотое сердце. — Какъ лягушеночъ путешествовать. — Исторія одного блина. — Снѣжный человѣкъ. — Лева и Милка. — Васыкина елка. — Три сестры. — Злая рѣдка. — Каменная баба. Голубой огонекъ.

М-те Ле-Руа, Фердинандъ.

№ 4. Сытъ адмирала. Перев. съ французскаго Е. А. Пелль. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к. въ роск. перепл.

Мало, Гекторъ.

№ 3. Приключенія Романа Кальбри. Перев. съ франц. Е. И. Ворхсеніусъ. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к. въ роск. перепл.

Изданія, приобрѣтенныя полностью:

Позняковъ, Н. И.

Разказы (Для школъ и народа).

1) Вѣсть. — Суета. Спб. 1902 г. 5 к.	5) Незнакомецъ. Спб. 1902 г. 5 к.
2) Двѣ милостыни. Спб. 1902 г. 5 к.	6) Первый визитъ. Спб. 1902 г. 5 к.
3) Заложъ. Спб. 1902 г. 5 к.	7) Переполюхъ. Спб. 1902 г. 5 к.
4) На бѣдность. Спб. 1902 г. 5 к.	8) Револьверъ. Спб. 1902 г. 5 к.

Допущены Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ бесплатн. народн. читальни и бібліотеки.

І. Изыщная литература, исторія, критика и публицистика

Идреевичъ.

Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ. Спб. 1900 г. 1 р. 50 к.

Идреевскій, С. А.

Литературные очерки (3-е дополненное изданіе „Литературныхъ чтеній“). Спб. 1902 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Поэзія Варатынскаго. — „Братья Карамазовы“. — Всеволодъ Гаршинъ. — О Некрасовѣ. — Лермонтовъ. — Изъ мыслей о Львѣ Толстомъ. — Тургеневъ. — Городъ Тургенева. — Гюи Де-Мопасанъ. — Книга Башкирцевой. — Къ столѣтію Грибоѣдова. — Вырожденіе рѣимы. — Театръ молодого вѣка.

Ирхсеніусъ, Е. И.

Представители реального романа во Франціи въ XVII-мъ столѣтіи. Спб. 1889 г. 60 к.

Злозерскій, С. врачъ.

Вересаевъ передъ судомъ московской науки. Спб. 1904 г. 25 к.

Итсонъ, М.

Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. 2-ое испр. и доп. изд. Итальянская бібліотека № 1. Спб. 1903 г. 50 к.

Джузеппе Кардуччи. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Итальянская бібліотека № 2. Спб. 1899 г. 50 к.

Джузеппе Джусті. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Итальянская бібліотека № 3. Спб. 1900 г. 50 к.

Александро Манцони. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Итальянская бібліотека № 4. Спб. 1902 г. 50 к.

Итсонъ, Э. К.

Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ (съ портретомъ и біографіей автора). Спб. 1892 г. 2 р.

Содержаніе: Памяти Э. К. Ватсона. — Прусское правительство и прусская конституція. — Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи. — Рабочіе классы въ Англіи и манчестерская школа. — Что такое великіе люди въ исторіи? — Авраамъ Линкольнъ. — Стачки рабочихъ во Франціи и въ Англіи. — Огюсть Контъ и позитивная философія. — Жизнь Дж. Стюарта Милля.

Лажскій.

Изъ міра литературныхъ исканій Сборникъ статей. Спб. 1906 г. 1 р.

Локресенскій, А. Е.

Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Опытъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Галина, Г.

Стихотворенія. Спб. 1902 г. 1 р.

Гамсухъ, Кнутъ.

Въ Парижѣ. Новелла. Переводъ Мих. Могилянского. Кіев
1905 г. 4 к.

Гиппиусъ, З. (Мережковская).

Новые люди. Первая книга рассказовъ. Спб. 1896 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Яблони цвѣтутъ.—Ближе къ природѣ.—Б
гннѣ.—Простая жизнь.—Голубое небо.—Смирненіе.—Стихот
ренія.—Местъ.—Легенда.—Цыганка.—Время.—Совѣсть.—Од
ной.—Миссъ Май. (Р а с п р о д а н о).

Зеркала. Вторая книга рассказовъ. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Зеркала.—Вѣдьма.—Живые и мертвые.—Р
дина.—Утро дней.—Луна.—Стихотворенія.—Златоцвѣтъ.

Третья книга рассказовъ. Спб. 1902 г. 2 р.

Содержаніе: Сумерки духа.—Кабанъ.—Комета.—Слишком
ранніе.—Святая плоть.—Святая кровь.

Гольдштейнъ, И. М., доцентъ Цюрихскаго Университета.

Статистика и ея значеніе для современнаго общества. Сп
1904 г. 25 к.

Государственная Дума.

Узаконенія 6 августа 1905 г.: Высочайшій Манифестъ.—
Именной Высочайшій указъ Правительствующемъ
Сенату.—Учрежденіе Государственной Думы.—По
ложеніе о выборахъ въ Государственную Думу.—По
изданіе Государственной Типографіи. Спб. 1905 г. 60 к.

Гривскій, И.

Записки рабочаго. Спб. 1904 г. 80 к.

Ефименко, Александра,

членъ Имп. Русскаго Географическаго, Мо
сковского Психологическаго, Харьковскаго Историко-Филологическаго
Новокаго Юридическаго Обществъ и почетнаго члена Полтавской Учено
Архивной Комиссіи.

Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изд
Общества имени Т. Г. Шевченка для вспоможенія нуж
дающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ
учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, въ пользу фонда дл
устройства общежитія и столовой.

Томъ I. Спб. 1905 г. 2 р.

Содержаніе: Очерки исторіи правобережной Украины.
Малорусское дворянство и его судьба.—Южно-русскія бра
ства.—Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ.—Народны
суды въ Западной Руси.—Дворянское землевладѣніе въ Ю
жной Руси.—Архаическія формы землевладѣнія у Германцевъ
и Славянъ.—Литовско-русскіе данники и ихъ дани.

Томъ II. Спб. 1905 г. 2 р.

Содержаніе: Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII в.—
Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками.—
Двадцать пунктовъ Вельяминова.—Турбаевская кат
строфа.—Архіерейскій подарокъ.—Два намѣстника.—Старин
ная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ.—
Малорусскій языкъ въ народной школѣ.—Философъ из
народа.—Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя.—Изъ

ціональність пог. В. Соловьеву.—По поводу украинофильства.—Литературныя силы провинціи.—Котляревскій въ исторической обстановкѣ.—Памяти Тараса Григорьевича Шевченка.—Украинскій элементъ въ творчествѣ Гоголя.

— Какъ надѣлать крестьянъ землею? Аграрная программа партіи „Свободомыслищихъ“ въ связи съ критикой агр. программъ другихъ партій. Спб. 1906 г. 5 к.

Канадѣевъ, И. Н.

Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902 г. 2 р.

Карабчевскій, Н. П.

— Дѣло бывшего студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Клеве, и рѣчь въ защиту Сазонова. Спб. 1906 г. 25 к. При покупкѣ книги „Рѣчи“—бесплатно.

— Дѣло генерала Новалева и рѣчь въ защиту интересовъ д-ра Забурсова. Спб. 1905 г. 25 к. При покупкѣ книги „Рѣчи“—бесплатно.

Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебныя очерки. Спб. 1902 г. 2 р.

— Приподнятая завѣса (проза и стихи). Спб. 1905 г. 1 р. 50 к.

Рѣчи. 1882—1902. Изданіе второе, дополненное пятью рѣчами. Спб. 1902 г. 3 р. 50 к.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В., преподаватель исторіи всемірной торговли.

Женское движеніе въ Россіи и за границей. Спб. 1902 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Введеніе.—Древній міръ.—Историческое развитіе женскаго движенія.—Америка.—Женское движеніе въ Англіи.—Скандинавскія женщины.—Германія.—Франція.—Италія.—Бельгія.—Женское движеніе въ Румыніи.—Женское движеніе въ Болгаріи.—Къ характеристикѣ положенія женщины въ Испаніи.—Швейцарія.—Австро-Венгрія.—Новая Зеландія и Южная Австралія.—Женское движеніе на Востока.—Женское дѣло въ Россіи.

— Кооперативные идеалы. Публичная лекція. Спб. 1905 г. 25 к.

— Къ свободѣ... Этюдъ по женскому вопросу. Спб. 1905 г. 15 коп.

— Мировой рынокъ. Публичная лекція. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 25 коп.

— Политическій строй Англіи, Германіи, Австро-Венгрии, Италіи, Франціи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи, Финляндіи, Нидерландовъ, Бельгіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Сѣв.-Ам. Штатовъ, Японіи. (Приложеніе: взаимоотношеніе палатъ, бюджетное право, личная свобода, политическіе выборы и выборное право). Спб. 1905 г. 30 к.

— Потребленіе вина въ монополныхъ губерніяхъ въ 1902 г. Спб. 1904 г. 1 р.

Современное значеніе коммерческаго образованія. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ празднованіи 7-й годовщины *Частныхъ С.-Петербургскихъ Счетоводныхъ Курсовъ*, учрежденныхъ М. В. Побѣдинскимъ. Спб. 1905 г. 15 к.

Этюды. Спб. 1904 г. 1 р.

Содержаніе: Женское „дѣло“. — „Туманъ“ и женщины. — Общественный недугъ. — Жилища бѣдноты. — Вырожденіе Франціи. — Кооперативное движеніе. — „Бродячая Русь“. — Мелкое землевладѣніе и прогрессъ. — 1902-й годъ въ Россіи. — Общество и его агенты. — Страданіе, какъ двигатель прогресса. — Мировое торжище.

Кочубей, М. Н.

5 театральныхъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ. 1883—1900. Кіевъ, 1904 г. 1 р. 50 к.

Кузнецовъ, Н. И., Секретарь Воронежской Губернской Земской Управы.

Систематическій сводъ указовъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Изданіе неофіціальное.

Томъ I. 1886—1900 г.г. Спб. 1902 г. 4 р.

Томъ II. 1899—1903 г.г. Воронежъ, 1903 г. 2 р. 50 к.

Лемке, Мих.

Николай Михайловичъ Ядрищевъ. Біографическій очеркъ.

Къ десятилѣтію со дня кончины (1894 ⁷/_{vi} 1904). Съ 8 иллюстраціями и съ введеніемъ И. И. Попова. Изд. редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе“. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Листъ, Францъ, проф.

Преступленіе, какъ соціально-патологическое явленіе. Переводъ съ нѣмец. Спб. 1904 г. 20 к.

Любовичъ, Н. Н., проф. Люблинскіе вольнодумцы XVI в. Антитринитаріи и анабаптисты. Варшава, 1902 г. 35 к.

Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава, 1901 г. 25 к.

Масарикъ, Ѳ. О., проф.

Начала социалистическаго общества (Главные вопросы марксистской политики). — II. Марксизмъ и парламентаризмъ (Съ біографіей по вопросамъ политики). Переводъ подъ ред. пр.-доц. Н. Ястребова. Изданіе партіи „Свободомыслящихъ“. Спб. 1906 г. 25 к.

Мережковский, Д. С.

Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1899 г. 2 р.

Содержаніе: Акрополь. — „Дафнисъ и Хлоя“. — Маркъ Аврелій. — Плиній Младшій. — Кальдеронъ. — Сервантесъ. — Монтань. — Флоберъ. — Ибсенъ. — Достоевскій. — Гончаровъ. — Майковъ. — Пушкинъ.

Метерлиникъ, Морисъ.

Жизнь пчелъ. Пер. съ фр. К. М. Зиновьевой и Э. В. Яковлевой. Спб. 1902 г. 80 к.

М. М. Критическіе наброски. *Содержаніе*. I. „Потонувшій колоколь“ — сказка-драма Г. Гауптмана. — II. Поэзія Ш. Бодлера Спб. 1898 г. 25 к.

Поэзія Надсона. Спб. 1897 г. 15 к.

I. Реабилитация Пушкина (Къ характеристикѣ настроенія 90-хъ годовъ). — II. Нѣсколько словъ о Гауптманѣ. Спб. 1901 г. 25 коп.

Стихотворенія. Спб. 1897 г. 40 к.

Три стихотворенія въ прозѣ. Спб. 1898 г. 15 к.

Могилянскій, Мих.

Миражъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. (Къ представленію дозволено. Спб. 4 мая 1902 г.). Спб. 1902 г. 50 к.

Моръ, Томасъ.

— Утопія. Перевелъ съ латинскаго А. Г. Генкель при участіи Н. А. Макшеевой. Съ биограф. очеркомъ Т. Мора, состав. Н. А. Макшеевой. (Съ портретомъ Т. Мора). 2-ое исправл. и дополн. изд. Спб. 1905 г. 75 к.

Надсонъ, С. Я.

Литературные очерки (1883—1886). Съ портретомъ автора. 2-е изд. Спб. 1887 г. 1 р.

Ободовскій, К. П.

Три бѣсѣды: I) О любви, II) Въ чемъ состоитъ счастье, III) О будущности міра. Спб. 1903 г. 30 к.

Палеологъ, А.

Кнутъ (La scagache). Переводъ съ французскаго. Тифлисъ, 1903 г. 20 к

Папприцъ, А.

— Общественныя и экономическія причины проституціи. Переводъ съ нѣм. М. В. Кечеджи-Шаповалова, съ его предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1904 г. 25 к.

Перетцъ, В. Н.

Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902 г. 3 р. Томы I. и II. распроданы.

Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв. Спб. 1899 г. 1 р. 60 к.

Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника. Спб. 1899 г. 1 р. 30 к. — Къ исторіи Лунника. Спб. 1901 г. 1 р. 50 к.

Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903 г. 3 р. 50 к.

Нерцовъ, П. П.

Первый сборникъ. Спб. 1902 г. 1 р.

Содержаніе: Славянофильство. — Литература и театр. — Путевые очерки. — Философія теченія русской поэзіи. Избранныя стихотворенія и кри-

тических статьи С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева. Спб. 1896 г. 2 р.

Содержание: А. С. Пушкинъ.—Е. А. Баратынский.—А. В. Кольцовъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—В. П. Огаревъ.—Ф. И. Тютчевъ.—Гр. А. К. Толстой.—А. А. Фетъ.—Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ.—А. Н. Апухтинъ.—Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Перцовы, П. и В.

Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. 1 р.

Петрункевичъ, А. М.

Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ Эпохи Возрожденія во Франціи. Спб. 1899 г. 1 р. 50 к.

Протопоповъ, С. В., протоіерей и настоятель православныхъ церквей въ Висбаденѣ, Эмсѣ и Дармштадтѣ.

О художественномъ элементѣ въ православномъ церковномъ пѣніи. (Къ свѣдѣнію композиторовъ духовной музыки и въ руководство истиннымъ любителямъ богослужебнаго пѣнія). Мысли, наблюденія и историческія справки. 2-ое дополн. изд. Спб. 1905 г. 80 к.

Пишибышевскій, Ст.

Для счастья. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Харьковъ, 1904 г. 30 к.

Ратгенъ, К., проф.

Возрожденіе Японіи. Переводъ съ нѣм. Н. Н. Е. Спб. 1903 г. 20 к.

Рефераты и работы

студенческаго „Кружка Политической Экономіи“ при Спб. Унив. Вып. I. 1902—1904 гг. Спб. 1905 г. р. 1. 75 к.

Розановъ, В. В.

Литературные очерки. Сборникъ статей. Спб. 1899 г. 1 р.

Содержаніе: Старое и новое. — Литературная личность. Н. Н. Страхова. — Три момента въ развитіи русской критики. — Позднія фазы славянофильства: 1) Н. Я. Данилевскій и 2) К. Н. Леонтьевъ. — Катковъ, какъ „государственный человѣкъ“. — Литературно-общественный кризисъ. — О Достоевскомъ. — „Вѣчно-печальная дуэль“ (М. Ю. Лермонтовъ). — 50 лѣтъ вліянія (юбилей В. Г. Вѣлинскаго). — Съ юга. — Замѣтки о Польшѣ. — О писателяхъ и писательствѣ (замѣтки и наброски). — Памяти усопшихъ: 1) О. И. Каблицы (Юзова), 2) Ю. Н. Говорухи - Отрока, 3) Н. Н. Страхова, 4) Ф. Э. Шперка, 5) Я. П. Полонскаго.

Природа и исторія. Сборникъ статей. Спб. 1900 г. 1 р.

Содержаніе: Вопросъ о происхожденіи организмовъ. — Теорія Чарльза Дарвина, объясняемая изъ личности ея автора. — Красота въ природѣ и ея смыслъ. — Часть и цѣлое. — О чудесномъ въ мірѣ. — Что иногда значитъ „научно объяснить“ явленіе? — Философскія вліянія въ русскомъ обществѣ. — Смѣна міровоззрѣній. — Двѣ философіи (критическая замѣтка). — Замѣтки объ исторіи: 1) о государствѣ въ древнемъ и новомъ

міръ, 2) объ эпохахъ русской исторіи.—Книга особенно замѣчательной судьбы.

Религія и культура. Сборникъ статей. Изданіе 2-е. Спб. 1901 г. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Мѣсто христіанства въ исторіи.—Психологія русскаго раскола.—Черта характера древней Руси.—Культурная хроника русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ.—О студенческихъ безпорядкахъ.—Женское образовательное движеніе 60-хъ годовъ.—Франко-руссія впечатлѣнія.—Демократизація живописи.—Гдѣ истинный источникъ „борьбы вѣка“?—О символистахъ и декадентахъ.—Теперь и прежде.—Христіанство пассивно или активно?—Кроткій демонизмъ.—Сѣмя и жизнь.—Смыслъ аскетизма.—Женщина передъ великою задачею.—Нѣчто изъ сѣдой древности.—Эмбрионы.—Новые эмбрионы.—Библиографія.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Спб. 1899 г. 1 р.

Содержаніе: Сумерки просвѣщенія.—Три главныхъ принципа образованія.—Афоризмы и наблюденія.—Педагогическія трафаретки.—О гимназической реформѣ 70-хъ годовъ.—Представленіе.—О Россіи въ годы учебной реформы.—Городъ и школа.—Семья какъ истинная школа.—Границы закона.—Безпочвенность русской школы.—Два типа образованія.—Библиографія.

Святловскій, В. В., пр.-доц. Спб. Универ.

Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Вып. I. Жилищный вопросъ на Западѣ (общая постановка).—Вып. II. Городъ и государство. Приложенія: программы, уставы, законы и проч.—Вып. IV. Жилищный вопросъ въ Россіи (очеркъ жилищныхъ условій).—Вып. V. Жилищный вопросъ въ Россіи. (Приложенія: уставы, доклады, программы, библиографическій указатель и пр.). Спб. 1902—1904 г. Ц. каждому выпуску 1 р.

Задачи городского хозяйства. Городское хозяйство въ Парижѣ. Тоже въ Англіи (по А. Шау). Екатеринбургъ. 1899 г. 75 к.

Материалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XI. Купля—продажа земель въ Европейской Россіи въ 1897 г. Обзоръ мобилизаціи за пятилѣтіе 1892—1897. Спб. 1904 г. 2 р.

Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1905 г. 3 р.

Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессіональные рабочіе союзы. 2-ое изд., доп. и испр. Спб. 1906 г. 60 к.

Соколовъ, Н. М.

Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 1904 г. 2 р.

Содержаніе: О культурѣ и самобытности.—Похороны славянофильства.—О русской національной традиціи.—О русской церковной традиціи.—Интеллигенція и сектантство.—Интеллигенція и церковь.—Золотые сны о золотомъ вѣкѣ.

—— Русские святые и русская интеллигенция. Опыт сравнительно характеристики Спб. 1904 г. 50 к.

Соловьевъ, В. Н.

—— Посмертный сборникъ. Разказы, стихи, путевые очерки. С портретомъ автора и факсимиле. Спб. 1901 г. 1 р.

Сологубъ, Федоръ.

Стихи. Книга первая. Спб. 1896 г. 50 к.

Тѣм. Разказы и стихи. Спб. 1896 г. 1 р.

Содержаніе: Червякъ.—Тѣни.—Къ звѣздамъ.—Стихи (книгъ вторая).

Сорель, Ж.

Соціальное значеніе искусства. Переводъ съ франц. подъ ред. М. Ефремовой. Спб. 1903 г. 25 к.

Стѣровъ, Н.

Разказы, очерки и наброски. Спб. 1892 г. 1 р. 50 к.

—— **ТИПЫ автономной морали въ ихъ логической связи,** — по произведеніямъ А. М. Федорова („Земля“), А. Вербицкаго („Наши ошибки“, „Злая роса“), Абрама Дермана („Странный вопросъ“), А. Лугового („Николай Петровичъ“), Л. Оболенскаго („На развалинахъ“). Казань, 1904 г. 15 к.

Фаресовъ, А. И.

—— Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Фришмутъ, Марія.

Критическіе очерки и статьи. Посмертное изданіе. Спб. 1902 г. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Типъ Фауста въ міровой литературѣ.—Леопольдъ де-Лиль.—О женскомъ образованіи.—Еще о Гамлетѣ.—Сказка.—Переводы.

Хрѣновъ, К. А.

Женское горе. Сборникъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Изд. 2-ое, изм. и дополн. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки. Москва, 1903 г. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Церетели, Е.

Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Рек. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундамент. и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ уч. заведеній и одобрена для учительскихъ библиотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

Чернышевъ, В.

—— Гоненіе на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступныя историческіе разказы. Вып. I. *Нероново гоненіе*. Спб. 1904 г.

Шест
ст

Бәнъ,

Введе
ф

Жак

Карс
в

Десе
о

п
ч

Первые провозвѣстники спиритизма.—Новая логика.—Философія—искусство-ли?—Метафизика, позитивизмъ и научная философія.—Философская ипохондрія.—Одинъ изъ англійскихъ критиковъ Спенсера.—О чемъ поетъ кукушка?—Буддійскій нравственный типъ.

Соколова, Софья.

—— Критика этики Спенсера. Спб. 1905 г. 1 р.

Таннери, П.

Первые шаги древне-греческой науки. Пер. съ фр., съ предисловіемъ проф. А. М. Введенскаго и съ переводомъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ до Платона. Спб. 1902 г. 2 р.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ учен., старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ духовныя семинаріи.

Фихте.

—— Назначеніе челоука. Переводъ съ нѣм. Л. М. подъ ред. Н. О. Лосскаго. Спб. 1906 г. 50 к.

III. Математическія науки

Ивановъ, А. А., д-ръ астрономіи и геодезіи.

Вращательное движеніе земли. Спб. 1895 г. 75 к.

Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Спб. 1901 г. 50 к.

Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. бібліотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ бібліотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Теорія прецессіи. Спб. 1899 г. 1 р. 50 к.

Петерсенъ, Ю.

Методы и теоріи для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе.

Перевелъ Ѳ. П. Крутиковъ. Москва, 1892 г. 70 к.

Петрушевскій, Ѳ. Ѳ., засл. проф. Спб. Унив. и **Еремѣевъ, Н. С.**

Сравнительныя таблицы десятичныхъ и русскихъ мѣръ. Спб. 1868 г. 50 к.

Сыченковъ, Я., препод. Орловскаго реального училища.

Двѣ статьи изъ алгебры въ новомъ изложеніи. Орелъ, 1900 г. 50 к.

Содержаніе: 1-ая статья: Новая формула для неизвѣстнаго кубическаго уравненія общаго вида, дающая всегда дѣйствительный корень уравненія.— 2-ая статья: Первый и второй предѣлы ошибки въ подходящей дроби.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ учен., старшаго возраста, бібліотеки.

Чебышевъ, П. Л.

Теорія сравненій. Спб. 1901 г. 2 р. 3-е изданіе. Изданіе О-ва вспомош. студентамъ Спб. Университета. Настоящее изданіе

исправлено противъ прежняго академикомъ А. Марковымъ, при чемъ особенное вниманіе было обращено на таблицы.

IV. Естественныя науки, географія и путешествія

Беркосъ, П. А.

——— Медицинская зоологія. Составлена по лекціямъ проф. Н. А. Холодновскаго. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 2 р. 50 к.

Практическая зоотомія: Вып. 1-ый Лягушка. Спб. 1899 г. 50 к

——— Вып. 2-ой. Рѣчной Ракъ. 2-ое изд. Спб. 1905 г. 30 к
Вып. 3-ій. Окунь и Щука. Спб. 1899 г. 40 к. Вып. 4-ый. Беззубка. Спб. 1901 г. 30 к.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученич. старшаго возраста, бібліотеки муж. средн. учебн. завед.

Жаковъ, К. Ѳ.

——— На Ствѣрь, въ поенахъ за Памомъ Буръ-мортомъ. Спб. 1905 г. 1 р

Ингеницкій, И.

Заграничные наброски. (По музеямъ и лабораторіямъ Западной Европы). Спб. 1898 г. 50 к.

Лэббокъ, Джонъ.

Шесть главъ популярной естественной исторіи. Съ 90 рис. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Спб. 1902 г. 60 к., въ изищѣ, пер. 95 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебн. завед. и въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Морганъ, Ллойдъ.

Изъ міра животныхъ. Съ 53 рис. художника В. Рау. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к., въ изищѣ, пер. 1 р. 90 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія бібліотѣкъ учебн. завед. Министерства, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Мялицынъ, А., препод. Спб. Учительскаго Института.

Краткій учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 180 рис., 2-ое исправ. изд. Спб. 1900 г. 90 к.

Пирі, Р. Е., гражданскій инженеръ С.-А. С. Ш.

——— По большому льду къ ствѣру. Разсказъ о жизни и работѣ вдоль береговъ и на внутреннемъ ледяномъ покровѣ съ верной Гренландіи въ 1887 и 1891—97 г.г. Съ 8 картами и 357 рисунками. Переводъ съ англ. под. ред. П. Беркоса. № 1 изъ серіи: „Библіотека путешествій“. — „Открытіе земель“. Спб. 1906 г. 3 р.

V. Техническія книги

Андреевъ, П. И., магистръ ветеринарныхъ наукъ.

Ветеринарный надзоръ за убойнымъ скотомъ и мясными продуктами въ Германіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Москва, 1902 г. 3 р.

— Страхованіе убойнаго скота въ Германіи. Москва, 1904 г. 1 р. 25 к.

Кейльгакъ, проф.

— Артезіанская вода. (Съ 19 рис.). Съ нѣм. перевелъ А. Соловьевъ. Спб. 1905 г. 25 к.

Петрушевскій, Ѳ., засл. проф. Спб. унив.

Краски и живопись. 2-ое изд. Спб. 1901 г. 2 р. 20 к.

Прокудинъ-Горскій, С. М.

Изо-хроматическая съемка моментальными ручными камерами. Съ указаніемъ изготовленія чувствительныхъ къ цвѣтамъ пластинъ (изо-пластинъ). Семь отдѣльныхъ таблицъ-рисунковъ внѣ текста. Спб. 1903 г. 80 к.

VI. Учебники

Кечеджи Шаповаловъ, М. В., препод. исторіи торговли и коммерческой корреспонденціи.

— Руководство по коммерческой корреспонденціи, приспособленное для коммерческихъ училищъ, торговыхъ школъ, счетоводныхъ курсовъ и для самообученія. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. (1 Марта, 1905 г., № 1461). Спб. 1904 г. 1 р.

Содержаніе: I. Теорія коммерческаго письма.—II. Практическіе образцы.—III. Коммерческая терминологія.

Крутиковъ, Ѳ. П., засл. препод. математики.

Пособіе для полнаго рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, помѣщенныхъ въ приемной программѣ Инст. Инж. Путей Сообщ. Спб. 1899 г. 1 р.

Тивасъ, З. (Z. T.).

Tableau général d'orthographe d'usage.—Правила французскаго правописанія. Спб. 1897 г. 30 к.

Одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ сред. учебн. завед., мужскихъ и женскихъ.

Чевакинскій, А. препод. Импер. училища Правовѣдѣнія и Спб. Коммерческаго Училища.

Учебная книга сравнительной всеобщей географіи. Курсъ повторительный для старшаго возраста. Спб. 1901 г. 1 р.

Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго руководства, а также въ учен., средняго возраста, библиотекѣ всѣхъ среднеучебн. завед.

Чернышевъ, В.

— Сборникъ статей для письменнаго и устнаго изложенія. Пособіе для самостоятельныхъ работъ и книга для чтенія и упраж-

ненія въ разсказѣ. Для высшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ среднихъ. Спб. 1904 г. 75 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособия для городскихъ училищъ и для приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ средн. учебн. заведеній.

VII. Дѣтскія книги

Лесевичъ, В. (изд.).

Дѣтскій сборникъ. Очерки и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Съ 8 картинками и 3 политипажками. Спб. 1892 г. 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 2 р.

Содержаніе: В. М. Водовозовъ. Никита и его дочери.—А. М. Нинольскій, д-ръ зоологій. Морскія и прѣсноводныя животныя.—А. Е. Кутузова. Въ Березкѣ и подъ березкой.—Дѣтство и юность Томаса Скиннера. Изъ автобіографіи.—А. В. Потанина. Дорджи, бурятскій мальчикъ.—А. Н. Вѣтчиновъ. Жертва.—В. К. Агафоновъ. „Падающія звѣзды“ и метеориты.—А. Н. Анненская. Въ деревнѣ на Рождество.—Юлія Безродная. Варбось въ роли героя.—Эрнстъ Генкель. Адамовъ Шикъ.

Изданія Б. Н. Звонарева:

Амичисъ-де, Э.

Энипанъ для всѣхъ. (Годъ въ конкѣ). Перев. Э. Колтоновской. 1 р.

Андреевичъ (Соловьевъ, Евг.).

Очерки изъ исторіи русскои литературы XIX вѣка. Изданіе второе. Спб. 1903 г. XXXIII+566 стр. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Литература крѣпостной Россіи.—Тезисъ русской литературы. — Радищевъ и скептическое движеніе въ Россіи.—Литература первой четверти вѣка.—А. С. Пушкинъ.—Вѣлинскій о Пушкинѣ.—Пушкинъ въ исторіи.—Характеристика Пушкина.—Поэты Пушкинской эпохи.—Рылѣевъ.—Эпоха Николая I-го.—Журналистика эпохи Николая I-го.—Грибоедовъ.—Гоголь.—Лермонтовъ.—Славянофилы и западники: П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Вѣлинскій; Мужикъ въ русской литературѣ, Д. В. Григоровичъ, И. С. Тургеневъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ, И. А. Гончаровъ, общія замѣчанія о литературѣ 40-хъ годовъ.—Шестидесятые годы: Общая характеристика.—Литература записокъ и писемъ, какъ предисловіе къ литературѣ 60-хъ годовъ.—Журналистика 60-хъ годовъ: Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ, Д. И. Писаревъ, Н. В. Шелгуновъ, М. Н. Катковъ, Ап. А. Григорьевъ, Н. П. Страховъ.—Беллетристика 60-хъ годовъ: беллетристика

Чернышевскаго, Н. Г. Помяловскій, А. И. Левитовъ, А. К. Шеллеръ. — Беллетристы-народники: Н. В. Успенскій, Ф. М. Рѣшетниковъ. — Поэты 60-хъ годовъ: Н. А. Некрасовъ. — Семидесятые годы: Общая характеристика. — Философія критической личности. — Народничество: І. Юзовъ (О. И. Каблицъ), В. В. (Воронцовъ). — Критическое народничество: Г. З. Елинсвѣвъ, М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, Н. К. Михайловскій, Г. И. Успенскій, Н. Н. Златовратскій. — Невѣрующіе народники: А. Н. Новодворскій-Осиповичъ, В. М. Гаршинъ, С. Я. Надсонъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. — Реакціонная литература 60-хъ и 70-хъ годовъ: В. П. Ключниковъ, Н. С. Лѣсковъ, Вс. Крестовскій, Б. Маркевичъ, Толстой и Достоевскій. — Общая характеристика 80-хъ годовъ. — А. П. Чеховъ. — Декаденты. — Новыя вѣянія. — М. Горькій. — Марксизмъ. — П. Д. Воборыкинъ.

Изъ отзывовъ печати: „Первое изданіе книги г. Соловьева было встрѣчено крайне несочувственными отзывами критики... Но всѣ эти крайне неблагоприятныя для г. Соловьева рецензіи не помѣшали первому изданію его книги разойтись въ теченіе одного года. Очевидно, у г. Соловьева есть своя публика, знающая его по цѣлому ряду книжекъ біографической бібліотеки Павленкова и по журнальнымъ статьямъ. Второе изданіе книги г. Соловьева „Исправлено и дополнено“. Но дополненія сдѣланы только въ предисловіи и въ заключеніи. Текстъ же книги, напечатанный стереотипомъ, остался безъ всякихъ измѣненій, исключая нѣсколькихъ страницъ, гдѣ говорится о Герценѣ и Гончаровѣ“.

„Міръ Божій“ 1903 г. № 6.
„Ницше“. П. Дейсенъ. Воспоминанія о Ницше. 75 к.

Бернфельдъ, С.

Талмудъ. Его сущность, значеніе и исторія. Спб., 1902 г. 50 к., съ перес. 65 к.

Бернштейнъ, Э.

Очерки изъ исторіи и теоріи социализма. Спб., 1902 г. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Вагнеръ, А.

● научномъ мышленіи и популяризаціи въ наукѣ. 25 к.

Вандервельде, Э.

Городъ и деревня въ Бельгіи. 25 к.

Ворисгоферъ, С.

Среди марсианъ разбойниковъ. Жизнь рабовъ-христіанъ въ Триполисѣ. Съ 17-ю рисунками, приложенными къ тексту. Перев. съ нѣм. Г. Генкеля. Спб. 1902 г. 592 стр. 2 р., съ пересылкой 2 р. 40 к.

Изъ Лондона въ Австралію. Путешествіе на кораблѣ съ ссыльно-поселенцами. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Святловскаго. Спб. 1902 г. 236 стр. 2 р., съ перес. 2 р. 35 к.

Алмазы Перуанца. Приключеніе путешественниковъ по Южной Америкѣ. Къ тексту прилож. 15 рис. Переводъ съ нѣмецкаго

Е. Святловскаго. 584 стр. Спб. 1902 г. 2 р., съ пересылкой 2 р. 40 к.

Ворисгоферъ, авторъ пользующагося извѣстностью „Образовательнаго путешествія“, принадлежить къ числу дѣтскихъ писателей категоріи Ж. Верна, М. Рида и другихъ. Его особенностью является то, что героями своихъ романовъ онъ предпочитаетъ избирать сверстниковъ своихъ читателей, а это въ глазахъ послѣднихъ придаетъ книгамъ Ворисгофера особенную завлекательность и интересъ.

Зомбартъ, В. проф.

Организація труда и трудящихся. Пер. подъ ред. Л. Кириллова. Съ портрет. Зомбарта и предисл. М. Туганъ-Барановскаго. 1 р. 50 к.

Колтоновскій, А.

Стихотворенія. 1 р.

Кроче, Бенедето.

Историческій матеріализмъ и Марксистская экономія. Критическіе очерки. Переводъ П. Шутякова. Спб. 1902 г. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Содержаніе: О научной формѣ историческаго матеріализма. — Историческая теорія проф. Лоріо. — Къ вопросу объ истолкованіи и критикѣ нѣкоторыхъ понятій марксизма. Книга проф. Штаммлера. — Новыя истолкованія марксистской теоріи цѣнности. — Возраженіе на марксистскій законъ паденія нормы прибыли. — Приложеніе. Коммунизмъ Томаса Кампанеллы.

Лассаль, Ф.

Дневникъ. Пер. съ нѣмецкаго. 1 р.

Рабочая кабала въ Англіи.

Перев. съ англійскаго подъ редакц. М. И. Туганъ Барановскаго. 25 к.

Серао, М.

При закатѣ солнца. Повѣсть. 50 к.

Серао, М. и Капуана, Л.

Итальянскіе рассказы.

Серафимовичъ, А.

Очерки и рассказы. Книга I. 1 р.

Сидисъ, Б., д-ръ-филос.

Психологія внушенія. Съ предисловіемъ У. Джемса. Переводъ съ англійскаго М. Колоколова. Спб. 1902 г. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Внушеніе и внушаемость. — Классификація видовъ внушенія и внушаемости. — Доказательства нормальной внушаемости. — Условія ненормальной внушаемости. — Законъ ненормальной внушаемости. — Внушаемость и бодрственное сознаніе.

——— **Соціальная мораль.** Статьи профессоръ Свободной школы соціальныхъ наукъ въ Парижѣ. Спб. 1902 г. 80 к., съ пересылкой 1 р.

Содержаніе: Д-ръ Э. Дельбэ. Позитивная нравственность. — А. Дарлю. Общественныя и нравственныя идеи. — Пасторъ Вагнеръ. Въ чемъ искать разрѣшенія нравственнаго кризиса? — В. Момю. Справедливость и право. — Ж. Вело. Состраданіе и естественный подборъ. — Шарль Жидъ. Справедливость и милосердіе. — Л. Вруншвицъ. Радости жизни какъ основа морали. — Е. де-Роберти. — Нравственность и политика.

Тотоміанцъ, В. Ѳ.

Потребительныя общества на Западѣ. 1 р. 75 к.

рагэ, Э.

Иллюстрированная французская литература XIX вѣка. (33 портрета и 3 факсимиле). Переводъ А. Колтоновскаго. 2 р. 50 к.

Циглеръ, Теобальдъ.

Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. Съ портретами общественныхъ дѣятелей Германіи. Переводъ и примѣчанія Г. Гешкеля. Спб. 1901 г. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Три міросозерцанія. — Натурфилософія Шеллинга и феноменологія Гегеля. — Паденіе и возстановленіе Пруссіи. — Послѣ войны за освобожденіе. — Торжество Гегелевской философіи права. — Молодая Германія. — Религіозное движеніе до Штраусса и Фейербаха. — Фридрихъ-Вильгельмъ IV и сороковые года. — Революція 1848 и 1849 годовъ. — Реакція пятидесятихъ годовъ. — Бисмаркъ и основаніе Германской имперіи. — Культуркамперь. — Соціализмъ и социаль-демократія. — „Fin de siècle“. — Очерки изъ исторіи и теоріи социализма Эдуарда Вернштейна.

Складъ высылаетъ всякаго рода книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и принимаетъ подписку на всѣ изданія (газеты, журналы и проч.), какъ русскія, такъ и иностранныя.

При выпискѣ книгъ на сумму до 1 р. вкл. на пересылку прилагается 20 к.; на суммы свыше 1 р. Складъ принимаетъ пересылку на себя.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКІЙ
ЖУРНАЛЪ

СВОБОДА и КУЛЬТУРА

подъ редакціей **С. Л. Франка** при ближайшемъ участіи
Петра Струве.

Въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ вошли: Н. А. Бердяевъ, О. Е. Бу-
жанскій, С. Н. Булгаковъ, В. И. Вернадскій, В. М. Гессенъ, И. М. Гревсъ,
Э. Д. Гриммъ, В. Э. Денъ, В. Б. Ельшевичъ, Д. Е. Жуковский, А. С.
Изгоевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, В. А. Кистяковский, Н. А.
Котляревскій, С. А. Котляревскій, Н. О. Лосскій, Д. С. Мережковский,
М. М. Могилянскій, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, П. И. Новгородцевъ,
Д. Н. Овсянко-Куликовскій, М. Я. Острогорскій, И. И. Петрункевичъ,
Г. А. Покровскій, А. Е. Прѣсняковъ, Ф. И. Родичевъ, М. Туганъ Баранов-
скій, Д. В. Философовъ, А. А. Чупровъ, Л. Шестовъ, Г. Н. Штильманъ и др.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 6 р., на 9 мѣсяц.
(до 1 Января 1907 г.)—4 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к., на
3 мѣсяца 2 р. За границу на годъ 8 р., на 9 мѣс. — 6 р., на
полгода 4 р. 50 к., на три мѣс. 3 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по 20 коп.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75.
Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по втор-
никамъ отъ 3 до 5 ч.

Въ редакціи подписка не принимается и продажа отдѣльныхъ номеровъ
не производится.

Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства **М. В. ПИРОЖ-**
КОВА (Вас. О., Большой пр., д. 6). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, во всѣхъ большихъ книжныхъ
магазинахъ.

**По соглашенію между издателями журнала „Сво-
бода и Культура“ и пріостановленнаго постановле-
ніемъ Судебной палаты журнала „Полярная Звѣзда“,**
подписчики „Полярной Звѣзды“ будутъ получать
журналъ „Свобода и Культура“.

Издательница: *М. Ж. Могилянская.*

„ЛИТЕРАТУРНАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА“
ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
М. В. ПИРОЖКОВА
(Спб., В. О., Большой пр., 6).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„ТРИЛОГИЮ“ Д. С. Мережковского
подъ названіемъ **„ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ“**,

состоящую изъ трехъ частей:

- 1) **Смерть боговъ** (Юліанъ Отступникъ).
- 2) **Воскресшіе боги** (Леонардо да-Винчи).
- 3) **Антихристъ** (Петръ и Алексѣй).

Первая часть выйдетъ въ апрѣлѣ, вторая—въ маѣ и третья—въ іюнѣ, въ двухъ изданіяхъ—простомъ и изящномъ. Цѣна по подпискѣ на всю „Трилогію“ въ простомъ изданіи—**4 р. 50 к.**, въ изящномъ—**7 р. 50 к.**

При подпискѣ вносится **2 р.** (на изящное изд. **3 р.**) и къ 1 апрѣля остальные **2 р. 50 к.** (на изящное изд. **4 р. 50 к.**).

По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Кромѣ того, печатаются еще слѣдующія книги:

- 1) **МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Пророкъ русской революціи** (къ юбилею Достоевскаго).
- 2) **Вѣчные спутники.** 3-е изданіе.
Это сочиненіе будетъ выходить отдѣльными, вполне законченными, выпусками. Первый выпускъ будетъ посвященъ ПУШКИНУ.
- 3) **ГИППУСЪ (Мережковская). Алый мечъ.** Четвертая книга рассказовъ.
- 4) **Новые люди.** Первая книга рассказовъ. 2-ое изданіе.
- 5) **МЕТЕРЛИНКЪ. Полное собраніе сочиненій**, въ трехъ томахъ. Съ портретомъ, исполненнымъ гелиографіею. Все изданіе иллюстрировано художникомъ *К. Рерихомъ*.
- 6) **ШАПОВЪ. Собраніе сочиненій**, въ трехъ томахъ. Съ портретомъ.
- 7) **ГАЛИНА. Предразсвѣтныя пѣсни.** Собраніе стихотвореній.
- 8) **МОГИЛЯНСКІЙ, МИХ. Усталые**, драма въ 3 д.
- 9) **ПОССЕ. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.** 3-е изданіе.
- 10) **СЕРРЕ. Дополненіе къ „Теорія круговыхъ функцій“** и другія.

Цѣна **20 коп.**

